Глава 1. Лесной гном

В маленькой шведской деревушке Вестменхег жил когда-то мальчик по имени Нильс. С виду - мальчик как мальчик. А сладу с ним не было никакого.

На уроках он считал ворон и ловил двойки, в лесу разорял птичьи гнезда, гусей во дворе дразнил, кур гонял, в коров бросал камни, а кота дергал за хвост, будто хвост - это веревка от дверного колокольчика.

Так прожил он до двенадцати лет. И тут случилось с ним необыкновенное происшествие.

Вот как было дело.

Однажды в воскресенье отец с матерью собрались на ярмарку в соседнее село. Нильс не мог дождаться, когда они уйдут.

«Шли бы скорее! - думал Нильс, поглядывая на отцовское ружье, которое висело на стене. - Мальчишки от зависти лопнут, когда увидят меня с ружьем».

Но отец будто отгадал его мысли.

- Смотри, из дому ни на шаг! - сказал он. - Открывай учебник и берись за ум. Слышишь?

- Слышу, - ответил Нильс, а про себя подумал: «Так я и стану тратить воскресный день на уроки!»

- Учись, сынок, учись, - сказала мать.

Она даже сама достала с полки учебник, положила на стол и придвинула кресло.

А отец отсчитал десять страниц и строго-настрого приказал:

- Чтобы к нашему возвращению все назубок знал. Сам проверю.

Наконец отец с матерью ушли.

«Им-то хорошо, вон как весело шагают! - тяжело вздохнул Нильс. - А я точно в мышеловку попался с этими уроками!»

Ну что поделаешь! Нильс знал, что с отцом шутки плохи. Он опять вздохнул и уселся за стол. Правда, смотрел он не столько в книгу, сколько в окно. Ведь это было куда интереснее!

По календарю был еще март, но здесь, на юге Швеции, весна уже успела переспорить зиму. В канавах весело бежала вода. На деревьях набухли почки. Буковый лес расправил спои ветви, окоченевшие в зимние холода, и теперь тянулся кверху, как будто хотел достать до голубого весеннего неба.

А под самым окном с важным видом разгуливали куры, прыгали и дрались воробьи, в мутных лужах плескались гуси. Даже коровы, запертые в хлеву, почуяли весну и мычали на все голоса, словно просили: «Выпусти нас, выпусти нас!»

Нильсу тоже хотелось петь, и кричать, и шлепать по лужам, и драться с соседскими мальчишками. Он с досадой отвернулся от окна и уставился в книгу. Но прочел он не много. Буквы стали почему-то прыгать перед глазами, строчки то сливались, то разбегались. Нильс и сам не заметил, как заснул.

Кто знает, может быть, Нильс так и проспал бы весь день, если б его не разбудил какой-то шорох.

Нильс поднял голову и насторожился.

В зеркале, которое висело над столом, отражалась вся комната. Никого, кроме Нильса, в комнате

нет. Все как будто на своем месте, все в порядке.

И вдруг Нильс чуть не вскрикнул. Кто-то открыл крышку сундука!

В сундуке мать хранила все свои драгоценности. Там лежали наряды, которые она носила еще в молодости, - широченные юбки из домотканого крестьянского сукна, расшитые цветным бисером лифы; белые как снег накрахмаленные чепцы, серебряные пряжки и цепочки.

Мать никому не позволяла открывать без нее сундук, а Нильса и близко к нему не подпускала. И уж о том, что она могла уйти из дому, не заперев сундука, даже говорить нечего! Не бывало такого случая. Да и сегодня - Нильс отлично это помнил - мать два раза возвращалась с порога, чтобы подергать замок, - хорошо ли защелкнулся?

Кто же открыл сундук?

Может быть, пока Нильс спал, в дом забрался вор и теперь прячется где-нибудь здесь, за дверью или за шкафом?

Нильс затаил дыхание и, не мигая, всматривался в зеркало.

Что это за тень там, в углу сундука? Вот она шевельнулась. Вот поползла по краю. Мышь? Нет, на мышь не похожа.

Нильс прямо глазам не верил. На краю сундука сидел маленький человечек. Он словно сошел с воскресной картинки в календаре. На голове - широкополая шляпа, черный кафтанчик украшен кружевным воротником и манжетами, чулки у колен завязаны пышными бантами, а на красных сафьяновых башмачках поблескивают серебряные пряжки.

«Да ведь это гном! - догадался Нильс. - Самый настоящий гном!»

Мать часто рассказывала Нильсу о гномах. Они живут в лесу. Они умеют говорить и по-человечьи, и по-птичьи, и по-звериному. Они знают о всех кладах, которые хоть сто, хоть тысячу лет назад были зарыты в землю. Захотят гномы - зимой на снегу цветы зацветут, захотят - летом замерзнут реки.

Ну, а бояться гнома нечего. Что плохого может сделать такое крошечное существо!

К тому же гном не обращал на Нильса никакого внимания. Он, кажется, ничего не видел, кроме бархатной безрукавки, расшитой мелким речным жемчугом, что лежала в сундуке на самом верху.

Пока гном любовался затейливым старинным узором, Нильс уже прикидывал, какую бы штуку сыграть с удивительным гостем.

Хорошо бы столкнуть его в сундук и потом захлопнуть крышку. А можно еще вот что.

Не поворачивая головы, Нильс оглядел комнату. В зеркале она вся была перед ним как на ладони. На полках в строгом порядке выстроились кофейник, чайник, миски, кастрюли. У окна - комод, заставленный всякой всячиной. А вот на стене - рядом с отцовским ружьем - сачок для ловли мух. Как раз то, что нужно!

Нильс осторожно соскользнул на пол и сдернул сачок с гвоздя.

Один взмах - и гном забился в сетке, как пойманная стрекоза.

Его широкополая шляпа сбилась на сторону, ноги запутались в полах кафтанчика. Он барахтался на дне сетки и беспомощно размахивал руками. Но чуть только ему удавалось немного приподняться, Нильс встряхивая сачок, и гном опять срывался вниз.

- Послушай, Нильс, - взмолился наконец гном, - отпусти меня на волю! Я дам тебе за это золотую монету, большую, как пуговица на твоей рубашке.

Нильс на минуту задумался.

- Что ж, это, пожалуй, неплохо, - сказал он и перестал раскачивать сачок.

Цепляясь за реденькую ткань, гном ловко полез вверх, Вот он уже ухватился за железный обруч, и над краем сетки показалась его голова.

Тут Нильсу пришло на ум, что он продешевил. Вдобавок к золотой монете ведь можно было потребовать, чтобы гном учил за него уроки. Да мало ли что еще можно придумать! Гном теперь на все согласится! Когда сидишь в сачке, спорить не станешь.

И Нильс снова встряхнул сетку.

Но тут вдруг кто-то отвесил ему такую затрещину, что сетка выпала у него из рук, а сам он кубарем откатился в угол.

С минуту Нильс лежал не двигаясь, потом кряхтя и охая, встал.

Гнома уже и след простыл. Сундук был закрыт, а сачок висел на своем месте - рядом с отцовским ружьем.

«Приснилось мне все это, что ли? - подумал Нильс. - Да нет, правая щека горит, словно по ней прошлись утюгом. Это гном так меня огрел! Конечно, отец с матерью не поверят, что гном побывал у нас в гостях. Скажут - все твои выдумки, чтобы уроки не учить. Нет, как ни верти, а надо опять садиться за книгу!»

Нильс сделал два шага и остановился. С комнатой что-то случилось. Стены их маленького домика раздвинулись, потолок ушел высоко вверх, а кресло, на котором Нильс всегда сидел, возвышалось над ним неприступной горой. Чтобы взобраться на него, Нильсу пришлось карабкаться по витой ножке, как по корявому стволу дуба. Книга по-прежнему лежала на столе, но она была такая огромная, что вверху страницы Нильс не мог разглядеть ни одной буквы. Он улегся животом на книгу и пополз от строчки к строчке, от слова к слову. Он прямо измучился, пока прочел одну фразу.

- Да что же это такое? Так ведь и к завтрашнему дню до конца страницы не доберешься! - воскликнул Нильс и рукавом отер пот со лба.

И вдруг он увидел, что из зеркала на него смотрит крошечный человечек - совсем такой же, как тот гном, который попался к нему в сетку. Только одет по-другому: в кожаных штанах, в жилетке и в клетчатой рубашке с большими пуговицами.

- Эй ты, чего тебе здесь надо? - крикнул Нильс и погрозил человечку кулаком.

Человечек тоже погрозил кулаком Нильсу.

Нильс подбоченился и высунул язык. Человечек тоже подбоченился и тоже показал Нильсу язык.

Нильс топнул ногой. И человечек топнул ногой.

Нильс прыгал, вертелся волчком, размахивал руками, но человечек не отставал от него. Он тоже прыгал, тоже вертелся волчком и размахивал руками.

Тогда Нильс сел на книгу и горько заплакал. Он понял, что гном заколдовал его и что маленький человечек, который смотрел на него из зеркала, - это он сам, Нильс Хольгерсон.

«А может быть, это все-таки сон?» - подумал Нильс.

Он крепко зажмурился, потом - чтобы совсем проснуться - ущипнул себя изо всех сил и, подождав с минуту, снова открыл глаза. Нет, он не спал. И рука, которую он ущипнул, болела по-настоящему.

Нильс подобрался к самому зеркалу и уткнулся в него носом. Да, это он, Нильс. Только был он теперь не больше воробья.

«Надо найти гнома, - решил Нильс. - Может быть, гном просто пошутил?»

Нильс сполз по ножке кресла на пол и стал обшаривать все углы. Он залез под скамью, под шкаф, - сейчас ему это было нетрудно, - залез даже в мышиную нору, но гнома нигде не было.

Оставалась еще надежда - гном мог спрятаться во дворе.

Нильс выбежал в сени. Где же его башмаки? Они должны стоять возле двери. И сам Нильс, и его отец с матерью, и все крестьяне в Вестменхеге, да и во всех деревнях Швеции, всегда оставляют свои башмаки у порога. Башмаки ведь деревянные. В них ходят только по улице, а дома снимают.

Но как он, такой маленький, справится теперь со своими большими, тяжелыми башмачищами?

И тут Нильс увидел перед дверью пару крохотных башмачков. Сначала он обрадовался, а потом испугался. Если гном заколдовал даже башмаки, - значит, он и не собирается снять заклятие с Нильса!

Нет, нет, надо поскорее найти гнома! Надо просить его, умолять! Никогда, никогда больше Нильс никого не обидит! Он станет самым послушным, самым примерным мальчиком.

Нильс сунул ноги в башмачки и проскользнул в дверь. Хорошо, что она была приоткрыта. Разве смог бы он дотянуться до щеколды и отодвинуть ее!

У крыльца, на старой дубовой доске, переброшенной с одного края лужи на другой, прыгал воробей. Чуть только воробей увидел Нильса, он запрыгал еще быстрее и зачирикал во все свое воробьиное горло. И - удивительное дело! - Нильс его прекрасно понимал.

- Посмотрите-ка на Нильса! - кричал воробей. - Посмотрите-ка на Нильса!

- Кукареку! - весело заорал петух. - Сбросим-ка его в реку!

А куры захлопали крыльями и наперебой закудахтали:

- Так ему и надо! Так ему и надо! Гуси обступили Нильса со всех сторон и, вытягивая шеи, шипели ему в ухо:

- Хорош! Ну уж хорош! Что, боишься теперь? Боишься?

И они клевали его, щипали, долбили клювами, дергали за руки и за ноги.

Бедному Нильсу пришлось бы совсем плохо, если бы в это время на дворе не появился кот. Заметив

кота, куры, гуси и утки сейчас же бросились врассыпную и принялись рыться в земле с таким видом, будто их ничего на свете не интересует, кроме червяков и прошлогодних зерен.

А Нильс обрадовался коту, как родному.

- Милый котик, - сказал он, - ты знаешь все закоулки, все дыры, все норки на нашем дворе. Будь добр, скажи, где мне найти гнома? Он ведь не мог далеко уйти.

Кот ответил не сразу. Он уселся, обвил хвостом передние лапы и посмотрел на мальчика. Это был огромный черный кот, с большим белым пятном на груди. Его гладкая шерстка так и блестела на солнце. Вид у кота был вполне добродушный. Он даже втянул свои когти и зажмурил желтые глаза с узенькой-преузенькой полоской посредине.

- М-р-р, м-р-р! Я, конечно, знаю, где найти гнома, - заговорил кот ласковым голосом. - Но еще неизвестно, скажу я тебе или нет.

- Котик, котик, золотой ротик, ты должен мне помочь! Разве ты не видишь, что гном меня заколдовал?

Кот чуть-чуть приоткрыл глаза. В них вспыхнул зеленый злой огонек, но мурлыкал кот по-прежнему ласково.

- Это за что же я должен тебе помогать? - сказал он. - Может быть, за то, что ты сунул мне в ухо осу? Или за то, что ты подпалил мне шерсть? Или за то, что ты каждый день дергал меня за хвост? А?

- А я и сейчас могу дернуть тебя за хвост! - закричал Нильс. И, забыв о том, что кот раз в двадцать больше, чем он сам, шагнул вперед.

Что тут стало с котом! Глаза у него засверкали, спина выгнулась, шерсть поднялась дыбом, из мягких пушистых лап вылезли острые когти. Нильсу даже показалось, что это какой-то невиданный дикий зверь выскочил из лесной чащи. И все-таки Нильс не отступил. Он сделал еще шаг. Тогда кот одним прыжком опрокинул Нильса и прижал его к земле передними лапами.

- Помогите, помогите! - закричал Нильс изо всех сил. Но голосок у него был теперь не громче, чем у мышонка. Да и некому было его выручать.

Нильс понял, что ему пришел конец, и в ужасе закрыл глаза.

Вдруг кот втянул когти, выпустил Нильса из лап и сказал:

- Ладно, на первый раз хватит. Если бы твоя мать не была такой доброй хозяйкой и не поила меня утром и вечером молоком, тебе пришлось бы худо. Ради нее я оставлю тебя в живых.

С этими словами кот повернулся и будто ни в чем не бывало пошел прочь, тихонько мурлыкая, как полагается доброму домашнему коту.

А Нильс встал, стряхнул с кожаных штанов грязь и поплелся в конец двора. Там он вскарабкался на выступ каменной ограды, уселся, свесив крошечные ноги в крошечных башмачках, и задумался.

Что же будет дальше?! Скоро вернутся отец и мать! Как они удивятся, увидев своего сына! Мать, конечно, заплачет, а отец, может, скажет: так Нильсу и надо! Потом придут соседи со всей округи, примутся его рассматривать и ахать. А вдруг его кто-нибудь украдет, чтобы показывать зевакам на ярмарке? Вот посмеются над ним мальчишки!.. Ах, какой он несчастный! Какой несчастный! На всем белом свете, наверное, нет человека несчастнее, чем он!

Бедный домик его родителей, прижатый к земле покатой крышей, никогда не казался ему таким большим и красивым, а их тесный дворик - таким просторным.

Где-то над головой Нильса зашумели крылья. Это с юга на север летели дикие гуси. Они летели высоко в небе, вытянувшись правильным треугольником, но, увидев своих родичей - домашних гусей, - спустились ниже и закричали:

- Летите с нами! Летите с нами! Мы летим на север, в Лапландию! В Лапландию!

Домашние гуси заволновались, загоготали, захлопали крыльями, как будто пробовали, могут ли они взлететь. Но старая гусыня - она приходилась бабушкой доброй половине гусей - бегала вокруг них и кричала:

- С ума сошли! С ума сошли! Не делайте глупостей! Вы же не какие-нибудь бродяги, вы почтенные домашние гуси!

И, задрав голову, она закричала в небо:

- Нам и тут хорошо! Нам и тут хорошо! Дикие гуси спустились еще ниже, словно высматривая что-то во дворе, и вдруг - все разом - взмыли в небо.

- Га-га-га! Га-га-га! - кричали они. - Разве это гуси? Это какие-то жалкие курицы! Оставайтесь в вашем курятнике!

От злости и обиды у домашних гусей даже глаза сделались красными. Такого оскорбления они еще никогда не слышали.

Только белый молодой гусь, задрав голову кверху, стремительно побежал по лужам.

- Подождите меня! Подождите меня! - кричал он диким гусям. - Я лечу с вами! С вами!

«Да ведь это Мартин, лучший мамин гусь, - подумал Нильс. - Чего доброго, он и в самом деле улетит!»

- Стой, стой! - закричал Нильс и бросился за Мартином.

Нильс едва догнал его. Он подпрыгнул и, обхватив руками длинную гусиную шею, повис на ней всем телом. Но Мартин даже не почувствовал этого, точно Нильса и не было. Он сильно взмахнул крыльями - раз, другой - и, сам того не ожидая, полетел.

Прежде чем Нильс понял, что случилось, они уже были высоко в небе.

Глава 2. Верхом на гусе

Нильс и сам не знал, как ему удалось перебраться на спину Мартина. Никогда Нильс не думал, что гуси такие скользкие. Обеими руками он вцепился в гусиные перья, весь съежился, вобрал голову в плечи и даже зажмурил глаза.

А вокруг выл и гудел ветер, словно хотел оторвать Нильса от Мартина и сбросить вниз.

- Сейчас упаду, вот сейчас упаду! - шептал Нильс.

Но прошло десять минут, двадцать, а он не падал. Наконец он расхрабрился и чуть-чуть приоткрыл глаза.

Справа и слева мелькали серые крылья диких гусей, над самой головой Нильса, чуть не задевая его, проплывали облака, а далеко-далеко внизу темнела земля.

Она была совсем не похожа на землю. Казалось, что кто-то расстелил под ними огромный клетчатый платок. Каких только клеток тут не было! Одни клетки - черные, другие желтовато-серые, третьи светло-зеленые.

Черные клетки - это только что вспаханная земля, зеленые клетки - осенние всходы, перезимовавшие под снегом, а желтовато-серые квадратики - это прошлогоднее жниво, по которому еще не прошел плуг крестьянина.

Вот клетки по краям темные, а в середине - зеленые. Это сады: деревья там стоят совсем голые, но лужайки уже покрылись первой травой.

А вот коричневые клетки с желтой каймой - это лес: он еще не успел одеться зеленью, а молодые буки на опушке желтеют старыми сухими листьями.

Сначала Нильсу было даже весело разглядывать это разноцветье. Но чем дальше летели гуси, тем тревожнее становилось у него на душе.

«Чего доброго, они и в самом деле занесут меня в Лапландию!» - подумал он.

- Мартин, Мартин! - крикнул он гусю. - Поворачивай домой! Хватит, налетались!

Но Мартин ничего не ответил.

Тогда Нильс изо всей силы пришпорил его своими деревянными башмачками.

Мартин чуть-чуть повернул голову и прошипел:

- Слушай, ты! Сиди смирно, а не то сброшу тебя. Пришлось сидеть смирно.

Весь день белый гусь Мартин летел вровень со всей стаей, будто он никогда и не был домашним гусем, будто он всю жизнь только и делал, что летал.

«И откуда у него такая прыть?» - удивлялся Нильс.

Но к вечеру Мартин все-таки стал сдавать. Теперь-то всякий бы увидел, что летает он без году один день: то вдруг отстанет, то вырвется вперед, то будто провалится в яму, то словно подскочит вверх.

И дикие гуси увидели это.

- Акка Кебнекайсе! Акка Кебнекайсе! - закричали они.

- Что вам от меня нужно? - спросила гусыня, летевшая впереди всех.

- Белый отстает!

- Он должен знать, что летать быстро легче, чем летать медленно! - крикнула гусыня, даже не обернувшись.

Мартин пытался сильнее и чаще взмахивать крыльями, но усталые крылья отяжелели и тянули его вниз.

- Акка! Акка Кебнекайсе! - опять закричали гуси.

- Что вам нужно? - отозвалась старая гусыня.

- Белый не может лететь так высоко!

- Он должен знать, что летать высоко легче, чем летать низко! - ответила Акка.

Бедный Мартин напряг последние силы. Но крылья у него совсем ослабели и едва держали его.

- Акка Кебнекайсе! Акка! Белый падает!

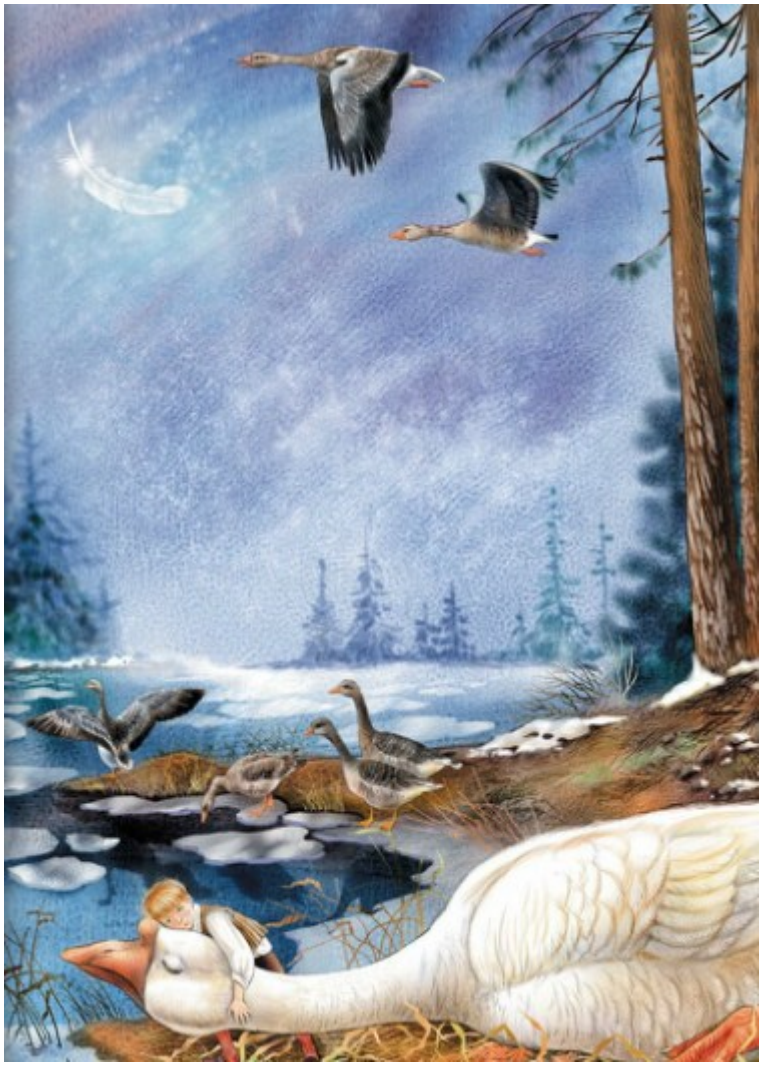
- Кто не может летать, как мы, пусть сидит дома! Скажите это белому! - крикнула Акка, не замедляя полета.

- И верно, лучше бы нам сидеть дома, - прошептал Нильс и покрепче уцепился за шею Мартина.

Мартин падал, как подстреленный.

Счастье еще, что по пути им подвернулась какая-то тощая ветла. Мартин зацепился за верхушку дерева и повис среди веток. Так они и висели. Крылья у Мартина обмякли, шея болталась, как тряпка. Он громко дышал, широко разевая клюв, точно хотел захватить побольше воздуха.

Нильсу стало жалко Мартина. Он даже попробовал его утешить.



- Милый Мартин, - сказал Нильс ласково, - не печалься, что они тебя бросили. Ну, посуди сам, куда тебе с ними тягаться! Давай лучше вернемся домой!

Мартин и сам понимал: надо бы вернуться. Но ему так хотелось доказать всему свету, что и домашние гуси кое-что стоят!

А тут еще этот противный мальчишка со своими утешениями! Если бы он не сидел у него на шее, Мартин, может, и долетел бы до Лапландии.

Со злости у Мартина сразу прибавилось силы. Он замахал крыльями с такой яростью, что сразу поднялся чуть не до самых облаков и скоро догнал стаю.

На его счастье, начало смеркаться.

На землю легли черные тени. С озера, над которым летели дикие гуси, пополз туман.

Стая Акки Кебнекайсе спустилась на ночевку,

Чуть только гуси коснулись прибрежной полоски земли, они сразу полезли в воду. На берегу остались гусь Мартин и Нильс.

Как с ледяной горки, Нильс съехал со скользкой спины Мартина. Наконец-то он на земле! Нильс расправил затекшие руки и ноги и поглядел по сторонам.

Зима здесь отступала медленно. Все озеро было еще подо льдом, и только у берегов выступила вода - темная и блестящая.

К самому озеру черной стеной подходили высокие ели. Всюду снег уже растаял, но здесь, у

корявых, разросшихся корней, снег все еще лежал плотным толстым слоем, как будто эти могучие ели силой удерживали возле себя зиму.

Солнце уже совсем спряталось.

Из темной глубины леса слышалось какое-то потрескивание и шуршание.

Нильсу стало не по себе.

Как далеко они залетели! Теперь, если Мартин даже захочет вернуться, им все равно не найти дороги домой. А все-таки Мартин молодец!.. Да что же это с ним?

- Мартин! Мартин! - позвал Нильс.

Мартин не отвечал. Он лежал, как мертвый, распластав по земле крылья и вытянув шею. Глаза его были подернуты мутной пленкой. Нильс испугался.

- Милый Мартин, - сказал он, наклонившись над гусем, - выпей глоток воды! Увидишь, тебе сразу станет легче.

Но гусь даже не шевельнулся. Нильс похолодел от страха.

Неужели Мартин умрет? Ведь у Нильса не было теперь ни одной близкой души, кроме этого гуся.

- Мартин! Ну же, Мартин! - тормошил его Нильс. Гусь словно не слышал его.

Тогда Нильс схватил Мартина обеими руками за шею и потащил к воде.

Это было нелегкое дело. Гусь был самый лучший в их хозяйстве, и мать раскормила его на славу. А Нильса сейчас едва от земли видно. И все-таки он дотащил Мартина до самого озера и сунул его голову прямо в студеную воду.

Сначала Мартин лежал неподвижно. Но вот он открыл глаза, глотнул разок-другой и с трудом встал на лапы. С минуту он постоял, шатаясь из стороны в сторону, потом по самую шею залез в озеро и медленно поплыл между льдинами. То и дело он погружал клюв в воду, а потом, запрокинув голову, жадно глотал водоросли.

«Ему-то хорошо, - с завистью подумал Нильс, - а ведь я тоже с утра ничего не ел».

В это время Мартин подплыл к берегу. В клюве у него был зажат маленький красноглазый карасик.

Гусь положил рыбу перед Нильсом и сказал:

- Дома мы не были с тобой друзьями. Но ты помог мне в беде, и я хочу отблагодарить тебя.

Нильс чуть не бросился обнимать Мартина. Правда, он никогда еще не пробовал сырой рыбы. Да что поделаешь, надо привыкать! Другого ужина не получишь.

Он порылся в карманах, разыскивая свой складной ножичек. Ножичек, как всегда, лежал с правой стороны, только стал не больше булавки, - впрочем, как раз по карману.

Нильс раскрыл ножичек и принялся потрошить рыбу.

Вдруг послышался какой-то шум и плеск. На берег, отряхиваясь, вышли дикие гуси.

- Смотри, не проболтайся, что ты человек, - шепнул Нильсу Мартин и выступил вперед, почтительно приветствуя стаю.

Теперь можно было хорошенько рассмотреть всю компанию. Надо признаться, что красотой они не блистали, эти дикие гуси. И ростом не вышли, и нарядом не могли похвастать. Все как на подбор серые, точно пылью покрытые, - хоть бы у кого-нибудь одно белое перышко!

А ходят-то как! Вприпрыжку, вприскочку, ступают куда попало, не глядя под ноги.

Мартин от удивления даже развел крыльями. Разве так ходят порядочные гуси? Ходить надо медленно, ступать на всю лапу, голову держать высоко. А эти ковыляют, точно хромые.

Впереди всех выступала старая-престарая гусыня. Ну, уж это была и красавица! Шея тощая, из-под перьев кости торчат, а крылья точно кто-то обгрыз. Зато ее желтые глаза сверкали, как два горящих уголька. Все гуси почтительно смотрели на нее, не смея заговорить, пока гусыня первая не скажет свое слово.

Это была сама Акка Кебнекайсе, предводительница стаи. Сто раз уже водила она гусей с юга на север и сто раз возвращалась с ними с севера на юг. Каждый кустик, каждый островок на озере, каждую полянку в лесу знала Акка Кебнекайсе. Никто не умел выбрать место для ночевки лучше, чем Акка Кебнекайсе; никто не умел лучше, чем она, укрыться от хитрых врагов, подстерегавших гусей в пути.

Акка долго разглядывала Мартина от кончика клюва до кончика хвоста и наконец сказала:

- Наша стая не может принимать к себе первых встречных. Все, кого ты видишь перед собой, принадлежат к лучшим гусиным семействам. А ты даже летать как следует не умеешь. Что ты за гусь, какого роду и племени?

- Моя история не длинная, - грустно сказал Мартин. - Я родился в прошлом году в местечке Сванегольм, а осенью меня продали Хольгеру Нильсону в соседнюю деревню Вестменхег. Там я и жил до сегодняшнего дня.

- Как же ты набрался храбрости лететь с нами? - спросила Акка Кебнекайсе.

- Вы назвали нас жалкими курицами, и я решил доказать вам, диким гусям, что и мы, домашние гуси, кое на что способны, - ответил Мартин.

- На что же вы, домашние гуси, способны? - снова спросила Акка Кебнекайсе. - Как ты летаешь, мы уже видели, но, может быть, ты отличный пловец?

- И этим я не могу похвастать, - печально сказал Мартин. - Мне доводилось плавать только в пруду за деревней, но, по правде говоря, этот пруд разве что немного побольше самой большой лужи.

- Ну, тогда ты, верно, мастер прыгать?

- Прыгать? Ни один уважающий себя домашний гусь не позволит себе прыгать, - сказал Мартин.

И вдруг спохватился. Он вспомнил, как смешно подпрыгивают дикие гуси, и понял, что сказал лишнее.

Теперь Мартин был уверен, что Акка Кебнекайсе сейчас же прогонит его из своей стаи.

Но Акка Кебнекайсе сказала:

- Мне нравится, что ты говоришь так смело. Кто смел, тот будет верным товарищем. Ну, а научиться тому, чего не умеешь, никогда не поздно. Если хочешь, оставайся с нами.

- Очень хочу! - ответил Мартин. Вдруг Акка Кебнекайсе заметила Нильса.

- А это кто еще с тобой? Таких, как он, я никогда не видала.

Мартин замялся на минуту.

- Это мой товарищ, - неуверенно сказал он. Тут Нильс выступил вперед и решительно заявил:

- Меня зовут Нильс Хольгерсон. Мой отец - Хольгер Нильсон - крестьянин, и до сегодняшнего дня я был человеком, но сегодня утром.

Кончить ему не удалось. Едва он произнес слово «человек», гуси попятились и, вытянув шеи, злобно зашипели, загоготали, захлопали крыльями.

- Человеку не место среди диких гусей, - сказала старая гусыня. - Люди были, есть и будут нашими врагами. Ты должен немедленно покинуть стаю.

Теперь уже Мартин не выдержал и вмешался:

- Но ведь его и человеком-то не назовешь! Смотрите, какой он маленький! Я ручаюсь, что он не сделает вам никакого зла. Позвольте ему остаться хотя бы на одну ночь.

Акка испытующе посмотрела па Нильса, потом па Мартина и наконец сказала:

- Наши деды, прадеды и прапрадеды завещали нам никогда не доверяться человеку, будь он маленький или большой. Но если ты ручаешься за него, то так и быть - сегодня пусть он останется с нами. Мы ночуем на большой льдине посреди озера. А завтра утром он должен покинуть нас.

С этими словами она поднялась в воздух. За нею полетела вся стая.

- Послушай, Мартин, - робко спросил Нильс, - ты что же, останешься с ними?

- Ну конечно! - с гордостью сказал Мартин. - Не каждый день домашнему гусю выпадает такая честь - лететь в стае Акки Кебнекайсе.

- А как же я? - опять спросил Нильс. - Мне ни за что одному не добраться домой. Я сейчас и в траве заблужусь, не то, что в этом лесу.

- Домой тебя относить мне некогда, сам понимаешь, - сказал Мартин. - Но вот что я могу тебе предложить: летим вместе со всеми. Посмотрим, что это за Лапландия такая, а потом и домой вернемся. Акку я уж как-нибудь уговорю, а не уговорю, так обману. Ты теперь маленький, спрятать тебя нетрудно. Ну, довольно разговаривать! Собери-ка поскорее сухой травы. Да побольше!

Когда Нильс набрал целую охапку прошлогодней травы, Мартин осторожно подхватил его за ворот рубашки и перенес на большую льдину. Дикие гуси уже спали, подвернув головы под крылья.

- Разложи траву, - скомандовал Мартин, - а то без подстилки у меня, чего доброго, лапы ко льду примерзнут.

Подстилка хоть и получилась жидковатая (много ли Нильс мог травы унести!), но все-таки лед кое-как прикрывала.

Мартин стал на нее, снова схватил Нильса за шиворот и сунул к себе под крыло.

- Спокойной ночи! - сказал Мартин и покрепче прижал крыло, чтобы Нильс не вывалился.

- Спокойной ночи! - сказал Нильс, зарываясь с головой в мягкий и теплый гусиный пух.

Глава 3. Ночной вор

Когда все птицы и звери уснули крепким сном, из лесу вышел лис Смирре. Каждую ночь выходил Смирре на охоту, и плохо было тому, кто беспечно засыпал, не успев забраться на высокое дерево или спрятаться в глубокой норе.

Мягкими, неслышными шагами подошел лис Смирре к озеру. Он давно уже выследил стаю диких гусей и заранее облизывался, думая о вкусной гусятине.

Но широкая черная полоса воды отделяла Смирре от диких гусей. Смирре стоял на берегу и от злости щелкал зубами.

И вдруг он заметил, что ветер медленно-медленно подгоняет льдину к берегу.

«Ага, добыча все-таки моя!» - ухмыльнулся Смирре и, присев на задние лапы, терпеливо принялся ждать.

Он ждал час. Ждал два часа, три. Черная полоска воды между берегом и льдиной становилась все уже и уже. Вот до лиса донесся гусиный дух. Смирре проглотил слюну. С шуршанием и легким звоном льдина ударилась о берег. Смирре изловчился и прыгнул на лед.

Он подбирался к стае так тихо, так осторожно, что ни один гусь не услышал приближения врага. Но старая Акка услышала. Резкий крик ее разнесся над озером, разбудил гусей, поднял всю стаю в воздух.

И все-таки Смирре успел схватить одного гуся.

От крика Акки Кебнекайсе проснулся и Мартин. Сильным взмахом он раскрыл крылья и стремительно взлетел вверх. А Нильс так же быстро полетел вниз.

Он стукнулся об лед и открыл глаза. Спросонок Нильс даже не понял, где он и что с ним случилось. И вдруг он увидел лиса, удиравшего с гусем в зубах. Не раздумывая долго, Нильс кинулся вдогонку.

Бедный гусь, попавший в пасть Смирре, услышал топот деревянных башмачков и, выгнув шею, с робкой надеждой посмотрел назад.

«Ах, вот кто это! - грустно подумал он. - Ну, значит, пропал я. Куда такому справиться с лисом!»

А Нильс совсем забыл, что лис, если захочет, может раздавить его одной лапой. Он бежал по пятам за ночным вором и твердил сам себе:

- Только бы догнать! Только бы догнать! Лис перепрыгнул на берег - Нильс за ним. Лис бросился к лесу - Нильс за ним - Сейчас же отпусти гуся! Слышишь? - кричал Нильс. - А не то я тебя так отделаю, что сам рад не будешь!

- Кто это там пищит? - удивился Смирре.

Он был любопытен, как все лисы на свете, и поэтому остановился и повернул морду.

Сначала он даже не увидел никого.

Только когда Нильс подбежал ближе, Смирре разглядел своего страшного врага.

Лису стало так смешно, что он чуть не выронил добычу.

- Говорю тебе, отдавай моего гуся! - кричал Нильс. Смирре положил гуся на землю, придавил его передними лапами и сказал:

- Ах, это твой гусь? Тем лучше. Можешь посмотреть, как я с ним расправлюсь!

«Этот рыжий вор, кажется, и за человека меня не считает!» - подумал Нильс и бросился вперед.

Обеими руками он вцепился в лисий хвост и дернул что было силы.

От неожиданности Смирре выпустил гуся. Только на секунду. Но и секунды было достаточно. Не теряя времени, гусь рванулся вверх.

Он очень хотел бы помочь Нильсу. Но что он мог сделать? Одно крыло у него было смято, из другого Смирре успел повыдергать перья. К тому же в темноте гусь почти ничего не видел. Может быть, Акка Кебнекайсе что-нибудь придумает? Надо скорее лететь к стае. Нельзя же оставлять Нильса в такой беде! И, тяжело взмахивая крыльями, гусь полетел к озеру. Нильс и Смирре посмотрели ему вслед. Один - с радостью, другой - со злобой.

- Ну что ж! - прошипел лис. - Если гусь ушел от меня, так уж тебя я не выпущу. Проглочу в два счета!

- Ну, это мы посмотрим! - сказал Нильс и еще крепче сжал лисий хвост.

И верно, поймать Нильса оказалось не так просто. Смирре прыгнул вправо, а хвост занесло влево. Смирре прыгнул влево, а хвост занесло вправо. Смирре кружился, как волчок, но и хвост кружился вместе с ним, а вместе с хвостом - Нильс.

Сначала Нильсу было даже весело от этой бешеной пляски. Но скоро руки у него затекли, в глазах

зарябило. Вокруг Нильса поднимались целые тучи прошлогодних листьев, его ударяло о корни деревьев, глаза засыпало землей. «Нет! Долго так не продержаться. Надо удирать!» Нильс разжал руки и выпустил лисий хвост. И сразу, точно вихрем, его отбросило далеко в сторону и ударило о толстую сосну. Не чувствуя боли, Нильс стал карабкаться на дерево - выше, выше - и так, без передышки, чуть не до самой вершины.

А Смирре ничего не видел, - все кружилось и мелькало у него перед глазами, и сам он как заводной кружился на месте, разметая хвостом сухие листья.

- Полно тебе плясать-то! Можешь отдохнуть немножко! - крикнул ему сверху Нильс.

Смирре остановился как вкопанный и с удивлением посмотрел на свой хвост.

На хвосте никого не было.

- Ты не лис, а ворона! Карр! Карр! Карр! - кричал Нильс.

Смирре задрал голову. Высоко на дереве сидел Нильс и показывал ему язык.

- Все равно от меня не уйдешь! - сказал Смирре и уселся под деревом.

Нильс надеялся, что лис в конце концов проголодается и отправится добывать себе другой ужин. А лис рассчитывал, что Нильса рано или поздно одолеет дремота и он свалится на землю.

Так они и сидели всю ночь: Нильс - высоко на дереве, Смирре - внизу под деревом Страшно в лесу ночью! В густой тьме все кругом как будто окаменело. Нильс и сам боялся пошевельнуться. Ноги и руки у него затекли, глаза слипались. Казалось, что ночь никогда не кончится, что никогда больше не наступит утро.

И все-таки утро наступило. Солнце медленно поднималось далеко-далеко за лесом.

Но прежде чем показаться над землей, оно послало целые снопы огненных сверкающих лучей, чтобы они развеяли, разогнали ночную тьму.

Облака на темном небе, ночной иней, покрывавший землю, застывшие ветви деревьев - все вспыхнуло, озарилось светом. Проснулись лесные жители. Красногрудый дятел застучал своим клювом по коре. Из дупла выпрыгнула белочка с орехом в лапках, уселась на сучок и принялась завтракать. Пролетел скворец. Где-то запел зяблик.

- Проснитесь! Выходите из своих нор, звери! Вылетайте из гнезд, птицы! Теперь вам нечего бояться, - говорило всем солнце.

Нильс с облегчением вздохнул и расправил онемевшие руки и ноги.

Вдруг с озера донесся крик диких гусей, и Нильс с вершины дерева увидел, как вся стая поднялась со льдины и полетела над лесом.

Он крикнул им, замахал руками, но гуси пронеслись над головой Нильса и скрылись за верхушками сосен. Вместе с ними улетел его единственный товарищ, белый гусь Мартин.

Нильс почувствовал себя таким несчастным и одиноким, что чуть не заплакал.

Он посмотрел вниз. Под деревом по-прежнему сидел лис Смирре, задрав острую морду, и ехидно ухмылялся.

- Эй, ты! - крикнул ему Смирре. - Видно, твои друзья не очень-то о тебе беспокоятся! Слезай-ка лучше, приятель. У меня для дорогого дружка хорошее местечко приготовлено, тепленькое, уютное! - И он погладил себя лапой по брюху.

Но вот где-то совсем близко зашумели крылья. Среди густых веток медленно и осторожно летел серый гусь.

Как будто не видя опасности, он летел прямо на Смирре.

Смирре замер.

Гусь летел так низко, что казалось, крылья его вот-вот заденут землю.

Точно отпущенная пружина, Смирре подскочил кверху. Еще чуть-чуть, и он схватил бы гуся за крыло. Но гусь увернулся из-под самого его носа и бесшумно, как тень, пронесся к озеру.

Не успел Смирре опомниться, а из чащи леса уже вылетел второй гусь. Он летел так же низко и так же медленно.

Смирре приготовился. «Ну, этому уж не уйти!» Лис прыгнул. Всего только на волосок не дотянулся он до гуся. Удар его лапы пришелся по воздуху, и гусь, как ни в чем не бывало, скрылся за деревьями.

Через минуту появился третий гусь. Он летел вкривь и вкось, словно у него было перебито крыло.

Чтобы не промахнуться снова, Смирре подпустил его совсем близко - вот сейчас гусь налетит на него и заденет крыльями. Прыжок - и Смирре уже коснулся гуся. Но тог шарахнулся в сторону, и острые когти лиса только скрипнули по гладким перьям.

Потом из чащи вылетел четвертый гусь, пятый, шестой. Смирре метался от одного к другому. Глаза у него покраснели, язык свесился набок, рыжая блестящая шерсть сбилась клочьями. От злости и от голода он ничего уже не видел; он бросался на солнечные пятна и даже на свою собственную тень.

Смирре был немолодой, видавший виды лис. Собаки не раз гнались за ним по пятам, и не раз мимо

его ушей со свистом пролетали пули. И все-таки никогда Смирре не приходилось так плохо, как в это утро.

Когда дикие гуси увидели, что Смирре совсем обессилел и, едва дыша, свалился на кучу сухих листьев, они прекратили свою игру.

- Теперь ты надолго запомнишь, каково тягаться со стаей Акки Кебнекайсе! - прокричали они на прощанье и скрылись за лесной чащей.

А в это время белый гусь Мартин подлетел к Нильсу. Он осторожно подцепил его клювом, снял с ветки и направился к озеру.

Там на большой льдине уже собралась вся стая. Увидев Нильса, дикие гуси радостно загоготали и захлопали крыльями. А старая Акка Кебнекайсе выступила вперед и сказала:

- Ты первый человек, от которого мы видели добро, и стая позволяет тебе остаться с нами.

Глава 4. Новые друзья и новые враги

Пять дней летел уже Нильс с дикими гусями. Теперь он не боялся упасть, а спокойно сидел на спине Мартина, поглядывая направо и налево.

Синему небу конца-края нет, воздух легкий, прохладный, будто в чистой воде в нем купаешься. Облака взапуски бегут за стаей: то догонят ее, то отстанут, то собьются в кучу, то снова

разбегутся, как барашки по полю.

А то вдруг небо потемнеет, покроется черными тучами, и Нильсу кажется, что это не тучи, а какие-то огромные возы, нагруженные мешками, бочками, котлами, надвигаются со всех сторон на стаю. Возы с грохотом сталкиваются.

Из мешков сыплется крупный, как горох, дождь, из бочек и котлов льет ливень.

А потом опять, куда ни глянь, - открытое небо, голубое, чистое, прозрачное. И земля внизу вся как на ладони.

Снег уже совсем стаял, и крестьяне вышли в поле на весенние работы. Волы, покачивая рогами, тащат за собой тяжелые плуги.

- Га-га-га! - кричат сверху гуси. - Поторапливайтесь! А то и лето пройдет, пока вы доберетесь до края поля.

Волы не остаются в долгу. Они задирают головы и мычат:

- М-м-медленно, но верно! М-м-медленно, но верно! Вот по крестьянскому двору бегает баран. Его только что остригли и выпустили из хлева.

- Баран, баран! - кричат гуси. - Шубу потерял!

- Зато бе-е-егать легче, бе-е-е-гать легче! - кричит в ответ баран.

А вот стоит собачья будка. Гремя цепью, около нее кружит сторожевая собака.

- Га-га-га! - кричат крылатые путешественники. - Какую красивую цепь на тебя надели!

- Бродяги! - лает им вслед собака. - Бездомные бродяги! Вот вы кто такие!

Но гуси даже не удостаивают ее ответом. Собака лает - ветер носит.

Если дразнить было некого, гуси просто перекликались друг с другом.

- Где ты?

- Я здесь!

- Ты здесь?

- Я тут!

И лететь им было веселее. Да и Нильс не скучал. Но все-таки иногда ему хотелось пожить по-человечески. Хорошо бы посидеть в настоящей комнате, за настоящим столом, погреться у настоящей печки. И на кровати поспать было бы неплохо! Когда это еще будет! Да и будет ли когда-нибудь! Правда, Мартин заботился о нем и каждую ночь прятал у себя под крылом, чтобы Нильс не замерз. Но не так-то легко человеку жить под птичьим крылышком!

А хуже всего было с едой. Дикие гуси вылавливали для Нильса самые лучшие водоросли и каких-то водяных пауков. Нильс вежливо благодарил гусей, но отведать такое угощение не решался.

Случалось, что Нильсу везло, и в лесу, под сухими листьями, он находил прошлогодние орешки. Сам-то он не мог их разбить. Он бежал к Мартину, закладывал орех ему в клюв, и Мартин с треском раскалывал скорлупу. Дома Нильс так же колол грецкие орехи, только закладывал их не в гусиный клюв, а в дверную щель.

Но орехов было очень мало. Чтобы найти хоть один орешек, Нильсу приходилось иногда чуть не час бродить по лесу, пробираясь сквозь жесткую прошлогоднюю траву, увязая в сыпучей хвое, спотыкаясь о хворостинки.

На каждом шагу его подстерегала опасность.

Однажды на него вдруг напали муравьи. Целые полчища огромных пучеглазых муравьев окружили его со всех сторон. Они кусали его, обжигали своим ядом, карабкались на него, заползали за шиворот и в рукава.

Нильс отряхивался, отбивался от них руками и ногами, но, пока он справлялся с одним врагом, на него набрасывалось десять новых.

Когда он прибежал к болоту, на котором расположилась для ночевки стая, гуси даже не сразу узнали его - весь он, от макушки до пяток, был облеплен черными муравьями.

- Стой, не шевелись! - закричал Мартин и стал быстро-быстро склевывать одного муравья за другим.

Целую ночь после этого Мартин, как нянька, ухаживал за Нильсом.

От муравьиных укусов лицо, руки и ноги у Нильса стали красные, как свекла, и покрылись огромными волдырями. Глаза затекли, тело ныло и горело, точно после ожога.

Мартин собрал большую кучу сухой травы - Нильсу для подстилки, а потом обложил его с ног до головы мокрыми липкими листьями, чтобы оттянуть жар.

Как только листья подсыхали, Мартин осторожно снимал их клювом, окунал в болотную воду и снова прикладывал к больным местам.

К утру Нильсу стало полегче, ему даже удалось повернуться на другой бок.

- Кажется, я уже здоров, - сказал Нильс.

- Какое там здоров! - проворчал Мартин. - Не разберешь, где у тебя нос, где глаз. Все распухло. Ты бы сам не поверил, что это ты, если б увидел себя! За один час ты так растолстел, будто тебя год чистым ячменем откармливали.

Кряхтя и охая, Нильс высвободил из-под мокрых листьев одну руку и распухшими, негнущимися пальцами стал ощупывать лицо.

И верно, лицо было точно туго надутый мяч. Нильс с трудом нашел кончик носа, затерявшийся между вздувшимися щеками.

- Может, надо почаще менять листья? - робко спросил он Мартина. - Как ты думаешь? А? Может, тогда скорее пройдет?

- Да куда же чаще! - сказал Мартин. - Я и так все время взад-вперед бегаю. И надо же тебе было в муравейник залезть!

- Разве я знал, что там муравейник? Я не знал! Я орешки искал.

- Ну, ладно, не вертись, - сказал Мартин и шлепнул ему на лицо большой мокрый лист. - Полежи спокойно, а я сейчас приду.

И Мартин куда-то ушел. Нильс только слышал, как зачмокала и захлюпала под его лапами болотная вода. Потом чмоканье стало тише и наконец затихло совсем.

Через несколько минут в болоте снова зачмокало и зачавкало, сперва чуть слышно, где-то вдалеке, а потом все громче, все ближе и ближе.

Но теперь шлепали по болоту уже четыре лапы.

«С кем это он идет?» - подумал Нильс и завертел головой, пытаясь сбросить примочку, закрывавшую все лицо.

- Пожалуйста, не вертись! - раздался над ним строгий голос Мартина. - Что за беспокойный больной! Ни на минуту одного нельзя оставить!

- А ну-ка, дай я посмотрю, что с ним такое, - проговорил другой гусиный голос, и кто-то приподнял лист с лица Нильса.

Сквозь щелочки глаз Нильс увидел Акку Кебнекайсе.

Она долго с удивлением рассматривала Нильса, потом покачала головой и сказала:

- Вот уж никогда не думала, что от муравьев такая беда может приключиться! Гусей-то они не трогают, знают, что гусь их не боится.

- Раньше я их не боялся, - обиделся Нильс. - Раньше я никого не боялся.

- Ты и теперь никого не должен бояться, - сказала Акка. - Но остерегаться должен многих. Будь всегда наготове. В лесу берегись лисы и куницы. На берегу озера помни о выдре. В ореховой роще избегай кобчика. Ночью прячься от совы, днем не попадайся на глаза орлу и ястребу. Если ты идешь по густой траве, ступай осторожно и прислушивайся, не ползет ли поблизости змея. Если с тобой заговорит сорока, не доверяй ей, - сорока всегда обманет.

- Ну, тогда мне все равно пропадать, - сказал Нильс. - Разве уследишь за всеми сразу? От одного спрячешься, а другой тебя как раз и схватит.

- Конечно, одному тебе со всеми не справиться, - сказала Акка. - Но в лесу и в поле живут не только наши враги, у нас есть и друзья. Если в небе покажется орел, тебя предупредит белка. О том, что

крадется лиса, пролопочет заяц. О том, что ползет змея, прострекочет кузнечик.

- Чего ж они все молчали, когда я в муравьиную кучу лез? - проворчал Нильс.

- Ну, надо и самому голову иметь на плечах, - ответила Акка. - Мы проживем здесь три дня. Болото тут хорошее, водорослей сколько душе угодно, а путь нам предстоит долгий. Вот я и решила - пусть стая отдохнет да подкормится. Мартин тем временем тебя подлечит. На рассвете четвертого дня мы полетим дальше.

Акка кивнула головой и неторопливо зашлепала по болоту.

Это были трудные дни для Мартина. Нужно было и лечить Нильса, и кормить его. Сменив примочку из мокрых листьев и подправив подстилку, Мартин бежал в ближний лесок на поиски орехов. Два раза он возвращался ни с чем.

- Да ты просто не умеешь искать! - ворчал Нильс. - Разгребай хорошенько листья. Орешки всегда на самой земле лежат.

- Знаю я. Да ведь тебя надолго одного не оставишь! А лес не так близко. Не успеешь добежать, сразу назад надо.

- Зачем же ты пешком бегаешь? Ты бы летал.

- А ведь верно! - обрадовался Мартин. - Как это я сам не догадался! Вот что значит старая привычка!

На третий день Мартин прилетел совсем скоро, и вид у него был очень довольный. Он опустился около Нильса и, не говоря ни слова, во всю ширь разинул клюв. И оттуда один за другим выкатилось шесть ровных, крупных орехов. Таких красивых орехов Нильс никогда еще не находил. Те, что он подбирал на земле, всегда были уже подгнившие, почерневшие от сырости.

- Где это ты нашел такие орешки?! - воскликнул Нильс. - Точно из лавки.

- Ну, хоть и не из лавки, - сказал Мартин, - а вроде того.

Он подхватил самый крупный орешек и сдавил его клювом. Скорлупа звонко хрустнула, и на ладонь Нильса упало свежее золотистое ядрышко.

- Эти орехи дала мне из своих запасов белка Сирле, - гордо проговорил Мартин. - Я познакомился с ней в лесу. Она сидела на сосне перед дуплом и щелкала орешки для своих бельчат. А я мимо летел. Белка так удивилась, когда увидела меня, что даже выронила орешек. «Вот, - думаю, - удача! Вот повезло!» Приметил я, куда орешек упал, и скорее вниз. Белка за мной. С ветки на ветку перепрыгивает и ловко так - точно по воздуху летает. Я думал, ей орешка жалко, белки ведь народ хозяйственный. Да нет, ее просто любопытство разобрало: кто я, да откуда, да отчего у меня крылья белые? Ну, мы и разговорились. Она меня даже к себе пригласила на бельчат посмотреть. Мне хоть и трудновато среди веток летать, да неловко было отказаться. Посмотрел. А потом она меня орехами угостила и на прощанье вон еще сколько дала - едва в клюве поместились. Я даже поблагодарить ее не мог - боялся орехи растерять.

- Вот это нехорошо, - сказал Нильс, запихивая орешек в рот. - Придется мне самому ее поблагодарить.

На другое утро Нильс проснулся чуть свет. Мартин еще спал, спрятав, по гусиному обычаю, голову под крыло.

Нильс легонько шевельнул ногами, руками, повертел головой. Ничего, все как будто в порядке.

Тогда он осторожно, чтобы не разбудить Мартина, выполз из-под вороха листьев и побежал к

болоту. Он выискал кочку посуше и покрепче, взобрался на нее и, став на четвереньки, заглянул в неподвижную черную воду.

Лучшего зеркала и не надо было! Из блестящей болотной жижи на него глядело его собственное лицо. И все на месте, как полагается: нос как нос, щеки как щеки, только правое ухо чуть-чуть больше левого.

Нильс встал, отряхнул мох с коленок и зашагал к лесу. Он решил непременно разыскать белку Сирле.

Во-первых, надо поблагодарить ее за угощение, а во-вторых, попросить еще орехов - про запас. И бельчат хорошо бы заодно посмотреть.

Пока Нильс добрался до опушки, небо совсем посветлело.

«Надо скорее идти, - заторопился Нильс. - А то Мартин проснется и пойдет меня искать».

Но все получилось не так, как думал Нильс. С самого начала ему не повезло.

Мартин говорил, что белка живет на сосне. А сосен в лесу очень много. Поди-ка угадай, на какой она живет!

«Спрошу кого-нибудь», - подумал Нильс, пробираясь по лесу.

Он старательно обходил каждый пень, чтобы не попасть снова в муравьиную засаду, прислушивался к каждому шороху и, чуть что, хватался за свой ножичек, готовясь отразить нападение змеи.

Он шел так осторожно, так часто оглядывался, что даже не заметил, как наткнулся на ежа. Еж принял его прямо в штыки, выставив навстречу сотню своих иголок. Нильс попятился назад и, отступив на почтительное расстояние, вежливо сказал:

- Мне нужно у вас кое-что разузнать. Не можете ли вы хотя бы на время убрать ваши колючки?

- Не могу! - буркнул еж и плотным колючим шаром покатился мимо Нильса.

- Ну что ж! - сказал Нильс. - Найдется кто-нибудь посговорчивей.

И только он сделал несколько шагов, как откуда-то сверху на него посыпался настоящий град: кусочки сухой коры, хворостинки, шишки. Одна шишка просвистела у самого его носа, другая ударила по макушке. Нильс почесал голову, отряхнул мусор и с опаской поглядел вверх.

Прямо над его головой на широколапой ели сидела остроносая длиннохвостая сорока и старательно сбивала клювом черную шишку. Пока Нильс разглядывал сороку и придумывал, как бы с ней заговорить, сорока справилась со своей работой, и шишка стукнула Нильса по лбу.

- Чудно! Прекрасно! Прямо в цель! Прямо в цель! - затараторила сорока и шумно захлопала крыльями, прыгая по ветке.

- По-моему, вы не очень-то удачно выбрали цель, - сердито сказал Нильс, потирая лоб.

- Чем же плохая цель? Очень хорошая цель. А ну-ка постойте здесь минутку, я еще с той ветки попробую. - И сорока вспорхнула на ветку повыше.

- Кстати, как вас зовут? Чтобы я знала, в кого целюсь! - крикнула она сверху.

- Зовут-то меня Нильсом. Только, право, вам не стоит трудиться. Я и так знаю, что вы попадете. Лучше скажите, где тут живет белка Сирле. Мне она очень нужна.

- Белка Сирле? Вам нужна белка Сирле? О, мы с ней старые друзья! Я с удовольствием вас провожу

до самой ее сосны. Это недалеко. Идите за мной следом. Куда я - туда и вы. Куда я - туда и вы. Прямо к ней и придете.

С этими словами она перепорхнула на клен, с клена перелетела на ель, потом на осину, потом опять на клен, потом снова на ель.

Нильс метался за ней туда и сюда, не отрывая глаз от черного вертлявого хвоста, мелькавшего среди веток. Он спотыкался и падал, опять вскакивал и снова бежал за сорочьим хвостом.

Лес становился гуще и темнее, а сорока все перепрыгивала с ветки на ветку, с дерева на дерево.

И вдруг она взвилась в воздух, закружилась над Нильсом и затараторила:

- Ах, я совсем забыла, что иволга звала меня нынче в гости! Сами понимаете, что опаздывать невежливо. Вам придется меня немного подождать. А пока всего доброго, всего доброго! Очень приятно было с вами познакомиться.

И сорока улетела.

Целый час выбирался Нильс из лесной чащи. Когда он вышел на опушку, солнце уже стояло высоко в небе.

Усталый и голодный, Нильс присел на корявый корень.

«Вот уж посмеется надо мной Мартин, когда узнает, как одурачила меня сорока. И что я ей сделал? Правда, один раз я разорил сорочье гнездо, но ведь это было в прошлом году, и не здесь, а в Вестменхеге. Ей-то откуда знать!»

Нильс тяжело вздохнул и с досадой стал носком башмачка ковырять землю. Под ногами у него что-то хрустнуло. Что это? Нильс наклонился. На земле лежала ореховая скорлупа. Вот еще одна. И еще, и еще.

«Откуда это здесь столько ореховой скорлупы? - удивился Нильс. - Уж не на этой ли самой сосне живет белка Сирле?»

Нильс медленно обошел дерево, всматриваясь в густые зеленые ветки. Никого не было видно. Тогда Нильс крикнул что было силы:

- Не здесь ли живет белка Сирле?

Никто не ответил.

Нильс приставил ладони ко рту и опять закричал:

- Госпожа Сирле! Госпожа Сирле! Ответьте, пожалуйста, если вы здесь!

Он замолчал и прислушался. Сперва все было по-прежнему тихо, потом сверху до него донесся тоненький, приглушенный писк.

- Говорите, пожалуйста, погромче! - опять закричал Нильс.

И снова до него донесся только жалобный писк. Но на этот раз писк шел откуда-то из кустов, около самых корней сосны.

Нильс подскочил к кусту и притаился. Нет, ничего не слышно - ни шороха, ни звука.

А над головой опять кто-то запищал, теперь уже совсем громко.

«Полезу-ка посмотрю, что там такое», - решил Нильс и, цепляясь за выступы коры, стал карабкаться на сосну.

Карабкался он долго. На каждой ветке останавливался, чтобы отдышаться, и снова лез вверх.

И чем выше он взбирался, тем громче и ближе раздавался тревожный писк.

Наконец Нильс увидел большое дупло.

Из черной дыры, как из окна, высовывались четыре маленьких бельчонка.

Они вертели во все стороны острыми мордочками, толкались, налезали друг на друга, путаясь длинными голыми хвостами. И все время, ни на минуту не умолкая, пищали в четыре рта, на один голос.

Увидев Нильса, бельчата от удивления замолкли на секунду, а потом, как будто набравшись новых сил, запищали еще пронзительнее.

- Тирле упал! Тирле пропал! Мы тоже упадем! Мы тоже пропадем! - верещали бельчата.

Нильс даже зажал уши, чтобы не оглохнуть.

- Да не галдите вы! Пусть один говорит. Кто там у вас упал?

- Тирле упал! Тирле! Он влез на спину Дирле, а Пирле толкнул Дирле, и Тирле упал.

- Постойте-ка, я что-то ничего не пойму: тирле-дирле, дирле-тирле! Позовите-ка мне белку Сирле. Это ваша мама, что ли?

- Конечно, это наша мама! Только ее нет, она ушла, а Тирле упал. Его змея укусит, его ястреб заклюет, его куница съест. Мама! Мама! Иди сюда!

- Ну, вот что, - сказал Нильс, - забирайтесь-ка поглубже в дупло, пока вас и вправду куница не съела, и сидите тихонько. А я полезу вниз, поищу вашего Мирле - или как его там зовут!

- Тирле! Тирле! Его зовут Тирле!

- Ну Тирле, так Тирле, - сказал Нильс и осторожно стал спускаться.

Нильс искал бедного Тирле недолго. Он направился прямо к кустам, откуда раньше слышался писк.

- Тирле, Тирле! Где ты? - кричал он, раздвигая густые ветки.

Из глубины кустарника в ответ ему кто-то тихонько пискнул.

- Ага, вот ты где! - сказал Нильс и смело полез вперед, ломая по дороге сухие стебли и сучки.

В самой гуще кустарника он увидел серый комочек шерсти с реденьким, как метелочка, хвостиком. Это был Тирле. Он сидел на тоненькой веточке, вцепившись в нее всеми четырьмя лапками, и так дрожал со страху, что ветка раскачивалась под ним, точно от сильного ветра.

Нильс поймал кончик ветки и, как на канате, подтянул к себе Тирле.

- Перебирайся ко мне на плечи, - скомандовал Нильс.

- Я боюсь! Я упаду! - пропищал Тирле.

- Да ты уже упал, больше падать некуда! Лезь скорее! Тирле осторожно оторвал от ветки одну лапу и вцепился в плечо Нильса. Потом он вцепился в пего второй лапой и наконец весь, вместе с трясущимся хвостом, перебрался на спину к Нильсу.

- Держись покрепче! Только когтями не очень-то впивайся, - сказал Нильс и, сгибаясь под своей ношей, медленно побрел в обратный путь. - Ну и тяжелый же ты! - вздохнул он, выбравшись из чащи кустарника.

Он остановился, чтобы немного передохнуть, как вдруг знакомый скрипучий голос затрещал прямо у него над головой:

- А вот и я! Вот и я!

Это была длиннохвостая сорока.

- Что это у вас на спине? Очень интересно, что это вы несете? - стрекотала сорока.

Нильс ничего не ответил и молча направился к сосне. Но не успел он сделать и трех шагов, как сорока пронзительно закричала, затрещала, захлопала крыльями.

- Разбой среди бела дня! У белки Сирле похитили бельчонка! Разбой среди бела дня! Несчастная мать! Несчастная мать!

- Никто меня не похищал - я сам упал! - пискнул Тирле.

Однако сорока и слушать ничего не хотела.

- Несчастная мать! Несчастная мать! - твердила она. А потом сорвалась с ветки и стремительно полетела в глубь леса, выкрикивая на лету все одно и то же:

- Разбой среди бела дня! У белки Сирле украли бельчонка! У белки Сирле украли бельчонка!

- Вот пустомеля! - сказал Нильс и полез на сосну.

Нильс был уже на полпути, как вдруг услышал какой-то глухой шум.

Шум приближался, становился все громче, и скоро весь воздух наполнился птичьим криком и хлопаньем тысячи крыльев.

Со всех сторон к сосне слетались встревоженные птицы, а между ними взад и вперед сновала длиннохвостая сорока и громче всех кричала:

- Я сама его видела! Своими глазами видела! Этот разбойник Нильс унес бельчонка! Ищите вора! Ловите его! Держите его!

- Ой, я боюсь! - прошептал Тирле. - Они тебя заклюют, а я опять упаду!

- Ничего не будет, они нас даже не увидят, - храбро сказал Нильс. А сам подумал: «А ведь и верно - заклюют!»

Но все обошлось благополучно.

Под прикрытием веток Нильс с Тирле на спине добрался наконец до беличьего гнезда.

На краю дупла сидела белка Сирле и хвостом вытирала слезы.

А над ней кружилась сорока и без умолку трещала:

- Несчастная мать! Несчастная мать!

- Получайте вашего сына, - тяжело пыхтя, сказал Нильс и, точно куль муки, сбросил Тирле в отверстие дупла.

Увидев Нильса, сорока замолчала на минуту, а потом решительно тряхнула головой и застрекотала еще громче:

- Счастливая мать! Счастливая мать! Бельчонок спасен! Храбрый Нильс спас бельчонка! Да здравствует Нильс!

А счастливая мать обняла Тирле всеми четырьмя лапами, нежно гладила его пушистым хвостом и тихонько посвистывала от радости.

И вдруг она повернулась к сороке.

- Постой-ка, - сказала она, - кто же это говорил, что Нильс украл Тирле?

- Никто не говорил! Никто не говорил! - протрещала сорока я на всякий случай отлетела подальше. - Да здравствует Нильс! Бельчонок спасен! Счастливая мать обнимает свое дитя! - кричала она, перелетая с дерева на дерево.

- Ну, понесла на своем хвосте последние новости! - сказала белка и бросила ей вслед старую шишку.

Только к концу дня Нильс вернулся домой - то есть не домой, конечно, а к болоту, где отдыхали гуси.

Он принес полные карманы орехов и два прутика, сверху донизу унизанные сухими грибами.

Все это подарила ему на прощание белка Сирле.

Она проводила Нильса до опушки леса и долго еще махала ему вслед золотистым хвостом.

На другое утро стая покинула болото. Гуси построились ровным треугольником, и старая Акка Кебнекайсе повела их в путь.

- Летим к Глиммингенскому замку! - крикнула Акка.

- Летим к Глиммингенскому замку! - передавали гуси друг другу по цепочке.

- Летим к Глиммингенскому замку! - закричал Нильс в самое ухо Мартину.

Глава 5. Волшебная дудочка

Со всех сторон Глиммингенский замок окружен горами. И даже сторожевые башни замка кажутся вершинами гор.

Нигде не видно ни входов, ни выходов. Толщу каменных стен прорезают лишь узкие, как щели, окошки, которые едва пропускают дневной свет в мрачные, холодные залы.

В далекие незапамятные времена эти стены надежно защищали обитателей замка от набегов воинственных соседей.

Но в те дни, когда Нильс Хольгерсон путешествовал в компании диких гусей, люди больше не жили в Глиммингенском замке и в его заброшенных покоях хранили только зерно.

Правда, это вовсе не значит, что замок был необитаем. Под его сводами поселились совы и филин, в старом развалившемся очаге приютилась дикая кошка, летучие мыши были угловыми жильцами, а на крыше построили себе гнездо аисты.

Не долетев немного до Глиммингенского замка, стая Акки Кебнекайсе опустилась на уступы глубокого ущелья.

Лет сто тому назад, когда Акка в первый раз вела стаю на север, здесь бурлил горный поток. А теперь на самом дне ущелья едва пробивался тоненькой струйкой ручеек. Но все-таки это была вода. Поэтому-то мудрая Акка Кебнекайсе и привела сюда свою стаю.

Не успели гуси устроиться на новом месте, как сразу же к ним явился гость. Это был аист Эрменрих, самый старый жилец Глиммингенского замка.

Аист - очень нескладная птица. Шея и туловище у него немногим больше, чем у обыкновенного домашнего гуся, а крылья почему-то огромные, как у орла. А что за ноги у аиста! Словно две тонкие жерди, выкрашенные в красный цвет. И что за клюв! Длинный-предлинный, толстый, а приделан к совсем маленькой головке. Клюв так и тянет голову книзу. Поэтому аист всегда ходит повесив нос, будто вечно чем-то озабочен и недоволен.

Приблизившись к старой гусыне, аист Эрменрих поджал, как того требует приличие, одну ногу к самому животу и поклонился так низко, что его длинный нос застрял в расщелине между камнями.

- Рада вас видеть, господин Эрменрих, - сказала Акка Кебнекайсе, отвечая поклоном на его поклон. - Надеюсь, у вас все благополучно? Как здоровье вашей супруги? Что поделывают ваши почтенные соседки, тетушки совы?

Аист попытался было что-то ответить, но клюв его прочно застрял между камнями, и в ответ раздалось одно только бульканье.

Пришлось нарушить все правила приличия, стать на обе ноги и, упершись в землю покрепче, тащить свой клюв, как гвоздь из стены.

Наконец аист справился с этим делом и, щелкнув несколько раз клювом, чтобы проверить, цел ли он, заговорил:

- Ах, госпожа Кебнекайсе! Не в добрый час вы посетили наши места! Страшная беда грозит этому дому.

Аист горестно поник головой, и клюв его снова застрял между камнями.

Недаром говорят, что аист только для того открывает клюв, чтобы пожаловаться. К тому же он цедит слова так медленно, что их приходится собирать, точно воду, по капле.

- Послушайте-ка, господин Эрменрих, - сказала Акка Кебнекайсе, - не можете ли вы как-нибудь вытащить ваш клюв и рассказать, что у вас там стряслось?

Одним рывком аист выдернул клюв из расщелины и с отчаянием воскликнул:

- Вы спрашиваете, что стряслось, госпожа Кебнекайсе? Коварный враг хочет разорить наши жилища, сделать нас нищими и бездомными, погубить наших жен и детей! И зачем только я вчера, не щадя клюва, целый день затыкал все щели в гнезде! Да разве мою супругу переспоришь? Ей что ни говори, все как с гуся вода.

Тут аист Эрменрих смущенно захлопнул клюв. И как это у него сорвалось насчет гуся!

Но Акка Кебнекайсе пропустила его слова мимо ушей. Она считала ниже своего достоинства обижаться на всякую болтовню.

- Что же все-таки случилось? - спросила она. - Может быть, люди возвращаются в замок?

- Ах, если бы так! - грустно сказал аист Эрменрих. - Этот враг страшнее всего на свете, госпожа Кебнекайсе. Крысы, серые крысы подступают к замку! - воскликнул он и опять поник головой.

- Серые крысы? Что же вы молчали до сих пор? - воскликнула гусыня.

- Да разве я молчу? Я все время только и твержу о них. Эти разбойники не посмотрят, что мы тут столько лет живем.

Они что хотят, то и делают. Пронюхали, что в замке хранится зерно, вот и решили захватить замок. И ведь как хитры, как хитры! Вы знаете, конечно, госпожа Кебнекайсе, что завтра в полдень на Кулаберге будет праздник? Так вот, как раз сегодня ночью полчища серых крыс ворвутся в наш замок. И некому будет защищать его. На сто верст кругом все звери и птицы готовятся к

празднику. Никого теперь не разыщешь! Ах, какое несчастье! Какое несчастье!

- Не время проливать слезы, господин Эрменрих, - строго сказала Акка Кебнекайсе. - Мы не должны терять ни минуты. Я знаю одну старую гусыню, которая не допустит, чтобы совершилось такое беззаконие.

- Уж не собираетесь ли вы, уважаемая Акка, вступить в бой с серыми крысами? - усмехнулся аист.

- Нет, - сказала Акка Кебнекайсе, - но у меня в стае есть один храбрый воин, который справится со всеми крысами, сколько бы их ни было.

- Нельзя ли посмотреть на этого силача? - спросил Эрменрих, почтительно склонив голову.

- Что ж, можно, - ответила Акка. - Мартин! Мартин! - закричала она.

Мартин проворно подбежал и вежливо поклонился гостю.

- Это и есть ваш храбрый воин? - насмешливо спросил Эрменрих. - Неплохой гусь, жирный.

Акка ничего не ответила и, обернувшись к Мартину, сказала:

- Позови Нильса.

Через минуту Мартин вернулся с Нильсом на спине.

- Послушай, - сказала Нильсу старая гусыня, - ты должен помочь мне в одном важном деле. Согласен ли ты лететь со мной в Глиммингенский замок?

Нильс был очень польщен. Еще бы, сама Акка Кебнекайсе обращается к нему за помощью. Но не успел он произнести и слова, как аист Эрменрих, точно щипцами, подхватил его своим длинным

клювом, подбросил, снова поймал на кончик собственного носа, опять подбросил и опять поймал.

Семь раз проделал он этот фокус, а потом посадил Нильса на спину старой гусыне и сказал:

- Ну, если крысы узнают, с кем им придется иметь дело, они, конечно, разбегутся в страхе. Прощайте! Я лечу предупредить госпожу Эрменрих и моих почтенных соседей, что сейчас к ним пожалует их спаситель. А то они насмерть перепугаются, когда увидят вашего великана.

И, щелкнув еще раз клювом, аист улетел.

В Глиммингенском замке был переполох. Все жильцы побросали свои насиженные места и сбежались на крышу угловой башни, - там жил аист Эрменрих со своей аистихой.

Гнездо у них было отличное. Аисты устроили его на старом колесе от телеги, выложили в несколько рядов прутьями и дерном, выстлали мягким мхом и пухом. А снаружи гнездо обросло густой травой и даже мелким кустарником.

Не зря аист Эрменрих и его аистиха гордились своим домом!

Сейчас гнездо было битком набито жильцами Глиммингенского замка. В обыкновенное время они старались не попадаться друг другу на глаза, но опасность, грозившая замку, сблизила всех.

На краю гнезда сидели две почтенные тетушки совы. Они испуганно хлопали круглыми глазами и наперебой рассказывали страшные истории о кровожадности и жестокости крыс.

Одичавшая кошка спряталась на самом дне гнезда, у ног госпожи Эрменрих, и жалобно мяукала, как маленький котенок. Она была уверена, что крысы загрызут ее первую, чтобы рассчитаться со всем кошачьим родом.

А по стенам гнезда, опрокинувшись вниз головой, висели летучие мыши. Они были очень смущены. Как-никак, серые крысы приходились им родней. Бедные летучие мыши все время чувствовали на себе косые взгляды, как будто это они были во всем виноваты.

Посреди гнезда стоял аист Эрменрих.

- Надо бежать, - решительно говорил он, - иначе мы все погибнем.

- Ну да, погибнем, все погибнем! - запищала кошка. - Разве у них есть сердце, у этих разбойников? Они непременно отгрызут мне хвост. - И она укоризненно посмотрела на летучих мышей.

- Есть о чем горевать - о каком-то облезлом хвосте! - возмутилась старая тетушка сова. - Они способны загрызть даже маленьких птенчиков. Я хорошо знаю это отродье. Все крысы таковы. Да и мыши не лучше! - И она злобно сверкнула глазами.

- Ах, что с нами будет, что с нами будет! - стонала аистиха.

- Идут! Идут! - ухнул вдруг филин Флимнеа. Он сидел на кончике башенного шпиля и, как дозорный, смотрел по сторонам.

Все, точно по команде, повернули головы и в ужасе застыли.

В это время к гнезду подлетела Акка Кебнекайсе с Нильсом. Но никто даже не взглянул на них. Как зачарованные, все смотрели куда-то вниз, в одну сторону.

«Да что это с ними? Что они там увидели?» - подумал Нильс и приподнялся на спине гусыни.

Внизу за крепостным валом тянулась длинная дорога, вымощенная серыми камнями.

На первый взгляд - обыкновенная дорога. Но когда Нильс пригляделся, он увидел, что дорога эта движется, как живая, шевелится, становится то шире, то уже, то растягивается, то сжимается.

- Да это крысы, серые крысы! - закричал Нильс. - Скорее летим отсюда!

- Нет, мы останемся здесь, - спокойно сказала Акка Кебнекайсе. - Мы должны спасти Глиммингенский замок.

- Да вы, верно, не видите, сколько их? Даже если бы я был мальчик как мальчик, я и то ничего не смог бы сделать.

- Если бы ты был большим, как настоящий мальчик, ты ничего не смог бы сделать, а теперь, когда ты маленький, как воробей, ты победишь всех серых крыс. Подойди-ка к моему клюву, я должна сказать тебе кое-что на ухо.

Нильс подошел к ней, и она долго что-то шептала ему.

- Вот это ловко! - засмеялся Нильс и хлопнул себя по коленке. - Запляшут они у нас!

- Чш-ш, молчи! - зашипела старая гусыня.

Потом она подлетела к филину Флимнеа и о чем-то стала шептаться с ним.

И вдруг филин весело ухнул, сорвался со шпиля и куда-то полетел.

Было уже совсем темно, когда серые крысы подступили к стенам Глиммингенского замка. Трижды они обошли весь замок кругом, отыскивая хоть какую-нибудь щель, чтобы пробраться внутрь. Нигде ни лазейки, ни выступа, некуда лапу просунуть, не за что уцепиться.

После долгих поисков крысы нашли наконец камень, который чуть-чуть выпирал из стены. Они навалились на него со всех сторон, но камень не поддавался. Тогда крысы стали грызть его зубами, царапать когтями, подкапывать под ним землю. С разбегу они кидались на камень и повисали на нём всей своей тяжестью.

И вот камень дрогнул, качнулся и с глухим грохотом отвалился от стены.

Когда все затихло, крысы одна за другой полезли в черное квадратное отверстие. Они лезли осторожно, то и дело останавливаясь. В чужом месте всегда можно наткнуться на засаду. Но нет, кажется, все спокойно - ни звука, ни шороха.

Тогда крысы уже смелее начали взбираться вверх по лестнице.

В больших покинутых залах целыми горами лежало зерно. Крысы были голодны, а запах зерна такой соблазнительный! И все-таки крысы не тронули ни одного зернышка.

Может быть, это ловушка? Может быть, их хотят застигнуть врасплох? Нет! Они не поддадутся на эту хитрость! Пока они не обрыщут весь замок, нельзя думать ни об отдыхе, ни о еде.

Крысы обшарили все темные углы, все закоулки, все ходы и переходы. Нигде никого.

Видно, хозяева замка струсили и бежали.

Замок принадлежит им, крысам!

Сплошной лавиной они ринулись туда, где кучами лежало зерно. Крысы с головой зарывались в сыпучие горы и жадно грызли золотистые пшеничные зерна. Они еще и наполовину не насытились, как вдруг откуда-то до них донесся тоненький, чистый звук дудочки.

Крысы подняли морды и замерли.

Дудочка замолкла, и крысы снова набросились на лакомый корм.

Но дудочка заиграла опять. Сперва она пела чуть слышно, потом все смелее, все громче, все увереннее. И вот наконец, будто прорвавшись сквозь толстые стены, по всему замку раскатилась звонкая трель.

Одна за другой крысы оставляли добычу и бежали на звук дудочки. Самые упрямые ни за что не хотели уходить - жадно и быстро они догрызали крупные крепкие зерна. Но дудочка звала их, она приказывала им покинуть замок, и крысы не смели ее ослушаться.

Крысы скатывались по лестнице, перепрыгивали друг через друга, бросались вниз прямо из окон, словно торопились как можно скорее туда, во двор, откуда неслась настойчивая и зовущая песня.

Внизу, посредине замкового двора, стоял маленький человечек и наигрывал па дудочке.

Крысы плотным кольцом окружили его и, подняв острые морды, не отрывали от него глаз. Во дворе уже и ступить было некуда, а из замка сбегались все новые и новые полчища крыс.

Чуть только дудочка замолкала, крысы шевелили усами, оскаливали пасти, щелкали зубами. Вот сейчас они бросятся на маленького человечка и растерзают его в клочки.

Но дудочка играла снова, и крысы снова не смели шевельнуться.

Наконец маленький человечек собрал всех крыс и медленно двинулся к воротам. А за ним покорно шли крысы.

Человечек насвистывал на своей дудочке и шагал все вперед и вперед. Он обогнул скалы и спустился в долину. Он шел полями и оврагами, и за ним сплошным потоком тянулись крысы.

Уже звезды потухли в небе, когда маленький человечек подошел к озеру.

У самого берега, как лодка на привязи, покачивалась на волнах серая гусыня.

Не переставая наигрывать на дудочке, маленький человечек прыгнул на спину гусыни, и она поплыла к середине озера.

Крысы заметались, забегали вдоль берега, но дудочка еще звонче звенела над озером, еще громче звала их за собой.

Забыв обо всем на свете, крысы ринулись в воду.

Когда вода сомкнулась над головой последней крысы, гусыня со своим седоком поднялась в

воздух.

- Ты молодец, Нильс, - сказала Акка Кебнекайсе. - Ты хорошо справился с делом. Ведь если бы у тебя не хватило силы все время играть, они бы загрызли тебя.

- Да, признаться, я сам этого боялся, - сказал Нильс. - Они так и щелкали зубами, едва только я переводил дух. И кто бы поверил, что такой маленькой дудочкой можно усмирить целое крысиное войско! - Нильс вытащил дудочку из кармана и стал рассматривать ее.

- Эта дудочка волшебная, - сказала гусыня. - Все звери и птицы слушаются ее. Коршуны, как цыплята, будут клевать корм из твоих рук, волки, как глупые щенки, будут ласкаться к тебе, чуть только ты заиграешь на этой дудочке.

- А где же вы ее взяли? - спросил Нильс.

- Ее принес филин Флимнеа, - сказала гусыня, - а филину дал ее лесной гном.

- Лесной гном?! - воскликнул Нильс, и ему сразу стало не по себе.

- Ну да, лесной гном, - сказала гусыня. - Что ты так перепугался? Только у него одного и есть такая дудочка. Кроме меня и старого филина Флимнеа, никто про это не знает. Смотри, и ты не проговорись никому. Да держи дудочку покрепче, не урони. Еще до восхода солнца филин Флимнеа должен вернуть ее гному. Гном и так не хотел давать дудочку, когда услышал, что она попадет в твои руки. Уж филин уговаривал его, уговаривал. Еле уговорил. И за что это гном так сердится на тебя?

Нильс ничего не ответил. Он притворился, что не расслышал последних слов Акки. На самом-то деле он прекрасно все слышал и очень испугался.

«Значит, гном все еще помнит о моей проделке! - мрачно размышлял Нильс.

- Мало того, что я его в сачок поймал, да ведь как еще обманул! Только бы он Акке ничего не сказал. Она строгая, справедливая, узнает - сейчас же выгонит меня из стаи. Что со мной тогда будет? Куда я такой денусь?» - И он тяжело вздохнул.

- Что это ты вздыхаешь? - спросила Акка.

- Да это я просто зевнул. Что-то спать хочется. Он и вправду скоро заснул, да так крепко, что даже не услышал, как они спустились на землю.

Вся стая с шумом и криком окружила их. А Мартин растолкал всех, снял Нильса со спины старой гусыни и бережно спрятал у себя под крылом.

- Ступайте, ступайте, - гнал он всех прочь. - Дайте человеку выспаться!

Но долго спать Нильсу не пришлось.

Еще не взошло солнце, а к диким гусям уже прилетел аист Эрменрих. Он непременно хотел повидать Нильса и выразить ему благодарность от своего имени и от имени всего своего семейства.

Потом появились летучие мыши. В обычные дни на рассвете они ложатся спать. Утро у них - вечером, а вечер - утром. И никто не может их уговорить, что это непорядок. Но сегодня даже они отказались от своих привычек.

Вслед за летучими мышами прибежала кошка, весело помахивая уцелевшим хвостом.

Все хотели посмотреть на Нильса, все хотели приветствовать его - бесстрашного воина, победителя серых крыс.

Глава 6. Праздник на горе Кулаберг

Не успела стая успокоиться после ночных событий, как уже пора было собираться на Кулаберг.

- Тебе повезло! - говорили дикие гуси Мартину. - Только раз в году сходятся вместе все звери и птицы. Какие игры они затевают! Какие танцы заводят!

- Что-то я никогда не слышал об этом празднике, - сказал Нильс. - А ведь я учился в школе целых три года.

- Ничего нет удивительного, что об этом празднике ты не слышал, - сказала старая Акка. - О великом празднике птиц и зверей не слышал ни один человек. И ни один человек не должен знать дороги, которая ведет на Кулаберг.

Тут Акка Кебнекайсе пристально посмотрела на Нильса.

«Верно, она не возьмет меня с собой, - подумал Нильс. - Ведь все-таки я человек».

Но он ни о чем не спросил Акку.

Тем временем гуси старательно готовились к празднику. Приглаживали на себе перышки, чтобы они лежали одно к одному, мыли лапы, до блеска начищали песком клювы.

Только Мартин и Нильс сидели в сторонке и старались не обращать внимания на все эти сборы. Они ни о чем не говорили, но прекрасно друг друга понимали.

Нильс думал о том, что ему, конечно, не бывать на Кулаберге, а Мартин думал о том, что ему, конечно, придется остаться с Нильсом. Не бросать же товарища одного!

Около полудня снова прилетел аист Эрменрих.

С самого утра ему не сиделось на месте. Он уже раз пять летал на болото и принес столько лягушек, что госпожа Эрменрих не знала, куда их девать.

Теперь, глядя на господина Эрменриха, никто бы не сказал, что он открывает клюв только для того, чтобы пожаловаться на судьбу. Каждым своим движением он, казалось, говорил, что нет на свете аиста счастливее, чем он.

Когда господин Эрменрих кончил все свои поклоны, приветствия и приседания, Акка Кебнекайсе отвела его в сторону и сказала:

- Мне нужно с вами серьезно поговорить, господин Эрменрих. Сегодня мы все отправляемся на Кулаберг. Вы знаете, с нашей стаей летит белый гусь и... - тут старая Акка запнулась, - и его приятель. - Акка Кебнекайсе все-таки не решилась назвать Нильса человеком. - Так вот я хотела бы, чтобы он тоже отправился с нами. Раньше я сама относилась к нему подозрительно, но теперь готова ручаться за него, как за любого из своей стаи. Я знаю, что он никогда не выдаст нас людям. Я даже думаю. Но аист не дал ей кончить.

- Уважаемая Акка Кебнекайсе, - важно произнес аист. - Насколько я понимаю, вы говорите о Нильсе, который избавил от беды Глиммингенский замок? О том самом Нильсе, который вступил в единоборство с тысячей серых крыс? О великом Нильсе, который, рискуя собственной жизнью, спас жизнь моей жене и моим детям? О Нильсе, который...

- Да, да, о нем, - прервала Акка Кебнекайсе пышную речь аиста Эрменриха. - Так что же вы посоветуете?

- Госпожа Кебнекайсе, - торжественно сказал аист и так энергично стукнул клювом по камню, что тот раскололся, будто пустой орешек. - Госпожа Кебнекайсе, я сочту за честь для себя, если наш спаситель Нильс вместе с нами отправится на Кулаберг. До сих пор я не могу простить себе, что вчера так непочтительно обошелся с ним. И чтобы загладить свою вину - невольную, прошу вас помнить! - я сам понесу его, разумеется не в клюве, а на своей спине.

Господин Эрменрих тряхнул головой и с видом непоколебимой решимости взметнул свой клюв, точно копье, к небу.

Когда Нильс узнал, что его берут на Кулаберг и что сам аист хочет нести его, он готов был прыгать выше головы. Это, может быть, и не очень высоко, но выше собственной головы не прыгнуть ни одному человеку.

Наконец все сборы и приготовления были закончены.

Аист подставил Нильсу свой клюв, и Нильс вскарабкался по нему на спину господина Эрменриха. Вся стая вместе с аистом, Нильсом и Мартином двинулась в путь.

Только теперь Нильс по-настоящему понял, что значит летать.

Дикие гуси не могли угнаться за аистом точно так же, как когда-то Мартин не мог угнаться за дикими гусями.

К тому же господин Эрменрих хотел доставить Нильсу как можно больше удовольствий. Поэтому он все время проделывал в воздухе разные фокусы. Он просто превзошел самого себя - то взмывал к самым облакам и, расправив крылья, неподвижно застывал в воздухе, то камнем падал вниз, да так, что казалось, вот-вот разобьется о землю. А то принимался вычерчивать в воздухе круги - сначала широкие, потом все уже и уже, сначала плавно, потом все быстрее и быстрее, - так, что у Нильса дух захватывало.

Да, это был настоящий полет!

Нильс едва успевал поворачиваться, чтобы отыскать глазами стаю Акки Кебнекайсе.

Стая, как всегда, летела в строгом порядке. Гуси мерно взмахивали крыльями. И, не отставая от других, как заправский дикий гусь, летел Мартин.

Крутые склоны горного хребта Кулаберг поднимаются прямо из моря. У подножия Кулаберга нет ни полоски земли или песка, которая защищала бы его от яростных волн. Тысячи лет упрямые волны бьются о каменные глыбы, рассыпаясь шипучей пеной. По камешку, по песчинке волны вырыли глубокие пещеры, пробили в скалистых уступах сводчатые ворота, врезались в глубину гор широкими заливами. Море и его помощник ветер вытесали здесь высокие стены, без единой

зазубринки, без единой морщинки, такие гладкие и блестящие, что даже самый лучший каменщик на свете и то бы им позавидовал.

По склонам Кулаберга, вцепившись в камни крепкими корнями, растут деревья. Морской ветер бьет их, пригибает книзу, не дает поднять головы. Но деревья не сдаются. Они приникают к самой горе, и листва их, словно плющ, стелется по голому камню.

В глубине этого неприступного горного кряжа, невидимая и недоступная ни одному человеку, находится площадка - такая ровная, словно кто-то срезал гигантским ножом верхушку горы.

Один раз в году, ранней весной, сюда сходятся все четвероногие и пернатые на великие игрища птиц и зверей.

День для этого сборища выбирают журавли. Они отлично предсказывают погоду и наперед знают, когда будет дождь, а когда небо будет ясное.

По древнему обычаю, звери и птицы на все время праздника заключают друг с другом перемирие. Зайчонок в этот день может спокойно прогуливаться под боком у воронов, и ни один из крылатых разбойников не посмеет на него даже каркнуть. А дикие гуси могут без опаски прохаживаться под самым носом у лисиц, и ни одна даже не посмотрит на них. И все-таки звери держатся стаями - так уж повелось из века в век.

Прежде чем выбрать себе место, гуси хорошенько огляделись по сторонам.

Совсем рядом с ними поднимался целый лес ветвистых рогов, - тут расположились стада оленей.

Неподалеку виднелся огненно-рыжий лисий пригорок.

Еще дальше - серый пушистый холм; здесь сбились в кучу зайцы.

Хотя гуси и знали, что им не грозит никакая опасность, они все-таки выбрали для себя местечко подальше от лисиц.

Все с нетерпением ждали начала праздника. А больше всего не терпелось Нильсу. Ведь он был первый и единственный человек, которому выпала честь увидеть игрища зверей и птиц.

Но праздник не начинался, потому что, кроме стаи Акки Кебнекайсе, никто из пернатых еще не пожаловал на Кулаберг. Нильс во все глаза смотрел, не летят ли птичьи стаи. Сидя на спине господина Эрменриха, он видел все небо.

Но птицы словно позабыли о сегодняшнем празднике.

Небо было совсем чистое, только далеко-далеко над самым горизонтом повисло небольшое темное облачко. Это облачко становилось все больше и больше. Оно двигалось прямо на Кулаберг и над самой площадкой, где собрались звери, закружилось на месте.

И все облако пело, свистело, щебетало. Оно то поднималось, то опускалось, звук то затихал, то разрастался. Вдруг это поющее облако разом упало на землю - и вся земля запестрела красно-серо-зелеными щеглами, жаворонками, зябликами.

Вслед за первым облаком показалось второе. Где бы оно ни проплывало - над деревенским хутором или над городской площадью, над усадьбой, рудником или заводом, - отовсюду к нему поднимались с земли словно струйки серой пыли. Облако росло, ширилось, и, когда оно подошло к Кулабергу, хлынул настоящий воробьиный ливень.

А па краю неба показалась черно-синяя грозовая туча. Она надвигалась на Кулаберг, нагоняя на всех страх. Ни один солнечный луч не мог проникнуть сквозь эту плотную завесу. Стало темно как ночью. Зловещий, скрипучий грохот перекатывался по туче из конца в конец, и вдруг черный град

посыпался на Кулаберг. Когда он прошел, солнце снова засияло в небе, а по площадке расхаживали, хлопая крыльями и каркая, черные вороны, галки и прочий вороний народ.

А потом небо покрылось сотней точек и черточек, которые складывались то в ровный треугольник, то вытягивались, точно по линейке, в прямую линию, то вычерчивали в небе полукруги. Это летели из окрестных лесов и болот утки, гуси, журавли, глухари.

Как заведено на Кулаберге испокон веков, игры начинались полетом воронов.

С двух самых отдаленных концов площадки вороны летели навстречу друг другу и, столкнувшись в воздухе, снова разлетались в разные стороны. Сами вороны находили, что не может быть ничего красивее этого танца. Но всем остальным он казался довольно-таки бестолковым и утомительным. Верно, потому воронов и выпускали первыми, чтобы потом они уже не портили праздника.

Наконец вороны угомонились.

На площадку выбежали зайцы.

Вот теперь-то пошло настоящее веселье!

Зайцы прыгали, кувыркались через голову, кто катался по земле колесом, кто вертелся волчком, стоя на одной лапе, кто ходил прямо на голове. Зайцам и самим было весело, и смотреть на них было весело!

Да и как же им было не прыгать и не кувыркаться! Весна идет! Кончилась холодная зима! Кончилось голодное время!

После зайцев настала очередь глухарей.

Глухари расселись на дереве - в блестящем черном оперении, с ярко-красными бровями, важные, надутые. Первым завел свою песню глухарь, который сидел на самой верхней ветке. Он поднял хвост, открывая под черными перьями белую подкладку, вытянул шею, закатил глаза и заговорил, засвистел, затакал:

- Зис! Зис! Так! Так! Так!

Три глухаря, сидевшие пониже, подхватили его песню, и с ветки на ветку, с сучка на сучок эта песня спускалась по дереву, пока не затоковали все глухари. Теперь все дерево пело и свистело, приветствуя долгожданную весну.

Глухариная песня всех взяла за живое, все звери готовы были вторить ей. А тетерева, не дождавшись своей очереди, от избытка радости принялись во весь голос подтягивать:

- О-р-р! О-р-р! О-р-р!

Все были так поглощены пением, что никто не заметил, как одна из лисиц тихонько стала подкрадываться к стае Акки Кебнекайсе. Это был лис Смирре.

- Дикие гуси! Берегитесь! Берегитесь! - закричал маленький воробушек.

Смирре бросился на воробья и одним ударом лапы расправился с ним. Но гуси уже успели подняться высоко в воздух.

Смирре так и завыл от ярости. Ведь столько дней и ночей лис только о том и думал, как бы отомстить Акке и ее стае. Увидев всю стаю здесь, на Кулаберге, он забыл обо всех священных обычаях этого весеннего праздника, забыл обо всем на свете.

Нарушить мир на Кулаберге! Такого еще никогда не случалось!

Когда звери увидели, что Смирре пытался напасть на диких гусей, что он убил воробья, гневу их не

было предела. Даже лисицы восстали против своего сородича.

Тут же на месте был устроен суд.

Приговор гласил: «Тот, кто попрал вечный закон мира в день великого сборища зверей и птиц, навсегда изгоняется из своей стаи. Лис Смирре нарушил этот закон - и лапа его не должна больше ступать по нашей земле».

А для того чтобы все знали, какое преступление совершил Смирре, самая старая из лисиц откусила ему кончик уха.

Униженный, посрамленный, с откушенным ухом, лис Смирре бросился бежать, а вслед ему несся яростный лай всей лисьей стаи.

Пока звери чинили расправу над лисом Смирре, глухари и тетерева продолжали свою песню. Такой уж характер у этих лесных птиц, - когда они заводят песню, они ничего не видят, не слышат, не понимают.

Наконец и сами певцы устали и замолкли.

Теперь на площадку вышли олени. Это были прославленные борцы.

Боролись сразу несколько пар. Олени сталкивались лбами, рога их переплетались, из-под копыт взлетали камни. Олени бросались друг на друга с таким боевым грозным ревом, что всех зверей и птиц охватывал воинственный дух. Птицы расправляли крылья, звери точили когти. Весна пробуждала во всех новые силы, силы к борьбе и к жизни.

Олени кончили борьбу как раз вовремя, потому что, глядя на них, всем другим тоже хотелось показать свою удаль, и, того гляди, праздник кончился бы всеобщей дракой.

- Теперь очередь журавлей! Теперь очередь журавлей! - пронеслось над Кулабергом.

И вот на площадке появились журавли - большие серые птицы на длинных стройных ногах, с гибкой шеей, с красным хохолком на маленькой точеной головке. Широко раскрыв крылья, журавли то взлетали, то, едва коснувшись земли, быстро кружились на одной ноге. Казалось, на площадке мелькают не птицы, а серые тени. Кто научил журавлей скользить так легко и бесшумно? Может быть, туман, стелющийся над болотами? Может быть, вольный ветер, проносящийся над землей? Или облака, проплывающие в небе?

Все на Кулаберге, словно завороженные, следили за журавлями. Птицы тихонько поднимали и опускали крылья, звери покачивались из стороны в сторону: одни - похлопывали хвостами в лад журавлиному танцу, другие - наклоняли рога.

Журавли кружились до тех пор, пока солнце не скрылось за горными уступами. И когда их серые крылья слились с серыми сумерками, они взмыли в небо и пропали вдали.

Праздник кончился.

Держась поближе к своим стадам и стаям, птицы и звери спешили покинуть Кулаберг.

Было уже совсем темно, когда гуси снова вернулись к стенам Глиммингенского замка.

- Сегодня все могут спокойно выспаться, - сказала Акка. - Лиса Смирре можно не бояться. А завтра на рассвете - в путь.

Гуси были рады отдыху. Подвернув головы под крылья, они сразу заснули. Не спал только Нильс.

Глубокой ночью Нильс тихонько выполз из-под крыла Мартина. Он огляделся по сторонам и, убедившись в том, что никто его не видит, быстро зашагал к замку.

У Нильса было важное дело. Во что бы то ни стало он должен повидать филина Флимнеа. Надо выпытать у филина, где живет лесной гном. Тогда уж Нильс разыщет его, даже если лесной гном живет на краю света. Пусть гном потребует от него все, что захочет. Нильс все сделает, только бы снова стать человеком!

Нильс долго бродил вокруг замка, пытаясь высмотреть где-нибудь на башне филина Флимнеа. Но было так темно, что он не видел даже собственной руки. Он совсем продрог и хотел уже возвращаться, как вдруг услышал чьи-то голоса, Нильс поднял голову: четыре горящих, точно раскаленные угольки, глаза пронизывали темноту.

- Теперь-то он как шелковый. А ведь раньше от него житья не было, - говорила одна сова другой. - Всем от него доставалось! Сколько он гнезд разрушил! Сколько птенцов погубил! А раз, - тут сова заговорила совсем шепотом, - страшно даже произнести, что он сделал: он подшутил над лесным гномом. Ну, гном его и заколдовал.

- Неужели же он никогда не превратится в человека? - спросила вторая сова.

- Трудно ему теперь человеком стать. Ведь знаешь, что для этого нужно?

- Что? Что?

- Это такая страшная тайна, что я могу сказать ее тебе только на ухо.

И Нильс увидел, как одна пара горящих глаз приблизилась к другой совсем-совсем близко.

Как ни прислушивался Нильс, он ничего не услышал.

Долго еще стоял он у стен замка, ожидая, что совы опять заговорят. Но совы, нашептавшись в свое удовольствие, улетели прочь.

«Видно, мне никогда не превратиться в человека!» - грустно подумал Нильс и поплелся к стае диких гусей.

Глава 7. Погоня

Наступило дождливое время. Все небо было затянуто серыми скучными тучами, и солнце спряталось за ними так далеко, что никто не мог бы сказать, где оно находится. Дождь тяжело шлепал по крыльям гусей. Гуси летели молча, не переговариваясь друг с другом. Только Акка Кебнекайсе время от времени оглядывалась назад, чтобы посмотреть, не отстал ли, не потерялся ли кто-нибудь в этой серой мокрой мгле.

Нильс совсем приуныл. Он сидел на спине у Мартина промокший до нитки и замерзший. Даже когда стая опускалась для ночевки, он не мог обсушиться и отогреться. Повсюду - лужи, мокрая, мерзлая земля. Под деревьями тоже не укрыться от дождя, - чуть только ветер шевельнет ветку, с нее сыплются на голову, за шиворот, на плечи крупные, как горох, холодные капли.

Голодный, дрожащий Нильс забирался под крыло Мартина и с тоской думал о том, как хорошо было бы оказаться в родной деревне Вестменхег. Он представлял себе, как вечером в домах зажигают лампы. Все сидят у своих очагов, отдыхая после работы, а на столе дымится горячий кофе и пахнет свежим хлебом. А ему вот приходится, скрючившись в три погибели, прятаться под крылом гуся где-то среди болотных кочек и есть гнилые орешки, подобранные с земли. Но как же ему стать человеком? Как узнать, что от него хочет гном?

Ради этого он согласился бы теперь решить все задачи в учебнике по арифметике и выучить все правила грамматики. И ведь ни с одним человеком на свете он не мог посоветоваться. Если

случалось, что стая выбирала для ночевки место на окраине села или города, Нильс никогда не отваживался даже подойти к дому, где жили люди, не то что заговорить с кем-нибудь. Разве может он теперь показаться людям на глаза!

Нет, он ни за что не позволит, чтобы над ним смеялись и рассматривали его, словно какую-то диковинную букашку. Пусть уж лучше никто из людей никогда его не увидит.

А гуси летели все вперед и вперед и уносили Нильса все дальше и дальше на север.

С тех пор как лис Смирре был с позором изгнан из лисьей стаи, счастье совсем покинуло его.

Отощавший и злой, бродил Смирре по лесам, не находя нигде ни еды, ни пристанища. Дошло до того, что однажды он схватил большую шишку и стал украдкой выгрызать из нее сухие зернышки.

- Ах, как интересно! Ах, как интересно! Смотрите все! Смотрите! Лис Смирре ест только траву и шишки! - застрекотал кто-то над его головой. - Зайцы могут спокойно танцевать на лужайке! Птицы могут не прятать больше свои яйца! Смирре никого не тронет! Смирре ест только траву и шишки!

Смирре так и заскрипел зубами от досады. Он, наверное, покраснел бы от злости и стыда, если бы и без того не был весь красно-рыжий - от кончиков ушей до кончика хвоста.

Смирре отшвырнул шишку и поднял голову.

- А, это ты, длиннохвостая сорока! Вовремя же ты мне подвернулась! Я как раз наточил себе зубы об сосновую шишку!

- Зря старался, дорогой куманек! Мои перья не по твоим зубам! - крикнула сорока и, чтобы подразнить Смирре, спрыгнула на ветку пониже.

Это было очень неосторожно с ее стороны. И сорока сразу же в этом убедилась. Не успела она вильнуть хвостом, как Смирре подпрыгнул и сгреб ее передними лапами. Сорока рванулась, забила крыльями, да не тут-то было!

- Потише, потише, ты оторвешь мне хвост! - кричала сорока.

- Я тебе не то что хвост, я тебе голову оторву! - прошипел Смирре и щелкнул зубами.

- Да ты же первый об этом пожалеешь! - трещала сорока, извиваясь в лапах Смирре. - Ведь если ты отгрызешь мне голову, ты не узнаешь про новости, которые я припасла для тебя.

- Ну, какие еще там новости? Выкладывай скорее. А то я тебя вместе со всеми твоими новостями проглочу.

- Дело в том, - начала сорока, - что здесь недавно была стая Акки Кебнекайсе.

- Что же ты, пустомеля, до сих пор молчала! - залаял Смирре - Где стая? Говори!

- Я с величайшей радостью сообщу об этом, если ты отпустишь мой хвост,

- вкрадчиво сказала сорока.

- И так скажешь! - буркнул Смирре и в подтверждение своих слов хорошенько тряхнул сороку. - Ну, отвечай! Где стая? В какую сторону полетела?

Сорока увидела, что деваться некуда.

- Они полетели к берегам Роннебю, - сказала она. - Я нарочно подслушала их разговор и поспешила к тебе навстречу, чтобы успеть тебя предупредить. Неужели в благодарность за мою дружбу ты съешь меня?

- Была бы ты жирнее, так я бы не посмотрел на дружбу, - сказал Смирре.

- Уж очень ты тоща - один хвост да язык болтливый. Ну, ладно, проваливай! Только если ты наврала - берегись! С неба достану. Вот тебе мое лисье слово.

И, тряхнув сороку еще разок на прощанье, лис пустился в путь.

К вечеру Смирре догнал диких гусей. С высокого, обрывистого берега он увидел узенькую песчаную отмель и па ней стаю Акки Кебнекайсе. Эту стаю нетрудно было узнать, - ярко-белые крылья Мартина выдавали ее даже издалека, даже в темноте.

Место для ночевки было как нельзя лучше. С одной стороны оно защищено отвесной скалой. С другой стороны - бурным потоком, по которому стремительно проносились обломки льдин.

«Нет, тебе по этой скале не спуститься, - говорил сам себе лис Смирре, глядя вниз. - Тут и лапу поставить некуда».

И вдруг Смирре навострил уши. В двух шагах от него кто-то осторожно крался по дереву. Не поворачивая головы, Смирре скосил глаза.

Маленькая юркая куница, извиваясь всем телом, скользила по гладкому стволу вниз головой. В зубах она держала задушенного птенца.

Хоть Смирре и был голоден, но добыча в зубах у куницы не вызвала у него зависти. Позавидовал он другому.

«Вот бы мне так лазить, как эта куница! - подумал Смирре. - Тогда старая Акка со своей стаей не спала бы сейчас на песочке. Но все равно эти гуси от меня не уйдут!»

Смирре отошел немного от дерева, чтобы куница не подумала, будто он собирается отнять у нее добычу, и приветливым голосом сказал:

- Вот приятная встреча!

Но куница решила, что будет гораздо благоразумнее, если она поднимется повыше. И она в один миг взбежала чуть ли не на самую вершину дерева.

- Куда ты? Постой! Я только хотел пожелать тебе приятного аппетита, - сказал Смирре. - Правда, меня немного удивляет, что ты при твоей ловкости довольствуешься такой мелочью. Впрочем, у каждого свой вкус.

Куница ничего не ответила.

- Все-таки не могу тебя понять, - не унимался Смирре. - Рядом целая стая диких гусей - хватай

любого на выбор! - а она с какой-то несчастной пичугой возится.

Куница уже успела расправиться со своей добычей и спустилась пониже.

- Чего же ты сам время теряешь? Врешь, наверное, рыжий мошенник!

- Если не веришь, посмотри сама. А я и так сыт, - сказал Смирре.

Куница соскользнула с дерева и, подбежав к обрыву, заглянула вниз.

- А ведь и верно, гуси! - сказала она и проворно стала спускаться по обрыву.

Смирре следил за каждым ее движением.

«Хоть мне и не достанется ничего, - думал он, - зато я отомщу этим бродягам за все свои обиды».

А куница спускалась все ниже и ниже. Она повисала то на одной лапе, то на другой, а если уж совсем не за что было уцепиться, змеей скользила по расщелинам.

Смирре не сводил с нее глаз.

Вот куница уже у самой реки. Сейчас она доберется до отмели.

Затаив дыхание, Смирре ждал предсмертного гусиного крика.

Но вдруг он увидел, что куница шлепнулась в воду. Потом шумно захлопали крылья, и вся стая стремительно поднялась в воздух.

Смирре успел пересчитать гусей. Их было по-прежнему четырнадцать.

- Ушли! Опять ушли! - прохрипел Смирре. - Эта дура куница только спугнула их. Ну, уж с ней-то я расправлюсь! - И он защелкал зубами.

Но когда куница снова показалась па берегу, Смирре и смотреть на нее не захотел - такой у нее был жалкий вид.

Вода потоками стекала с ее длинной шерсти. Отяжелевший, намокший хвост волочился по земле. Она часто дышала, то и дело потирая голову передними лапами.

- Медведь ты косолапый, а не куница! - презрительно сказал Смирре. - Все дело испортила.

- Да разве я виновата? - жалобно заговорила куница. - Я уже совсем рядом была, я уж и гуся себе присмотрела - самого большого, жирного, белого. А он как стукнет меня камнем по голове! Я так в воду и бултыхнулась. Подумать только - гусь, а камнями бросается! Вот бы ни за что не поверила, если бы кто другой сказал.

- Да ты и себе не верь, - сказал Смирре. - Не гусь это. Это все он, мальчишка проклятый!

- Какой такой мальчишка? Не выдумывай! Там одни только гуси.

Но Смирре уже не слушал ее. Он мчался вдогонку за стаей.

Медленно и устало сонные гуси летели над рекой. Высоко в небе светил месяц, и гуси хорошо видели, как река черной, блестящей лентой извивалась среди скал. Скалы сжимали ее с двух сторон, преграждали ей путь завалами и наконец совсем загнали под землю. Но река и под землей пробила себе дорогу и, вырвавшись наружу, кипящим водопадом обрушилась на дно ущелья, поднимая столбы водяной пыли и пены.

Здесь, у подножия водопада, на скользких камнях среди бушующего водоворота, гуси решили провести остаток ночи.

Нельзя сказать, что это было очень удобное место для мирного отдыха - того и гляди унесет

бурным потоком! Но зато от диких зверей - убежище надежное.

Это очень хорошо понял и Смирре, когда увидел стаю. Никогда еще гуси не были так близко от него. И никогда до них не было так трудно добраться, как теперь.

Дрожа от голода и злости, Смирре смотрел на гусей, спавших среди бушующего потока.

На его счастье, из воды вынырнула выдра с рыбой в зубах.

«Вот кто мне поможет!» - подумал Смирре.

Медленно, чтобы не спугнуть выдру, он подошел к ней поближе и сказал:

- Приятного аппетита!

Выдра покосилась на него и попятилась назад.

- Да ты не бойся, не бойся, ешь на здоровье! - ласково сказал Смирре. - Только, по правде сказать, я никогда бы не поверил, что ты можешь есть такую дрянь.

Выдра поспешно проглотила рыбу, облизнулась и сказала:

- По-моему, и ты был бы не прочь отведать рыбки.

- Нет, я предпочитаю гусятину, - небрежно ответил Смирре.

- Гусятина - это, конечно, неплохо. Но где же ее взять?

- Да ты просто не видишь, что делается у тебя под самым носом, - сказал Смирре.

- А что делается? - спросила выдра.

- Поверни свою морду вон к тому большому камню, тогда увидишь. Впрочем, тебе все равно до них не доплыть.

Выдра быстро повернулась всем телом и тут только увидела гусей. Не говоря ни слова, она нырнула в воду и поплыла прямо к камням, на которых спали гуси.

«Как это Смирре посмел сказать, что мне не доплыть до гусей!» - думала выдра, и это прибавляло ей силы.

А Смирре сидел на берегу и с завистью смотрел, как ловко она правит хвостом, как быстро перебирает лапами.

Правда, на этот раз даже выдре пришлось трудно. То и дело ее отбрасывало назад, швыряло в сторону, крутило на месте. Но вот она уже у цели. Вот она уже вползает на большой камень.

- Ну, хватай же, хватай скорей! - шептал Смирре и от нетерпения переступал с лапы на лапу.

Он не очень надеялся на то, что выдра поделится с ним, но еще больше, чем голод, его мучило желание мести.

Вдруг выдра пронзительно взвизгнула, перекувыркнулась и шлепнулась прямо в воду.

Стремительный поток сразу подхватил ее, закружил, завертел и, словно котенка, понес вперед.

А гуси в ту же минуту поднялись высоко в воздух и полетели прочь.

- Нет, сегодня вы у меня спать не будете, - прошипел Смирре и бросился за стаей.

Он бежал не щадя ног, натыкаясь на камни, проваливаясь в ямы. Он не видел ничего, кроме четырнадцати гусей, летевших над его головой.

С разбега он наскочил на что-то мягкое, скользкое, мокрое.

Смирре не удержался и упал.

- Эй, эй! Полегче, приятель! - проговорил кто-то под ним.

- Тьфу, да это опять ты, мокрая выдра! - огрызнулся Смирре. - Тебе бы только в болоте сидеть - головастиков ловить. А еще выдра называется!

- Да, тебе-то легко говорить, а я вот чуть без лапы не осталась, - заскулила выдра. - И ведь совсем уж рядом с ними была. Уже за крыло одного гуся схватила. Да вдруг точно острая колючка вонзилась мне в лапу. Вот посмотри сам, как изуродовало! - И она подняла свою раненую лапу.

И верно, перепонка была вся изрезана и висела кровавыми клочьями.

- Опять его проделки! - сказал Смирре и, перешагнув через мокрую выдру, побежал дальше.

Ночь уже подходила к концу, когда измученные гуси увидели вдалеке одинокую скалу. Она высоко торчала среди других скал, как поднятый палец великана. Это было надежное убежище, и, собрав последние силы, гуси полетели к скале.

А Смирре, тоже собрав последние силы, побежал за ними. Но по земле путь длинней, чем по воздуху. Когда Смирре подбежал к подножию скалы, гуси уже спали на ее вершине.

Опытным взглядом бывалого охотника Смирре оглядел скалу. «Не стоит и пробовать, только ноги переломаешь! - подумал он. - Зато поразвлечь их можно».

Он сел па задние лапы, задрал кверху морду и начал выть, скулить, скрипеть зубами, щелкать языком. А эхо трижды повторяло за ним каждый звук, так что воздух кругом дрожал и гудел.

Смирре недаром старался. Гуси проснулись, зашевелились, тревожно загоготали. Но резкий голос Акки Кебнекайсе остановил их:

- Опасности нет! Спите спокойно.

И когда гуси утихли, а Смирре замолчал на минуту, чтобы перевести дух, Акка подошла к самому краю утеса и сказала:

- Это ты тут шляешься, Смирре?

- Да, это я, - ответил Смирре. - Не хотите ли вы нанять меня в сторожа? Тогда вас ни одна куница, ни одна выдра не потревожит. А то, боюсь, вы не очень-то выспались сегодня.

- Так это ты подослал к нам куницу и выдру? - спросила Акка.

- Не стану отпираться - я, - сказал Смирре. - Я хотел отблагодарить вас за развлечение, которое вы мне доставили в лесу на берегу озера. Только ведь каждый развлекается, как умеет: вы по-гусиному, а я по-лисьему. Впрочем, я готов помириться с вами. Если ты, Акка, отдашь мне мальчишку, которого вы с собой таскаете, я оставлю вас в покое. Вот тебе мое честное лисье слово.

- Нет, - сказала Акка, - мальчишку ты никогда не получишь. Вот тебе мое честное гусиное слово.

- Ну что ж! Тогда пеняйте на себя, - сказал Смирре. - Пока меня носят ноги, вам не будет житья. Это так же верно, как то, что меня зовут Смирре!

Глава 8. Вороны с разбойничьей горы

Лис Смирре был не из тех, кто забывает обиды. Он поклялся, что отомстит Нильсу и его крылатым

товарищам, и был верен своей клятве.

Куда бы ни летела стая, Смирре, как тень, бежал за ней по земле. Где бы ни спускались гуси, Смирре был уже тут как тут.

Никогда еще старой Акке Кебнекайсе не было так трудно выбрать место для ночевки. То и дело она сворачивала с пути, чтобы отыскать какой-нибудь островок среди озера или глухое болото, куда бы Смирре не мог добраться.

Да и самому Смирре приходилось несладко. Он не ел и не спал, бока у него ввалились, а рыжий пушистый хвост, которым он всегда так гордился, стал похож на жалкую мочалку, Но он не сдавался.

Выследив остров, на котором однажды заночевали гуси, Смирре отправился за подмогой к своим старым друзьям - воронам.

Это была настоящая разбойничья шайка. Жили вороны на горе, которая так и называлась Разбойничьей горой. Гора возвышалась над диким полем, таким огромным, что казалось, ему нет конца-края. И куда ни посмотришь - все оно поросло бурьяном. Эта некрасивая никчемная трава, которую отовсюду гонят, здесь была полновластной хозяйкой. Она глубоко запустила в землю свои корни, кустики ее крепко держались друг за друга, и если в заросли бурьяна попадало какое-нибудь семечко, бурьян заглушал его и не давал подняться.

Люди избегали этого дикого, пустынного места. А воронам оно пришлось по душе. Каждую весну прилетали они на эту гору и вели отсюда свои разбойничьи набеги.

С утра они разлетались во все стороны в поисках добычи, а вечером слетались и хвастались друг перед другом своими подвигами: один перебил все яйца в совином гнезде, другой выклевал зайчонку глаз, третий украл в деревне оловянную ложку.

Когда Смирре подошел к Разбойничьей горе, вся шайка была в сборе. Вороны громко каркали и сплошной черной тучей кружились над большим глиняным кувшином Кувшин был плотно закрыт деревянной крышкой, и сам атаман шайки, старый ворон Фумле-Друмле, стоял над кувшином и долбил крышку клювом.

- Добрый вечер, приятель, - сказал Смирре. - Над чем ты так трудишься?

- Добрый вечер, кум, - мрачно каркнул Фумле-Друмле и еще сильнее застучал клювом по крышке. - Видишь, какую штуку мои молодцы притащили. Хотел бы я знать, что там внутри!.. Да вот крышку проклятую никак не открыть.

Смирре подошел к кувшину, свалил его лапой на бок и осторожно стал катать по земле. В кувшине что-то бренчало и звенело.

- Эге, да там не иначе как серебряные монеты! - сказал лис. - Славная находка!

От жадности у Фумле-Друмле загорелись глаза - ведь давно известно, что вороны не пролетят мимо самого простого осколка стекла или медной пуговицы. А уж за блестящую монету они готовы все на свете отдать!

- Ты думаешь, тут серебряные монеты? - прокаркал Фумле-Друмле и снова задолбил клювом по крышке.

- Конечно, - сказал Смирре. - Послушай, как они звенят.

И Смирре опять принялся катать кувшин по земле. И опять в кувшине забренчало и зазвенело.

- Сер-р-ребро! Сер-р-ребро! Сер-р-ребро! - закаркали вороны. - Ур-р-ра! Сер-р-ребро!

- Подождите радоваться, - сказал Смирре. - Его еще надо достать!

Он потер лапой жалкий остаток уха и задумался. - А ведь, кажется, я смогу вам помочь! - наконец проговорил он. - Хотите знать, кто может открыть этот кувшин?

- Говор-ри! Говор-ри! Говор-ри! - закричали вороны.

- Есть тут один мальчишка, - сказал Смирре, - он со старой Аккой путешествует. Ну уж это и мастер - золотые руки!

- Где он? Где он? - опять закричали вороны.

- Я могу показать вам дорогу, - сказал Смирре, - но за это вы должны отдать мальчишку мне. У меня с ним кое-какие счеты.

- Бер-ри его! Бер-ри! Бер-ри! Нам не жалко, - каркнул Фумле-Друмле. - Только спер-рва пусть кр-рышку откр-роет!

Нильс проснулся раньше всех в стае. Он выбрался из своей пуховой постели под крылом Мартина и пошел бродить по острову.

Нильсу очень хотелось есть. На счастье, он наткнулся на кустик молодого, только что пробившегося щавеля. Нильс сорвал один листик и принялся высасывать из стебелька прохладный кисловатый сок. Высосав все до последней капли, он потянулся за вторым листиком. Вдруг что-то острое ударило его в затылок, чьи-то цепкие когти впились в ворот его рубахи, и Нильс почувствовал, что поднимается в воздух.

Нильс вертелся и дергался, как заяц на ниточке. Он махал руками, дрыгал ногами, отбиваясь от невидимого врага, но все было напрасно.

- Мартин! Мартин! Сюда! Ко мне! - закричал Нильс. Но вместо Мартина к нему подлетел огромный ворон. Он был чернее сажи, острый клюв его загибался крючком, а маленькие круглые глаза горели желтыми злыми огоньками.

Это был атаман вороньей шайки - Фумле-Друмле.

- Не р-р-разговар-р-ривай! - хрипло каркнул Фумле-Друмле Нильсу в самое ухо. - Не то я выклюю тебе глаза.

И, чтобы Нильс не принял его слова за шутку, клюнул его на первый раз в ногу. А ворон, который держал Нильса в своих когтях, так тряхнул его, что Нильс по самые уши провалился в ворот собственной рубашки.

- Теперь в дор-рогу! - скомандовал Фумле-Друмле.

- В дор-рогу! Скор-рей в дор-рогу! - каркнул в ответ его товарищ, и оба ворона яростно захлопали крыльями.

Нильс хоть и привык летать, но на этот раз путешествие по воздуху не очень-то ему понравилось. Он болтался, как мешок, между небом и землей. Вороньи когти царапали ему спину, воротник наползал на самые глаза.

«Надо запомнить дорогу, - думал Нильс. - Как же это мы летели? Сперва над озером, потом направо свернули. Значит, на обратном пути надо сворачивать налево. А вот и лес! Хорошо, если б сорока попалась навстречу. Она уж на весь свет растрезвонит о моем несчастье, - может, и гуси узнают, где я. Они тогда непременно прилетят ко мне на выручку».

Но сороки нигде не было видно.

«Ну, ничего, я и сам выпутаюсь из беды», - подумал Нильс.

На одном дереве Нильс увидел лесного голубя и голубку. Голубь надулся, распушил перья и громко, переливчато ворковал. А голубка, склонив голову набок, слушала его и от удовольствия покачивалась из стороны в сторону.

- Ты самая красивая, самая красивая, самая красивая! Нет никого тебя красивее, тебя красивее, тебя красивее! Ни у кого нет таких пестрых перышек, таких гладких перышек, таких мягких перышек! - пел голубь.

- Не верь ему! Не верь ему! - прокричал сверху Нильс. Голубка так удивилась, что даже перестала раскачиваться, а у голубя от возмущения забулькало в горле.

- Кто, кто, кто, кто смеет так говорить, так говорить! - забормотал он, оглядываясь.

- Похищенный воронами! - крикнул Нильс. - Скажите Акке.

Но сейчас же он увидел острый клюв Фумле-Друмле.

- Бер-р-реги свои глаза! - каркнул ворон.

По всему было видно, что Фумле-Друмле готов исполнить угрозу. Нильс вобрал голову в плечи и покрепче зажмурился.

Когда он снова открыл глаза, старый лес был уже позади.

Они летели над молоденькой березовой рощицей. Почки на ветках уже начали лопаться, и деревья стояли, точно в зеленом пуху.

Веселый дрозд кружился над березками, то взлетал вверх, то садился на ветку и без умолку щебетал:

- Ах, как хорошо! Ах, как хорошо. Ах, как хорошо!.. И, передохнув немного, начинал эту песенку сначала, потому что никакой другой он не знал.

- Ах, как хорошо! Как хорошо! Как хорошо!

- Ну, это кому как! Кому хорошо, а кому и не очень! - крикнул Нильс.

Дрозд высоко задрал голову и с удивлением прокричал:

- Кто это тут недоволен?

- Вороний пленник! Вороний пленник!

На этот раз увернуться от ворона Нильсу не удалось. Фумле-Друмле налетел на него и твердым, острым клювом стукнул прямо в лоб. Удар был такой сильный, что Нильс, как маятник, закачался - вправо-влево, вправо-влево - и рубашка его угрожающе затрещала.

Всякого другого такой удар навсегда отучил бы перечить воронам, но Нильса не так-то легко было запугать.

Пролетая над деревней, он увидел скворечник, примостившийся на высокой березе. Около скворечника сидели скворец и скворчиха и весело пели:

- У нас четыре яичка! У нас четыре хорошеньких яичка! У нас будет четыре умных, красивых птенчика!

- Их утащат вороны так же, как меня! - закричал Нильс, пролетая над ними.

- Кто это кричит? Кого утащили вороны? - засуетились скворец и скворчиха и на всякий случай спрятались в свой домик.

- Меня утащили! Меня, Нильса Хольгерсона! Скажите это Акке Кебнекайсе!

- прокричал несчастный вороний пленник и весь съежился, готовясь к расплате за свою смелость.

Но вороны точно не слышали его. Изо всех сил работали они крыльями, торопясь к горе, которая одиноко торчала среди голого поля.

Еще издали Нильс увидел какую-то темную тучу, повисшую над горой. Точно вихрем ее кружило на одном месте, то взметая вверх, то прибивая к земле.

Фумле-Друмле и его спутник камнем упали в эту живую тучу.

- Скор-рей! Скор-рей! Скор-рей! - закаркали вороны, и вся стая закружилась еще быстрее.

Нильс растерянно смотрел по сторонам.

«Зачем они меня сюда притащили? Что им от меня нужно?»

И, словно в ответ, Фумле-Друмле клюнул Нильса в голову, подталкивая его к кувшину.

- Смотр-р-ри пр-рямо, - прокаркал ворон. - Этот кувшин полон серебра. Ты должен открыть его. Не откроешь - глаза выклюем, откроешь - с почетом отпустим.

Фумле-Друмле хитро подмигнул своим молодцам, и все они дружно закаркали:

- Спасибо скажем!

- Проводника ему дадим!

- Да еще какого! Рыжего, пушистого!

Тут из-за большого камня высунулась острая морда Смирре. Высунулась и сразу спряталась.

«Ага, вот чьи это шутки, - подумал Нильс. - Ловко придумано! Теперь открывай не открывай - один конец. Ну да еще посмотрим, кто кого одолеет».

Нильс подошел к горшку, с важным видом постучал по стенкам, по крышке, потом подозвал Фумле-Друмле и тихо сказал ему:

- Слушай, кувшин открыть мне, конечно, ничего не стоит. Только, по-моему, зря вы хлопочете: все равно серебра вам не видать.

- Как это не видать? - возмутился Фумле-Друмле.

- А так и не видать! Вы вот связались с лисом Смирре, а он только и ждет, как бы вашим серебром поживиться. Чуть я открою кувшин, он сразу на серебро и бросится - вам ни одной монетки не оставит.

Фумле-Друмле сверкнул глазами.

- Ах вот оно что! - сказал ворон. - Хитер лис, да и я не прост. Нет, старого атамана ему не провести! Иди открывай кувшин. А уж я от рыжего как-нибудь отделаюсь.

Нильс вытащил свой ножичек и стал медленно ковырять крышку.

Тем временем Фумле-Друмле подлетел к Смирре.

- Знаешь что, дружище, - сказал он лису, - пожалуй, ты сплоховал. Чего это ты высунул свою морду? Только напугал мальчишку. Видишь, он теперь от страха едва жив. Ты бы убрался куда-нибудь подальше. А уж когда он справится с делом, откроет кувшин, я тебе сразу дам знать: три раза каркну.

Лис недовольно заворчал, но делать было нечего - сам виноват. Он отбежал немного и присел за кустом.

- Дальше, дальше иди! - каркнул ворон. Он подождал, пока лис совсем сбежал с горы, и тогда только вернулся к Нильсу.

- Теперь живо за дело, - сказал Фумле-Друмле.

Но открыть кувшин было не так-то просто. Деревянная крышка крепко сидела в горлышке. Нильс вдоль и поперек исцарапал ее своим маленьким ножичком, да все без толку, крышка - ни взад, ни вперед. А тут еще вороны каркают над душой:

- Скор-рей! Скор-рей! Скор-рей! Откр-рывай! Откр-ры-вай! Откр-рывай!

И наскакивают на него, клюют, бьют крыльями - прямо шевельнуться не дают.

- А ну, р-р-разойдись! - скомандовал вдруг Фумле-Друмле.

Вороны злобно закаркали, но не посмели ослушаться своего атамана и отлетели в сторону.

Нильс с облегчением вздохнул и стал осматриваться кругом: нет ли поблизости чего-нибудь покрепче да побольше, чем его ножичек?

Около кувшина валялась крепкая, острая, дочиста обглоданная кость. Нильс поднял ее. Потом выковырял из земли камень и принялся за дело. Он наставил кость, как долото, между крышкой и

горлышком и начал бить по ней камнем. Он бил до тех пор, пока кость не вошла почти наполовину. Тогда Нильс обеими руками ухватился за конец, торчавший снаружи, и повис на нем вместо груза. Он весь натужился, напряг мускулы и даже поджал ноги к животу, чтобы стать потяжелее.

И вот крышка заскрипела, затрещала и вдруг вылетела из горлышка, как ядро из пушки. А Нильс кубарем покатился по земле.

- Ур-ра Ур-ра! Ур-ра! - закричали вороны и бросились к горшку.

Они хватали монетки, клевали их, катали, а потом высоко подбрасывали и снова ловили.

Монетки сверкали, искрились и звенели в воздухе. Настоящий серебряный дождь падал на землю. А вороны, как ошалелые, без умолку каркали и кружились на одном месте.

Фумле-Друмле не отставал от них. Наконец он вспомнил о Нильсе и подлетел к нему. В клюве у него была зажата блестящая новенькая монетка. Он бросил ее прямо в руки Нильсу и прокаркал:

- Бери свою долю и - в путь! Старый Фумле-Друмле никогда своему слову не изменяет. Ты помог мне уберечь от Смирре серебро, а я помогу тебе уберечь от него голову. Только до вашего острова лететь очень далеко. Я спущу тебя за полем, около деревни, не то мои молодцы без меня все серебро растащат, мне ничего не оставят.

Он подождал, пока Нильс засунул монетку в карман, и даже подтолкнул ее клювом, чтобы она не выпала. Потом сгреб когтями Нильса за шиворот и поднялся в воздух.

- А лису это будет хороший урок. Пусть навсегда запомнит, что никому еще не удавалось перехитрить старого атамана.

«Ну, кое-кому удалось!» - подумал Нильс.

Лис Смирре ждал-ждал условного знака и, не дождавшись, решил пойти посмотреть, что делается на горе.

Вороны уже расхватали все серебро. На земле валялся пустой кувшин, а рядом деревянная крышка.

Фумле-Друмле и Нильса нигде не было.

Лис схватил за хвост первого попавшегося ворона и стал так его трепать, что пух и перья полетели во все стороны.

- Говори, куда девали мальчишку? Где ваш мошенник-атаман?

- А во-он, посмотри! - ответил ворон и показал на черную точку, видневшуюся вдалеке. Лис понял - его обманули.

- Счастье твое, что мне сейчас некогда, - прошипел Смирре, - а то рассчитался бы я с тобой за вашего атамана.

И он понесся вдогонку за беглецами. Он увидел, как ворон спустился около деревни, а потом снова

поднялся, но уже один.

Смирре выждал, пока ворон отлетел подальше, и бросился рыскать по деревне. Теперь уже дело верное - мальчишке от него не уйти!

Смирре пробежал одну улицу и только свернул в другую, как увидел Нильса. Вот он - его злейший враг! Сейчас Смирре отплатит ему за все обиды! Оскалив пасть, лис кинулся на Нильса. Еще секунда, и маленькому другу Акки Кебнекайсе пришел бы конец!

Но тут, на счастье Нильса, из-за угла показались два крестьянина. Нильс бросился им прямо под ноги и засеменил рядом. Под прикрытием двух пар больших крестьянских сапог он чувствовал себя в безопасности. Он даже обернулся и помахал лису Смирре рукой - попробуй, мол, сунься, ко мне!

Этого Смирре не выдержал. Забыв про всякую осторожность, он рванулся вперед.

- Смотри, - сказал один крестьянин, - какая-то рыжая собака увязалась за нами.

- Пошла прочь! - крикнул другой и дал такого пинка Смирре, что тот отлетел на десять шагов.

Крестьяне свернули в ближний двор и поднялись по ступенькам крыльца.

И никому из них даже в голову не пришло, что тут, рядом, остался беззащитный человек, за которым охотится лис Смирре.

Ах, как хотелось Нильсу войти в дом вместе с хозяевами!

Но дверь захлопнулась, и снова он остался один.

Посреди двора стояла собачья будка. Недолго думая, Нильс юркнул в будку и забился в самый дальний угол.

В будке жила на цепи огромная сторожевая собака. Она не очень обрадовалась незваному гостю. Тем более, что гость этот опрокинул ее плошку и вылил на соломенную подстилку всю воду.

Собака привстала, ощерилась и зарычала на Нильса.

- Не гони меня, - стал упрашивать ее Нильс, - а то меня съест лис Смирре. Наверное, он уже тут, рядом.

- Как, опять этот вор здесь? - прорычала собака и открыла уже пасть, чтобы залиться лаем.

- Пожалуйста, не лай! - зашептал Нильс. - Ты только спугнешь его. Лучше давай так сделаем: я отцеплю твой ошейник, ты лиса и схватишь.

- Ну что ж, это можно, - сказала собака и подставила Нильсу шею: она рада была случаю немножко погулять на свободе.

Нильсу порядком пришлось повозиться с ошейником, но все-таки он расстегнул его, и собака, весело потряхивая головой, выглянула из своей конуры.

Лис уже сидел неподалеку и нюхал воздух.

- Убирайся-ка подобру-поздорову, - зарычала на него собака, - а то попробуешь, острые ли у меня зубы!

- Ничего ты со мной ни сделаешь, - сказал лис. - Всей твоей прыти только на пять шагов хватает.

- Сегодня, может, и на шесть хватит, - проворчала собака и огромным прыжком подскочила к лису.

Одним ударом она сбила его с ног, придавила лапами к земле, а потом вцепилась в его шею зубами и поволокла к будке.

На пороге уже стоял Нильс с ошейником в руках.

- Здорово, кум! А я вот тебе подарочек приготовил, - весело сказал Нильс, позвякивая цепью. - Ну-ка, примерим! Пожалуй, шея у тебя тонковата для этого ожерелья! Ну да не горюй, мы тебе хорошенький поясок приладим.

Он просунул ошейник одним концом под брюхо Смирре и щелкнул замком.

- Ну и пояс! Вот так пояс! - приговаривал Нильс, прыгая вокруг Смирре.

Смирре лязгал зубами, извивался, визжал, но ничего не помогало - ошейник крепко-накрепко перетянул его брюхо.

- Ну, будь здоров, куманек! - весело крикнул Нильс и побежал к воротам.

Смирре рванулся за ним, да не тут-то было! Всей его прыти хватило теперь ровно на пять шагов.

А Нильс, помахав ему на прощание рукой, пошел своей дорогой.

Дойдя до конца деревни, Нильс остановился.

Куда же теперь идти?

И вдруг он услышал над самой головой гусиный крик:

- Мы здесь! Мы здесь! Где ты? Где ты?

- Я тут! - закричал Нильс и высоко подпрыгнул, чтобы гуси могли разглядеть его в густой траве.

И в самом деле, Мартин сразу его увидел. Он спустился на землю и стал перед Нильсом, как верный конь.

Нильс ласково похлопал его по шее.

- Вот уж не думал, что вы так скоро меня найдете! - сказал он.

- Мы бы и не нашли, - ответил Мартин, - если бы голубь дорогу не показал, да дрозд не помог, да скворец не надоумил.

- Ну, значит, не зря я им кричал, - сказал Нильс. - Ведь мне вороны ни одного слова не давали сказать. За каждое слово клювом долбили. - И Нильс потер свои шишки и синяки. - А знаешь, кто воронов подговорил? - спросил Нильс. - Лис Смирре! Все его проделки!

- Ах он рыжий разбойник! - воскликнул Мартин. - Прямо житья от него нет! Ну что нам с ним делать? Как от него избавиться?

- Теперь уже ничего не надо делать, - важно сказал Нильс. - Я сам все сделал. Я его на цепь посадил. Он сейчас сидит, как дворовый пес, в собачьей будке и только зубами щелкает.

Мартин от радости захлопал крыльями.

- Смирре сидит на цепи! Вот это ловко! Ну и молодец же ты, Нильс! Ну и молодец! Летим скорее, ведь Акка еще ничего не знает!

Нильс вскочил на Мартина, и они полетели к стае.

- Смирре сидит на цепи! Нильс посадил Смирре на цепь! - кричал еще издали Мартин.

И по всей стае, от одного гуся к другому, пронеслась радостная весть:

- Нильс посадил Смирре на цепь! Смирре посажен на цепь! Смирре сидит на цепи!

Обгоняя друг друга, гуси летели навстречу Нильсу и на все голоса выкрикивали:

- Нильс победил Смирре!

- Нильс посадил Смирре на цепь!

Они кружились над Нильсом, и от их веселого крика прозрачный весенний воздух звенел и дрожал.

И сама старая Акка Кебнекайсе кружилась и кричала вместе со всеми, не думая о своих преклонных годах, забыв, что она вожак стаи.

Глава 9. Бронзовый и деревянный

Солнце уже село. Последние его лучи погасли па краях облаков. Над землей сгущалась вечерняя тьма. Стаю Акки Кебнекайсе сумерки застигли в пути.

Гуси устали. Из последних сил они махали крыльями. А старая Акка как будто забыла об отдыхе и летела все дальше и дальше.

Нильс с тревогой вглядывался в темноту.

«Неужели Акка решила лететь всю ночь?»

Вот уже показалось море. Оно было таким же темным, как небо. Только гребни волн, набегающих друг на друга, поблескивали белой пеной. И среди волн Нильс разглядел какие-то странные каменные глыбы, огромные, черные.

Это был целый остров из камней.

Откуда здесь эти камни?

Кто набросал их сюда?

Нильс вспомнил, как отец рассказывал ему про одного страшного великана. Этот великан жил в горах высоко над морем. Он был стар, и часто спускаться по крутым склонам ему было трудно.

Поэтому, когда ему хотелось наловить форели, он выламывал целые скалы и бросал их в море. Форель так пугалась, что выскакивала из воды целыми стаями. И тогда великан шел вниз, к берегу, чтобы подобрать свой улов.

Может быть, вот эти каменные глыбы, что торчат из волн, и набросал великан.

Но почему же в провалах между глыбами сверкают огненные точки? А что, если это глаза притаившихся зверей? Ну, конечно же! Голодные звери так и рыщут по острову, высматривая себе добычу. Они и гусей, верно, приметили и ждут не дождутся, чтобы стая спустилась на эти камни.

Вот и великан стоит на самом высоком месте, подняв руки над головой. Уж не тот ли это, который любил лакомиться форелью? Может быть, и ему страшно среди диких зверей. Может, он зовет стаю на помощь - потому и поднял руки?

А со дна моря па остров лезут какие-то чудовища. Одни тонкие, остроносые, другие - толстые, бокастые. И все сбились в кучу, чуть не давят друг друга.

«Скорей бы уж пролететь мимо!» - подумал Нильс.

И как раз в это время Акка Кебнекайсе повела стаю вниз.

- Не надо! Не надо! Тут мы все пропадем! - закричал Нильс.

Но Акка словно не слышала его. Она вела стаю прямо на каменный остров.

И вдруг, словно по взмаху волшебной палочки, все кругом изменилось. Громадные каменные глыбы превратились в обыкновенные дома. Глаза зверей стали уличными фонарями и освещенными окнами. А чудовища, которые осаждали берег острова, были просто-напросто кораблями, стоявшими у причала.

Нильс даже рассмеялся. Как же он сразу не догадался, что книзу под ними был город. Ведь это же Карлскрона! Город кораблей! Здесь корабли отдыхают после дальних плаваний, здесь их строят, здесь их чинят.

Гуси опустились прямо на плечи великана с поднятыми руками. Это была ратуша с двумя высокими башнями.

В другое время Акка Кебнекайсе никогда бы не остановилась на ночлег под самым боком у людей. Но в этот вечер выбора у нее не было, - гуси едва держались на крыльях.

Впрочем, крыша городской ратуши оказалась очень удобным местом для ночлега. По краю ее шел

широкий и глубокий желоб. В нем можно было прекрасно спрятаться от посторонних глаз и напиться воды, которая сохранилась от недавнего дождя. Одно плохо - на городских крышах не растет трава и не водятся водяные жуки.

И все-таки совсем голодными гуси не остались. Между черепицами, покрывавшими крышу, застряло несколько хлебных корок - остаток пиршества не то голубей, не то воробьев. Для настоящих гусей это, разумеется, не корм, но, на худой конец, можно и сухого хлеба поклевать.

Зато Нильс поужинал на славу.

Хлебные корки, высушенные ветром и солнцем, показались ему даже вкуснее, чем сдобные сухари, которыми славилась на весь Вестменхег его мать.

Правда, вместо сахара они были густо обсыпаны серой городской пылью, но это беда небольшая.

Нильс ловко соскреб пыль своим ножичком и, разрубив корку на мелкие кусочки, с удовольствием грыз сухой хлеб.

Пока он трудился над одной коркой, гуси успели и поесть, и попить, и приготовиться ко сну. Они растянулись цепочкой по дну желоба - хвост к клюву, клюв к хвосту, - потом разом подогнули головы под крылья и заснули.

А Нильсу спать не хотелось. Он забрался на спину Мартина и, перевесившись через край желоба, стал смотреть вниз. Ведь это был первый город, который он видел так близко с тех пор, как летит с гусиной стаей.

Время было позднее. Люди уже давно легли спать. Только изредка торопливо пробегал какой-нибудь запоздалый прохожий, и шаги его гулко разносились в тихом, неподвижном воздухе. Каждого прохожего Нильс долго провожал глазами, пока тот не исчезал где-нибудь за поворотом.

«Сейчас он, наверное, придет домой, - грустно думал Нильс. - Счастливый! Хоть бы одним глазком взглянуть, как живут люди!.. Самому ведь не придется уже.»

- Мартин, а Мартин, ты спишь? - позвал Нильс своего товарища.

- Сплю, - сказал Мартин. - И ты спи.

- Мартин, ты погоди спать. У меня к тебе дело есть.

- Ну, что еще?

- Послушай, Мартин, - зашептал Нильс, - спусти меня вниз, на улицу. Я погуляю немножечко, а ты выспишься и потом прилетишь за мной. Мне так хочется по улицам походить. Как все люди ходят.

- Вот еще! Только мне и заботы вниз-вверх летать! И Мартин решительно сунул голову под крыло.

- Мартин, да ты не спи! Послушай, что я тебе скажу. Ведь если бы ты был когда-нибудь человеком, тебе бы тоже захотелось увидеть настоящих людей.

Мартину стало жалко Нильса. Он высунул голову из-под крыла и сказал:

- Ладно, будь по-твоему. Только помни мой совет: на людей смотри, а сам им на глаза не показывайся. А то не вышло бы какой беды.

- Да не беспокойся! Меня ни одна мышь не увидит, - весело сказал Нильс и от радости даже заплясал на спине у Мартина.

- Потише, потише, ты мне все перья переломаешь! - заворчал Мартин, расправляя усталые крылья. Через минуту Нильс стоял на земле.

- Далеко не уходи! - крикнул ему Мартин и полетел наверх досыпать остаток ночи.

Нильс медленно шел по улице, то и дело оглядываясь и прислушиваясь. Один за другим гасли огоньки в окнах. Улицы были пустынными, тихими. И все-таки Нильс знал, что за каждой стеной, за каждой дверью живут люди.

Вот впереди одно окно освещено. Нильс остановился и долго стоял в яркой полосе света.

Если бы можно было заглянуть через раздвинутую занавеску!

Но окно было слишком высоко, а Нильс слишком мал.

Он слышал голоса, смех. Слов разобрать он не мог, но все равно он готов был стоять и слушать хоть всю ночь, - ведь это говорили люди!

Может быть, он и простоял бы до утра, но свет в окне погас, и голоса смолкли. Значит, и в этом доме легли уже спать.

Нильс побрел дальше.

На углу, против уличного фонаря, он увидел вывеску. Большими буквами на ней было написано: АПТЕКА. Вот если бы нашлось такое лекарство, от которого Нильс сразу бы вырос! Пусть бы это лекарство было горькое, как полынь, - Нильс выпил бы, не поморщившись, целую бутылку. Если надо, так выпил бы и две бутылки! Только где такое лекарство взять?!

На другом углу была лавка, и над ней висел огромный золотой крендель. Нильс не мог оторвать от него глаз. Хотя бы кусочек такого кренделя попробовать! Да что кренделя! Простого бы хлеба кусочек!

Нильс тяжело вздохнул и зашагал дальше.

Он сворачивал с улицы на улицу, пока наконец не вышел на большую площадь.

Наверное, это была самая главная площадь во всем городе.

Нильс огляделся по сторонам. В этот поздний час на площади не было ни одного человека, если не считать за человека бронзовую статую, стоявшую на высокой каменной тумбе.

«Кто бы это мог быть?» - думал Нильс, расхаживая вокруг тумбы.

Вид у Бронзового был очень важный - длинный камзол, башмаки с пряжками, на голове треуголка. Одну ногу он выставил вперед, точно собирался сойти с пьедестала, а в руке держал толстую палку. Не будь он сделан из бронзы, он, наверное, давно бы пустил эту палку в ход. На лице у него так и было написано, что спуску он никому не даст: нос крючком, брови нахмурены, губы поджаты.

- Эй ты, пугало бронзовое! - крикнул ему Нильс. - Ты кто такой? Да не смотри на меня так сердито! Я тебя нисколько не боюсь.

Нильс нарочно говорил так храбро, потому что на самом деле сердце у него замирало от страха. Этот пустой притихший город. Темные, будто ослепшие, дома. Этот Бронзовый, который, казалось, не сводил с Нильса глаз. Тут всякому станет не по себе!

И чтобы как-нибудь подбодрить себя, Нильс крикнул;

- Что же ты молчишь? Ну ладно, не хочешь разговаривать - и не надо. До свидания. Счастливо оставаться!

Нильс помахал Бронзовому рукой и отправился дальше. Он обошел всю площадь и свернул на широкую улицу, которая вела к гавани.

И вдруг он насторожился. Кто-то медленно и тяжело шел за ним. Каждый шаг был как удар кузнечного молота о наковальню. От каждого шага вздрагивала земля и звенели стекла в домах.

«Бронзовый!» - мелькнуло в голове у Нильса.

И ему стало так страшно, что он бросился бежать куда глаза глядят. Он добежал до конца одной улицы, потом свернул в другую, потом в третью.

На крыльце какого-то дома он присел, чтобы немного передохнуть.

Шаги слышались теперь где-то вдалеке.

- И чего это я так испугался? - успокаивал себя Нильс. - Может, он просто гуляет. Надоело стоять, вот он и пошел пройтись. Что тут особенного? Да я ему ничего плохого и не сказал.

Нильс прислушался.

Тут за углом точно ударил набат - так гулко и звонко застучали по камням стопудовые сапоги.

Бронзовый шел прямо на Нильса. Он шел, не сгибая колен, не поворачивая головы, и застывшим взглядом смотрел перед собой.

«Куда бы спрятаться? - думал Нильс, растерянно оглядываясь. - Куда бы спрятаться?»

Но все двери в домах были плотно заперты, негде укрыться, негде спастись.

И вдруг Нильс увидел на другой стороне улицы старую, полуразвалившуюся деревянную церковь. От времени стены ее покосились, крыша съехала набок, и, наверное, вся церковь давно бы рассыпалась, если б старые кряжистые клены не подпирали ее своими разросшимися ветвями.

«Вот где я спрячусь! - обрадовался Нильс. - Залезу на самую верхушку дерева, тогда меня хоть до завтра ищи - не найдешь».

И Нильс бросился через дорогу.

Он был уже почти у самой цели и только теперь увидел, что на церковной паперти стоит какой-то человек. Человек этот в упор смотрел на Нильса и подмигивал ему одним глазом.

Нильс совсем растерялся.

Что теперь делать? Куда деваться?

Назад бежать - Бронзовый его, как муху, раздавит, вперед идти - может, еще хуже будет. Кто его знает, почему этот человек подмигивает? Будь у нею хорошее на уме, он бы по-хорошему и разговаривал, а не мигал.

Но в это время где-то совсем близко загремели, загрохотали бронзовые сапоги.

Раздумывать было некогда, и Нильс двинулся вперед.

А человек на паперти стоял все так же неподвижно. Он подмигивал Нильсу то одним глазом, то другим, кивал ему, но с места не сходил. И каждый раз, когда он наклонял голову, раздавался легкий скрип, точно кто-то садился на рассохшуюся табуретку.

«Кажется, он не такой уж сердитый. Даже как будто улыбается, - подумал Нильс, подходя к нему ближе. - Да что это! Ведь он же деревянный!»

И верно, человек этот с ног до головы был из дерева. И борода у него была деревянная, и нос деревянный, и глаза деревянные. На голове у деревянного человека была деревянная шляпа, на плечах деревянная куртка, перетянутая деревянным поясом, на ногах деревянные чулки и деревянные башмаки.

Одна щека у деревянного человека была красная, а другая серая. Это оттого, что на одной щеке краска облупилась, а на другой еще держалась.

На деревянной его груди висела деревянная дощечка. Красивыми буквами, украшенными разными завитушками, на ней было написано: «Прохожий! На твоем пути Смиренно я стою. Монетку в кружку опусти - И будешь ты в раю!»

В левой руке Деревянный держал большую кружку - тоже деревянную.

«Вот оно что! - подумал Нильс. - Он, значит, подаяние собирает. То-то он меня так подзывал! Хорошо, что у меня есть монетка. Отдам-ка ее! Все равно она мне никогда не пригодится».

И Нильс полез в карман за вороньей монеткой.

Деревянный сразу догадался. С протяжным скрипом и потрескиванием он наклонился и поставил перед Нильсом свою кружку.

А тяжелые удары бронзовых подошв гремели уже совсем за спиной.

«Пропал я!» - подумал Нильс.

Он с радостью сам залез бы в кружку для монет. Да, на беду, отверстие было слишком узким даже для него.

А Деревянный словно понял Нильса. Что-то опять заскрежетало у него внутри, и деревянная рука опустилась к самой земле.

Нильс вскочил на широкую, как лопата, ладонь. Деревянный быстро поднял его и посадил к себе под шляпу.

И как раз вовремя! Из-за угла уже вышагивал Бронзовый!

Примостившись на макушке своего деревянного спасителя, Нильс с ужасом ждал, что будет дальше.

Сквозь щели в старой, рассохшейся шляпе Нильс увидел, как подходил Бронзовый. Он высоко выбрасывал ноги, и от каждого шага искры выбивались из-под его подошв, а камни мостовой глубоко вдавливались в землю. Бронзовый был очень зол.

Он вплотную подошел к Деревянному и, стукнув палкой, остановился. От удара тяжелой палки задрожала земля, и Деревянный так зашатался, что шляпа вместе с Нильсом чуть не съехала у него на затылок.

- Кто ты такой? - прогремел Бронзовый. Деревянный вздрогнул, и в его старом теле что-то затрещало. Он отдал честь, потом вытянул руки по швам и скрипучим голосом ответил:

- Розенбум, ваше величество! Бывший старший боцман на линейном корабле «Дристигхетен». В сражении при Фербелине дважды ранен. По выходе в отставку служил церковным сторожем. В тысяча шестьсот девяностом году скончался. Впоследствии был вырезан из дерева и поставлен вместо кружки для милостыни.

У этой паперти святой

Стою, как на часах.

Мой прах под каменной плитой.

Душа на небесах.

Деревянный снова отдал честь и застыл.

- Я вижу, ты славный солдат, Розенбум. Жаль, что я не успел представить тебя к награде, пока меня не водрузили на эту тумбу посреди площади.

- Премного благодарен, - опять козырнул Деревянный. - Всегда готов служить верой и правдой своему королю и отечеству!

«Так, значит, это король! - ужаснулся Нильс и даже съежился под шляпой.

- А я его пугалом обозвал!..»

- Послушай, Розенбум, - снова заговорил Бронзовый. - Ты должен сослужить мне еще одну, последнюю службу. Не видел ли ты мальчишку, который бегает тут по улицам? Сам он не больше воробья, зато дерзок не по росту. Ты подумай только, этот мальчишка не знал, кто я такой! Надо его хорошенько проучить.

И Бронзовый снова стукнул палкой.

- Так точно, ваше величество! - проскрипел Деревянный.

Нильс похолодел от страха. «Неужели выдаст?!»

- Так точно, видел, - повторил Деревянный. - Пять минут назад пробегал здесь. Показал мне нос, да и был таков. Я хоть и простой солдат, а все же обидно.

- Куда же он побежал, Розенбум?

- Осмелюсь доложить, побежал к старой корабельной верфи - Ты поможешь мне разыскать его, Розенбум, - сказал Бронзовый. - Идем скорее. Нельзя терять ни минуты. Еще до восхода солнца я должен вернуться на свою тумбу. С тех пор как я стал памятником, я могу ходить только ночью. Идем же, Розенбум!

Деревянный жалобно заскрипел всем своим телом.

- Всеподданнейше ходатайствую перед вашим величеством об оставлении меня на месте. Хотя

краска кое-где еще держится на мне, но внутри я весь прогнил.

Бронзовый позеленел от злости.

- Что! Бунтовать? - загрохотал он и, размахнувшись, ударил Розенбума палкой по спине.

Щепки так и полетели во все стороны.

- Эй, не дури, Розенбум! Смотри, хуже будет.

- Так точно, хуже будет, - скрипнул Розенбум и замаршировал на месте, чтобы размять свои деревянные ноги.

- Шагом марш! За мной! - скомандовал бронзовый король и затопал по улице.

А за ним, потрескивая и поскрипывая, двинулся деревянный солдат.

Так шествовали они через весь город, до самой корабельной верфи: Бронзовый - впереди, Деревянный - позади, а Нильс - у Деревянного па голове.

У высоких ворот они остановились. Бронзовый легонько ударил по огромному висячему замку. Замок разлетелся на мелкие кусочки, и ворота с лязгом открылись.

Сквозь щелочку в шляпе Нильс увидел старую верфь. Это было настоящее корабельное кладбище. Старые, допотопные суда с пробоинами в раздутых боках лежали здесь, как выброшенные на сушу рыбы. На почерневших от времени стапелях застряли потрепанные бурей шхуны с обвисшими рваными парусами, с перепутавшимися, точно паутина, снастями. Повсюду валялись ржавые якоря, бухты полуистлевших канатов, покореженные листы корабельного железа.

У Нильса даже глаза разгорелись - так много тут было интересного. А ведь он видел только то, что было справа, потому что в шляпе, под которой он сидел, с левой стороны не было ни одной щелочки.

- Послушай, Розенбум, мы же не найдем его здесь! - сказал Бронзовый.

- Так точно, ваше величество, не найдем, - сказал Деревянный.

- Но мы должны его найти, Розенбум, - загремел Бронзовый. - Так точно, должны, - проскрипел Деревянный.

И они двинулись по шатким мосткам. От каждого их шага мостки вздрагивали, трещали и прогибались.

По пути Бронзовый переворачивал вверх дном каждую лодку, сокрушал корабельные мачты, с грохотом разбивая старые ящики. Но нигде - ни под лодками, ни в ящиках, ни под мостками, ни на мачтах - он не мог найти дерзкого мальчишку. И немудрено, потому что мальчишка этот преспокойно сидел под шляпой на голове старого солдата Розенбума.

Вдруг Бронзовый остановился.

- Розенбум, узнаешь ли ты этот корабль? - воскликнул он и вытянул руку.

Розенбум повернулся всем корпусом направо, и Нильс увидел какое-то огромное корыто, обшитое по краям ржавым железом.

- Узнаешь ли ты этот славный корабль, Розенбум? Посмотри, какая благородная линия кормы! Как гордо поставлен нос! Даже сейчас видно, что это был королевский фрегат. А помнишь, Розенбум, как славно палили на нем пушки, когда я ступал на его палубу?

Бронзовый замолчал, мечтательно глядя на старый, развалившийся корабль с развороченным

носом и разбитой кормой.

- Да, много он видел на своем веку, мой старый боевой товарищ, - сказал Бронзовый. - А теперь он лежит здесь, как простая баржа, всеми заброшенный и забытый, и никто не знает, что сам король ходил когда-то по его палубе.

Бронзовый тяжело вздохнул.

Слезы, большие, круглые, как пули, медленно потекли из его бронзовых глаз.

И вдруг он стукнул палкой, выпрямился, колесом выпятил грудь.

- Шапки долой, Розенбум! Мы должны отдать последний долг свидетелю нашей былой славы. - И широким величественным движением руки Бронзовый снял свою треуголку. - Честь и слава погибшим! Ура! - громовым голосом закричал он.

- Урр-ра! - закричал Деревянный и сорвал с головы свою шляпу.

- Урр-ра! - закричал вместе с ними Нильс и притопнул ногой на голове у Розенбума.

Прокричав троекратное «ура!», Бронзовый с легким звоном надел свою треуголку и повернулся.

И тут его бронзовое лицо потемнело так, что стало похоже на чугунное.

- Розенбум! Что у тебя на голове? - зловещим шепотом проговорил он.

А на голове у Розенбума стоял Нильс и, весело приплясывая, махал Бронзовому рукой.

От ярости слова застряли у Бронзового в горле, и он только задвигал челюстями, силясь что-то сказать. Впрочем, он мог разговаривать и без слов - ведь у него была хорошая бронзовая дубинка. Ее-то он и пустил в ход.

Страшный удар обрушился на голову Деревянного. Из треснувшего лба взвился целый столб пыли и трухи. Ноги у Деревянного подкосились, и он рухнул на землю.

Когда все затихло, Нильс осторожно вылез из-под груды щепок. Бронзового и след простыл, а на востоке из-за леса мачт вырывались красные лучи восходящего солнца.

Нильс с грустью посмотрел на кучу обломков - это было все, что осталось от Деревянного.

«Да, не промахнись его величество, и моим бы косточкам тут лежать, - подумал Нильс. - Бедный Розенбум! Если бы не я, проскрипел бы ты, наверное, еще годик-другой.»

Нильс бережно собрал разлетевшиеся во все стороны щепки и сложил их вместе ровной горкой.

Построив памятник своему погибшему товарищу, Нильс побежал к воротам.

«Не опоздать бы мне! - с беспокойством думал он, поглядывая на светлевшее небо. - Пока я разыщу ратушу, солнце, пожалуй, совсем взойдет. А вдруг Мартин и в самом деле улетит без меня?»

Он выскочил за ворота и побежал по улицам, стараясь припомнить, где он плутал ночью. Но утренний свет все изменил, все выглядело теперь по-иному, и Нильс ничего но узнавал. Он свернул в один переулок, в другой и, сам того не ожидая, выбежал прямо к ратуше.

Не успел он отдышаться, как перед ним уже стоял Мартин.

- Ну, сегодня ты молодец. Послушался меня, далеко не ходил, - похвалил его Мартин.

Нильс ничего не ответил. Он не хотел огорчать своего друга.

Когда стая пролетала над площадью, Нильс посмотрел вниз.

На высокой каменной тумбе стоял Бронзовый. Видно было, что он очень торопился и поспел на место в самую последнюю минуту. Камзол его был расстегнут, треуголка сбилась на затылок, а палка торчала под мышкой.

- Прощайте, ваше бронзовое величество! - крикнул Нильс.

Но Бронзовый молчал.

Может быть, он не слышал, а если и слышал, все равно ничего не мог сказать.

Ночь прошла. Начался новый день.

Глава 10. Подводный город

Стая Акки Кебнекайсе летела над прибрежной полосой, там, где земля встречается с морем.

Давно уже в этих местах между землей и морем шел нескончаемый спор.

Вдали от берега у земли только и было забот, что о картофеле, об овсе и о репе. Про море она и не думала.

И вдруг узкий длинный залив, как ножом, разрезал землю.

Земля отгородилась от него березой и ольхой и снова занялась своими обычными делами.

Но вот еще один залив рассек землю.

Земля и на этот раз окружила его деревьями, словно это был не морской залив, а обыкновенное пресное озеро.

А заливы бороздили уже весь берег. Они ширились, они вторгались в самую середину лесов и полей, дробили землю на мелкие кусочки.

Море хотело захватить землю.

Земля хотела оттеснить море.

Земля подбиралась к морю отлогими зелеными холмами.

Но море выбрасывало ей навстречу песок и складывало у берега сыпучие горы.

- Не пущу! - говорило море.

- Не сдамся! - говорила земля.

И она поднималась перед морем отвесной скалистой стеной.

Тогда море начинало яростно биться. Оно шумело и пенилось, оно кидалось на утесы так, словно хотело растерзать на части всю землю.

Но земля пускалась на хитрость. Она выставляла заслон из множества островов - шхер. Они держались крепко, как солдаты в строю. В первой шеренге стояли самые заслуженные старые бойцы. На них давно и травинки не осталось: свирепые волны срывали с них даже водоросли - из пены поднимались только камни, источенные глубокими морщинами.

Море перекатывалось через них, шло на приступ дальше. Но все новые и новые защитники вставали на его пути. И море билось с ними, постепенно истощая свою ярость, А когда добиралось наконец до земли, у него уже не было сил, и оно мирно плескалось у зеленых островков.

Здесь, на этих поросших травой шхерах, стая Акки Кебнекайсе в последний раз отдыхала перед самым большим перелетом.

Дорога всех птичьих стай шла дальше над открытым морем.

Нильс сидел на своем белокрылом коне и вертел головой во все стороны. В воздухе было шумно, как на большой проезжей дороге в ярмарочный день.

Никогда в жизни не видел Нильс столько птиц сразу. Тут были черно-белые казарки, и пестрокрылые утки, и крохали, и кулики, и кайры, и гагары. Они кричали, гоготали, чирикали, щебетали, свистели на все голоса. Они перекликались, переговаривались, старые знакомые приветствовали друг друга, а новички то и дело спрашивали:

- Скоро ли мы прилетим?

- Уж не сбились ли мы с пути?

- Сколько же можно лететь без отдыха?

Но вожаки уверенно вели свои стаи все дальше и дальше.

Берег и шхеры были уже совсем не видны.

Нильс взглянул вниз и - удивительное дело! - ему показалось, что ничего больше не было - ни земли, ни моря. И где-то там, под ними, тоже летели птичьи стаи, тоже проносились, обгоняя друг друга, легкие облака.

Неужели они летят так высоко, что, кроме неба, ничего уже пет?

Нильс посмотрел вверх, потом опять вниз и увидел, что там, внизу, птицы летят как-то странно, запрокинувшись на спины.

Да ведь там море! Спокойное, гладкое, как огромное зеркало, прозрачное море.

И небо - со всеми облаками, с перелетными стаями - отражается в нем так ясно, что самое море кажется небом.

День для перелета над морем был как нельзя лучше. Легкий ветер разгонял облака, словно расчищая птицам дорогу.

Только на западе нависла какая-то темная туча, и края ее почти касались самой воды.

Акка Кебнекайсе давно поглядывала на эту тучу, - туча ей не нравилась.

И недаром! Ветер уже не помогал птицам. Он набрасывался на них и резкими толчками норовил разметать во все стороны их ровный строй.

Начиналась буря. Небо почернело. Волны с ревом наскакивали друг на друга.

- Лететь назад, к берегу! - крикнула Акка Кебнекайсе.

Она знала, что такую бурю лучше переждать на суше.

Трижды пытались гуси повернуть к берегу, и трижды напористый ветер поворачивал их к морю.

Тогда Акка решила спуститься на воду. Она боялась, что ветер занесет их в такую даль, откуда даже ей не найти дороги в Лапландию. А волны были не так страшны, как ветер.

Крепко прижав крылья к бокам, чтобы вода не пробралась под перья, гуси качались на волнах, точно поплавки.

Им было вовсе не так уж плохо. Только Нильс продрог и промок до нитки. Холодные волны тяжело перекатывались через него, словно хотели оторвать от Мартина. Но Нильс крепко, обеими руками, вцепился в Мартинову шею Ему было и страшно и весело, когда они скатывались с крутых волн, а потом разом взлетали на пенистый гребень. Вверх - вниз! Вверх - вниз! Вверх - вниз!

Сухопутные птицы, занесенные ветром в открытое море, с завистью смотрели, как легко пляшут гуси на волнах.

- Счастливые! - кричали они. - Волны спасут вас! Ах, если бы и мы умели плавать!

Но все-таки волны были ненадежным убежищем. От долгой качки на волнах гусей стало клонить ко сну. То один гусь, то другой засовывал клюв под крыло.

Правда, мудрая Акка никому не давала спать.

- Проснитесь! - кричала она. - Проснитесь! Кто заснет - отобьется от стаи, кто отобьется от стаи - погибнет.

Услышав голос Акки, гуси встряхивались, но через минуту сон снова одолевал их.

Скоро даже сама Акка Кебнекайсе не в силах была побороть дремоту. Все реже и реже раздавался над водой ее голос.

И вдруг из волны совсем рядом с Аккой высунулись какие-то зубастые морды.

- Тюлени! Тюлени! Тюлени! - пронзительно закричала Акка и взлетела, шумно хлопая крыльями.

Сонные гуси, разбуженные ее криком, нехотя поднялись над водой, а того, кто заснул слишком крепко, Акка будила ударом клюва. Медлить было нельзя - тюлени окружали их со всех сторон. Еще минута - и многие гуси сложили бы здесь свои головы.

И вот снова стая в воздухе, снова гуси борются с ветром. Ветру и самому пора бы отдохнуть, но он не давал покоя ни себе, ни другим. Он подхватил гусей, закружил и понес в открытое море.

Объятые страхом перед наступающей ночью, гуси летели сами не зная куда. Тьма быстро сгущалась. Гуси едва видели друг друга, едва слышали слабый крик, которым сзывала их старая Акка.

Нильсу казалось, что волны не могут грохотать громче, что тьма вокруг не может быть чернее. И все-таки в какую-то минуту шум и свист внизу стал еще сильнее, а из тьмы выступило что-то еще чернее, чем небо.

Это была скала, словно вынырнувшая со дна моря. Волны так и кипели у ее подножия, со

скрежетом перекатывая каменные глыбы.

Неужели Акка не видит опасности? Вот сейчас они разобьются!

Но Акка видела больше, чем все другие. Она разглядела в скале пещеру и под ее каменные своды привела гусей.

Не выбирая места, гуси повалились на землю и тотчас заснули мертвым сном.

И Нильс заснул - прямо на шее у Мартина, не успев даже залезть к нему под крыло.

Нильс проснулся оттого, что лунный свет бил ему прямо в глаза. Луна, словно нарочно, остановилась у входа в пещеру, чтобы разбудить Нильса. Конечно, можно было забраться под крыло Мартина и еще поспать, но для этого пришлось бы потревожить верного друга. Нильс пожалел Мартина - очень уж тот уютно прикорнул между двумя камнями. Должно быть, совсем измучился, бедняга.

Тихонько вздохнув, Нильс вышел из пещеры.

Чуть только он обогнул выступ скалы, как перед ним открылось море. Оно лежало такое мирное и спокойное, точно бури никогда не бывало.

Чтобы как-нибудь скоротать время до утра, Нильс набрал на берегу полную пригоршню плоских камешков и стал бросать их в море. Да не просто бросать, а так, чтобы они мячиком прыгали по лунной дорожке.

- Три.., пять.., семь.., десять, - считал Нильс каждый удар камешка о воду. - Хорошо бы до самой луны добросить! Только вот камня подходящего нет. Нужен совсем-совсем плоский.

И вдруг Нильс вспомнил: монетка! У него ведь есть воронья монетка! Деревянному он так и не успел ее отдать.

Вот теперь она все-таки сослужит Нильсу службу.

Нильс вытащил из кармана монетку, повертел ее в пальцах, занес руку назад, выставил ногу вперед и бросил монетку.

Но монетка упала, не долетев до воды, закружилась, зашаталась из стороны в сторону и легла на мокрый песок. Нильс бросился за ней вдогонку. Он уже протянул за монеткой руку, да так и застыл на месте.

Что это? Что случилось?

Море исчезло. Прямо перед Нильсом возвышалась глухая каменная стена.

Нильс задрал голову. Стена была такая высокая, что закрывала чуть ли не полнеба. Верхний край ее кончался зубцами, и было видно, как в просветах между ними шагал часовой в блестящем шлеме, с копьем в руках «Может, я все-таки сплю?» - подумал Нильс Он крепко-накрепко зажмурил глаза и быстро открыл их Стена по-прежнему стояла перед ним. Самая настоящая стена, сложенная из крупных необтесанных камней. Невдалеке между двумя круглыми башнями Нильс увидел ворота. Тяжелые кованые створки их были наглухо закрыты. Но чуть только Нильс подошел поближе, ржавые петли заскрежетали, заскрипели, и ворота медленно раскрылись, как будто приглашая Нильса войти.

И Нильс вошел. Под низкими каменными сводами сидели стражники, вооруженные топориками на длинных древках, и играли в кости Они были так заняты игрой, что даже не заметили, как Нильс проскользнул мимо них. Сразу за воротами была большая площадь, а от площади во все стороны расходились улицы. В городе, наверное, был праздник. Повсюду развевались пестрые флаги,

весело горели цветные фонарики. Да и народ на улицах тоже был разодет по-праздничному: мужчины в длинных бархатных кафтанах с меховой опушкой, в шапочках, украшенных перьями; женщины - в расшитых серебром и золотом платьях и в кружевных чепчиках с бантами, торчащими на голове, как бабочки.

Таких богатых нарядов Нильс никогда не видел, разве что на картинках в старой дедовской книге, которую мать давала Нильсу рассматривать только по воскресеньям.

Но странное дело: хотя по всему было ясно, что в городе праздник, никто не смеялся, не пел, не шутил. Лица у людей были печальные и встревоженные, и все молча с беспокойством посматривали вверх.

Нильс тоже посмотрел вверх.

Высоко над всеми крышами поднималась четырехугольная башня. В каменную стену ее были вделаны часы. Огромным круглым глазом они смотрели вниз, на город.

«Вот хорошо, что тут часы есть! - подумал Нильс. - Погуляю часок и вернусь назад».

И он весело зашагал по улицам.

Никто не обращал внимания на Нильса. Не так-то легко было разглядеть его в толпе. Он свободно бегал по городу, рассматривал дома, заглядывал во дворы.

И отовсюду, куда бы он ни пошел, он видел часы на башне.

На одной из улочек возле каждого крыльца сидели нарядные женщины и молча пряли золотую пряжу. Время от времени они тяжело вздыхали и посматривали на башенные часы.

«Наверное, устали всю ночь работать», - подумал Нильс и свернул в другую улицу.

Тут тоже шла работа. По всей улице разносился звон и лязг металла - это оружейных дел мастера ковали кинжалы и мечи.

Изредка они отрывались от работы, чтобы отереть рукавом пот со лба и украдкой взглянуть на часы.

На третьей улице башмачники шили сафьяновые сапоги и туфли с меховой опушкой, на четвертой - кружевницы плели кружева, на пятой - гранильщики шлифовали блестящие разноцветные камни.

И все работали молча, только изредка поднимая головы, чтобы поглядеть на башенные часы.

Долго бегал Нильс по городу, пока не выбежал на большую, просторную улицу.

По обеим сторонам ее тянулись лавки. Двери их были широко открыты, полки завалены товаром, но торговля шла не очень-то бойко.

Купцы уныло сидели за своими стойками, не обращая внимания на редких покупателей. А те, даже не глядя на разложенные товары, о чем-то тихо спрашивали купцов и, тяжело вздыхая, выходили из лавки, так ничего и не купив.

«Наверное, приценивались. Да, видно, не по карману товар», - подумал Нильс.

Перед одной лавкой Нильс остановился и долго стоял как вкопанный.

Это была оружейная лавка.

Целое войско можно было снарядить здесь в поход.

Тут были кованые мечи в золотой и серебряной оправе и тонкие, как спицы, шпаги. Тут были сабли всех образцов - прямые и изогнутые, в ножнах и без ножен. Тут были палаши, тесаки, кинжалы -

маленькие и большие, с рукоятками из кости и дерева, из золота и серебра. Тут были тяжелые щиты, разукрашенные гривастыми львами и семиглавыми драконами. А в глубине лавки, в углу, высился целый лес остроконечных копий, громоздились рыцарские доспехи - латы, кольчуги, шлемы.

И все оружие - совсем новенькое, еще не потемневшее в боях и на рыцарских турнирах! Оно так и горело, так и сверкало!

«А что, если войти? - подумал Нильс. - Может, никто не заметит меня. А если заметит, я скажу, что хочу купить что-нибудь.»

Но Нильс хорошо помнил, как торговцы на ярмарках гоняли мальчишек, которые попусту глазели на товары, щупали их, долго выбирали, торговались, а потом удирали, ничего не купив. Одного мальчишку из их деревни даже поймали и отодрали за уши, чтобы другим было неповадно. Это на простой-то ярмарке! А уж тут и подавно выдерут.

Нильс долго топтался возле лавки - то подойдет к двери, то отойдет, то снова подойдет.

«Что бы такое придумать? - размышлял Нильс. - Ага, знаю! Скажу, что мне меч нужен. А такого, чтобы мне по росту был, и не найдется. Тогда я скажу: простите, мол, за беспокойство! - и уйду».

Нильс набрался духу и шмыгнул в лавку.

Около стойки в кресле с высокой резной спинкой сидел бородатый купец и не отрываясь смотрел в окно.

Он смотрел на башенные часы.

Яркая луна, висевшая в небе точно фонарь, освещала огромный часовой круг и черные стрелки, ползущие по нему медленно и неуклонно.

Нильс незаметно проскользнул мимо купца и, крадучись, пошел вдоль стены, сверху донизу увешанной оружием.

Глаза у него так и разбегались во все стороны. Он не знал, на что раньше смотреть.

Особенно понравился Нильсу один кинжал. Кинжал был совсем небольшой, пожалуй, всего только вдвое больше Нильса. По рукоятке его вилась серебряная змейка. И висел кинжал не так уж высоко - над самой стойкой.

Нильс украдкой взглянул на купца - тот по-прежнему сидел на своем кресле и неподвижно смотрел в окно. Тогда Нильс расхрабрился. По ящикам, сваленным у стены, он взобрался на стойку и обеими руками схватил кинжал. Схватить-то схватил, а удержать не смог. С глухим звоном кинжал упал на пол.

Нильс весь похолодел. Он хотел укрыться за ящиками, но было уже поздно. Купец оглянулся на стук и, с грохотом отшвырнув кресло, бросился к Нильсу.

Бежать было некуда. Нильс сжал в кармане ножичек - единственное свое оружие - и приготовился защищаться.

Но купец вовсе не собирался нападать. Он смотрел на Нильса добрыми глазами и быстро-быстро говорил на каком-то непонятном языке. По всему было видно, что он даже рад Нильсу.

Он торопливо срывал со стены мечи, щиты, кинжалы и, низко кланяясь Нильсу, - то ли от услужливости, то ли оттого, что Нильс был очень уж мал, - выкладывал перед ним свои сокровища.

Одним рывком он выхватывал из ножен шпаги и сабли, долго размахивал ими перед самым носом перепуганного Нильса, а потом, припав на правую ногу, делал вдруг смелый выпад и насквозь

протыкал невидимого врага.

Он надевал на себя разные шлемы и, присев перед Нильсом на корточки, вертел головой, чтобы Нильс мог рассмотреть хорошенько и узорчатый гребень, и забрало, и пышные перья.

А под конец он даже вырвал из своей бороды волосок и, подбросив его, перерубил в воздухе огромным мечом.

От всех этих упражнений в лавке стоял свист и лязг, а на стенах, на потолке, на прилавке прыгали и плясали лунные зайчики.

В это время из других лавок тоже прибежали купцы. Они тащили с собой все, что было у них самого лучшего: пеструю парчу, ковры, ожерелья, кубки, связки сапог.

Они сваливали все это около Нильса и, показывая друг другу на часы, торопливо бежали за новыми товарами.

«Куда это они так торопятся? И почему все смотрят на часы?» - подумал Нильс и сам посмотрел на часы.

С тех пор как он вошел в город, стрелка уже обежала почти полный круг.

«Пора мне возвращаться, - спохватился Нильс, - а то гуси проснутся, искать меня будут».

Но не так-то легко было уйти от назойливых купцов.

- У меня же денег нет! Понимаете, нет денег, - пытался он объяснить купцам.

Но те ничего не понимали.

Они умоляюще смотрели на Нильса и поднимали почему-то один палец. А хозяин оружейной лавки вытащил из кассы маленькую монетку и тыкал пальцем то на нее, то на груду добра, сваленного около Нильса, точно хотел сказать, что все это он отдаст за одну маленькую монетку!

«Вот чудаки! - подумал Нильс. - Тут мешком золота не расплатиться, а они одну только монетку спрашивают. Да ведь у меня есть монетка! - обрадовался он и стал шарить у себя в карманах. - Где же она? Ах ты, досада какая! Ведь она на берегу осталась».

- Подождите минутку! - крикнул Нильс и, юркнув между ворохом материй, ковров и еще чего-то, пустился бежать по улице, через площадь, за ворота.

Он сразу нашел свою монетку. Она лежала на прежнем месте, у самой стены. Нильс схватил ее и, крепко зажав в кулаке, бросился назад к воротам.

Но ворот уже не было. И стены не было. И города не было.

Перед ним по-прежнему лежало спокойное море, и тихие волны едва слышно шуршали о прибрежные камни.

Нильс не знал, что и думать.

- Ну, это уж совсем не дело - то есть город, то нет города Ничего не поймешь!

И вдруг за спиной его раздался крик:

- Вот он где! Здесь он!

Нильс обернулся. Из-за выступа скалы показался Мартин, а за ним вся стая Акки Кебнекайсе. Мартин был очень зол.

- Ты куда же это убежал? - шипел он. - Дождешься, что тебя опять кто-нибудь утащит. Прямо хоть

привязывай тебя по ночам. Ну, чего ты здесь не видел?

- Ты лучше спроси, что я здесь видел, - сказал Нильс.

- Ну а что видел? - буркнул Мартин.

- Город видел, с башнями, с красивыми домами. А народу там сколько! И все ходят в бархате и в шелках - один наряднее другого. А лавки какие там богатые! Таких товаров у нас даже на ярмарке новогодней не увидишь. И все прямо за бесценок идет. Сказать, так не поверишь. Я вот за одну эту монетку всю лавку чуть не купил - со стойкой и даже с купцом.

И Нильс показал Мартину маленькую серебряную монетку.

- Так что же ты не купил? Не сторговался, что ли? - насмешливо спросил Мартин.

- Какое там не сторговался! - воскликнул Нильс. - От купцов отбою не было. Да я, как назло, монетку обронил. А пока бегал искал - город точно под воду провалился. Вот досада-то!

Тут Мартин и все гуси не выдержали и дружно загоготали.

- Что вы смеетесь? - чуть не заплакал от обиды Нильс. - Я ведь не вру, я в самом деле был в этом городе, Я все могу рассказать, - какие там дома, какие улицы.

Но гуси не слушали его и дружно гоготали.

- Замолчите! - раздался вдруг голос Акки Кебнекайсе. - Мальчик говорит правду.

Гуси с удивлением посмотрели на нее.

- Да, да, - сказала Акка, - мальчик говорит правду. Вы еще молоды и неопытны, вы не знаете, что когда-то, много-много лет назад, путь в Лапландию лежал через этот остров. И на острове этом был тогда город. Еще моя прабабка рассказывала моей бабке, а бабка рассказывала мне, а теперь я расскажу вам об этом чудесном городе. Слушайте же меня. И старая Акка рассказала им вот какую историю.

Давным-давно, может быть, тысячу лет назад, а может быть, и две тысячи, остров, на который буря занесла гусей, не был таким пустынным и диким. На берегу его стоял богатый и прекрасный город Винетта.

Во всем мире не было ткачей искуснее, чем в Винетте; никто не умел делать такие красивые кубки и кинжалы, как мастера Винетты; никто не умел плести такие тонкие кружева, как кружевницы из Винетты.

Каждый день одни корабли, нагруженные богатыми товарами, отчаливали от пристани, а другие корабли, нагруженные золотом и серебром, возвращались из далеких плаваний.

Со всеми городами, какие только ни есть на свете, торговали жители Винетты Их корабли плавали по всем морям и во всех гаванях находили приют и отдых.

Но никогда ни один чужой корабль не бросал якорь в гавани Винетты. Никто даже не знал, где находится этот город. Никому не открывали жители Винетты дороги к своему острову.

Чем больше богатели они, тем больше боялись за свои богатства. Недаром издавна люди говорят: богатому не спится, богатый вора боится. Так и жители Винетты. Плохо спали они по ночам. От зари до зари по городу ходили сторожа с топориками на плечах и с колотушками в руках. На всех дверях висели тяжелые замки. Злые собаки охраняли лавки и склады.

Чужих приезжих людей жители Винетты боялись больше всего. Кто его знает, чужого человека, какие у него мысли! Может, он разбойник, вор? Может, только и высматривает, как проникнуть в

заветные кладовые?

И они топили корабли, случайно приближавшиеся к их острову, убивали чужестранцев, которых буря выбрасывала на их берег. Даже птиц, пролетавших мимо, они подстреливали, чтобы те не разнесли по свету, где находится город Винетта.

Много диких гусей сложило здесь свои головы в те недобрые времена.

Скоро море в этих местах стало совсем пустынным и безмолвным. Моряки обходили остров стороной, голоса птиц никогда уже не раздавались над ним, рыба стаями уходила к другим берегам. Не понравилось это морскому царю.

- Это что ж такое! Кто здесь настоящий хозяин?! - разбушевался морской царь. - Не хотят, чтобы видели их город, так ладно же, никто больше его не увидит. Эй, волны! На приступ!

И вот море двинулось на город.

Страх и смятение охватило жителей.

Чтобы защититься от моря, они стали строить стену. Чем выше поднималась вода, тем выше росла стена. Быстро работали жители Винетты, громоздя камень на камень, но, как ни спешили они, море все-таки их обогнало. Оно ринулось через край стены, заливая все улицы, дома, площади.

Но жители Винетты и под водой работают дни и ночи напролет. Склады и лавки их по-прежнему ломятся от товаров, только торговать-то теперь им не с кем.

Лишь однажды в столетие, ровно на один час, этот город всплывает со дна моря. И если какой-нибудь чужестранец в этот час войдет в Винетту и хоть что-нибудь купит, город получит прощение и останется на земле. Но если стрелка башенных часов опишет полный круг, а покупателя не найдется, город снова опустится на дно моря и будет стоять там еще сто лет - Я слышала эту историю от своей бабки, - сказала Акка, - а вы расскажите ее вашим внукам.

Глава 11. В медвежьей берлоге

Резкий холодный ветер дул весь день напролет. Он бросался на стаю Акки Кебнекайсе то справа, то слева, то сзади, то спереди. Но гуси летели своей дорогой, взмахивая крыльями так же мерно, как всегда.

Не обращал внимания на ветер и Нильс. Давно прошли те времена, когда он, чуть что, вцеплялся всеми пальцами в перья Мартина. Теперь он как ни в чем не бывало сидел верхом на шее белого гуся, да еще болтал ногами, словно сидел верхом на заборе у себя во дворе.

Но ветер не сдавался. Разозлившись, что никто его не боится, он ринулся на гусей с такой силой, что в один миг разметал их ровный треугольник.

Не удержался на своем крылатом коне и Нильс. Счастье, что он был таким маленьким и легким. Нильс падал, как сухой лист, как клочок бумаги. Его кружило и переворачивало то вверх ногами, то вниз головой. Вот-вот он ударится о землю. Но земля словно расступилась под ним.

Говорят, ниже земли не упадешь. А Нильс упал. «Где же это я?» - подумал он, вставая на ноги. Кругом было темно, точно ночью. Потом глаза Нильса привыкли к темноте. Он увидел под ногами обнаженные корни деревьев, а над головой - клочок неба. Нильс понял, что свалился в какую-то глубокую яму.

Позади него что-то ворочалось, сопело, пыхтело. Нильс обернулся и увидел какую-то глыбу,

поросшую длинным коричневым мохом. Вот она зашевелилась, приподнялась. В темноте сверкнули два огонька. Медведица! Лохматая бурая медведица! Ну, теперь-то ему уж несдобровать! А медведица подняла лапу и словно шутя дотронулась до Нильса.

Чуть дотронулась, - и Нильс уже лежал на земле. Медведица, переваливаясь, обошла вокруг Нильса, обнюхала его, перевернула с боку на бок.

Потом она села на задние лапы и, подцепив Нильса за рубашку, поднесла к самой морде. Она собиралась только получше разглядеть, что за непонятное существо так нежданно-негаданно откуда-то с неба свалилось в берлогу. А Нильс решил - вот сейчас, сию минуту, медведица проглотит его.

Нильс хотел крикнуть, но крик застрял у него в горле. Никогда в жизни ему не было так страшно.

Но медведица осторожно положила Нильса на землю и, повернув голову, позвала кого-то ласковым голосом:

- Мурре! Брумме! Идите сюда! Я тут кое-что нашла для вас.

Из темного угла выкатились два медвежонка. Это были совсем маленькие медвежата. Они даже на ногах держались еще нетвердо, а шерсть у них была пушистая и мягкая, как у только что родившихся щенят.

- Что, что ты нашла для нас, мурлила? Это вкусно? Это нам на ужин? - заговорили разом Мурре и Брумме.

Медведица мордой подтолкнула несчастного Нильса к своим детенышам.

Мурре подскочил первым. Не долго думая, он схватил Нильса зубами за шиворот и уволок его в угол. Но Брумме тоже не зевал. Он бросился на брата, чтобы отнять у него Нильса. Оба медвежонка принялись тузить друг друга. Они катались, барахтались, кусались, пыхтели и рычали.

А Нильс тем временем выскользнул из-под медвежат и начал карабкаться по стене ямы.

- Смотри, удерет! - закричал Брумме, которому уже изрядно досталось от брата.

Мурре на минуту остановился. Потом отвесил Брумме последнюю пощечину и полез за Нильсом. В два счета он догнал его и, подняв лапу, бросил вниз, словно еловую шишку.

Теперь Нильс угодил прямо в когти Брумме. Правда, ненадолго. Мурре налетел на брата и опять отбил у него Нильса. Брумме, конечно, не стерпел и принялся дубасить Мурре. А Мурре тоже за себя умел постоять - и дал Брумме сдачу.

Нильсу-то было все равно - у Брумме он в лапах или у Мурре. И так, и этак плохо Лучше всего и от того и от другого поскорее избавиться. И пока братья дрались, Нильс снова полез вверх.

Но каждый раз это кончалось одним и тем же. Мурре и Брумме догоняли его

- и все начиналось сначала Скоро Нильс так устал, что не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой.

«Будь что будет!» - подумал он и лег посреди берлоги.

Медвежата подталкивали его лапами и кричали:

- Беги, беги! А мы будем тебя догонять!

- Не побегу! Шагу больше не сделаю! - сказал Нильс. Мурре и Брумме очень удивились.

- Мурлила! Мурлила! - закричали они. - Он больше но хочет с нами играть!

- Не хочет играть? - сказала медведица и подошла поближе.

Она посмотрела на Нильса, обнюхала его и сказала:

- Эх, дети, дети! Какая уж тут игра! Вы его совсем замучили. Дайте ему отдохнуть. Да вам и самим пора спать. Уже поздно.

Медведица улеглась. Около нее прикорнули усталые Мурре и Брумме. Нильса они положили между собой.

Нильс старался не шевелиться. Он ждал, чтобы все медвежье семейство заснуло. Вот тогда-то он непременно удерет из берлоги. Хватит с него, наигрался с медвежатами!

Медведица и ее сыновья и в самом деле скоро заснули.

В темной берлоге послышался храп на разные голоса. Медведица храпела громко, раскатисто, точно в горле у нее перекатывались камни. Присвистывая храпел Мурре, причмокивая храпел Брумме.

Они храпели так заразительно, что глаза у Нильса закрылись сами собой и он тоже заснул.

Проснулся Нильс оттого, что со стен берлоги посыпались камешки и земля. Кто-то большой и тяжелый спускался в яму.

Нильс просунул голову между лапами Брумме и Мурре. На далеком небе взошла луна. Лунный свет проник в берлогу. И прямо в пятне лунного света Нильс увидел медведя. Он был огромный. Лапы - толстые, каждая как пень. Глазки маленькие, злые. Из открытой красной пасти торчат два острых белых клыка.

- Здесь пахнет человеком! - заревел медведь.

- Глупости! - проворчала медведица. - Откуда тут взяться человеку? Ложись спать, а то разбудишь детей.

Медведь еще раз потянул носом, покачал лохматой головой и грузно опустился на землю.

Нильс поспешил спрятаться между медвежатами. И надо же такому случиться! Какая-то шерстинка - не то от шубы Мурре, не то от шубы Брумме - попала ему в нос. Нильс громко чихнул.

Хозяин берлоги вскочил и подбежал к своим детенышам. Один удар могучей лапы - и Мурре полетел вправо. Второй удар - Брумме откатился влево. А посредине остался лежать маленький Нильс Хольгерсон.

- Вот он! Вот он, человек! - зарычал медведь.

- Не трогай его! - крикнула медведица. - Не трогай! Мурре и Брумме так славно с ним играли. Они будут плакать, если ты его проглотишь. Да и какой это человек! В жизни своей не видела, чтобы человек был таким маленьким.

- А почему у него руки и ноги, как у человека? - сказал медведь. - Почему на нем вместо шерсти штаны и рубашка? Ну ладно, подождем до утра. Утром посмотрим, что с ним делать.

И медведь снова улегся. Опять стало тихо в берлоге.

Спали медведь и медведица, спали их детеныши - мохнатые медвежата Брумме и Мурре. Одному только Нильсу было не до сна.

«Вы-то можете ждать до утра, - думал он. - А мне ждать незачем. Если медведь не съест, так медвежата замучают насмерть!»

Медленно и осторожно он выбрался из-под медвежат и, цепляясь за траву и корни, полез вверх. То и дело он останавливался, оглядывался, прислушивался. Но медвежата мирно спали, и пока они видели во сне, как они играют с Нильсом, Нильс выбрался из ямы.

Кругом был густой лес, дерево к дереву, ствол к стволу. Куда идти? Как разыскать стаю? Далеко-то гуси улететь не могли. Нильс знал - ни Мартин, ни Акка его не бросят. Надо только подальше отойти от медвежьей берлоги.

Нильс посмотрел по сторонам. Налево деревья стоят как будто пореже. Может быть, там лес кончается? И Нильс пошел налево.

Он шел быстро, но осторожно - мало ли какие опасности подстерегают в лесу! На всякий случай он далеко обходил корни деревьев - ведь под корнями звери любят устраивать свои норы. А Нильсу вовсе не хотелось из медвежьих лап попасть в лапы куницы или волка.

Но обитатели леса крепко спали в этот глухой ночной час. Было совсем тихо. Только изредка поскрипывали ветки, словно ежась от ночной сырости, да где-то вверху время от времени раздавался легкий шорох. Верно, это какая-нибудь птица, отсидев во сне лапку, устраивалась поудобнее. Нильс совсем успокоился.

И вдруг он услышал какое-то шуршание и хруст. Так могли шуршать листья под лапами большого зверя. С таким хрустом могли ломаться сухие сучки, когда на них тяжело наступают. Медведь! Медведь проснулся и идет по его следу.

Нильс прижался к стволу ели.

Нет, это не медведь. У медведя не бывает рук и ног. Медведь не ходит в болотных сапогах. Это же человек! Даже двое людей! Они шли по лесной тропинке прямо к тому месту, где притаился Нильс. За плечами у каждого было ружье.

«Охотники! - подумал Нильс с тревогой. - Может, нашу стаю выследили.»

Почти у самой ели охотники остановились.

- Вот тут и устроим засаду, - сказал один. - Я их вчера неподалеку видел.

«Ну да, это они про гусей, - подумал Нильс и похолодел от страха. - Гуси, наверно, искали меня, кружили над лесом, а охотники их приметили.»

В это время охотник опять заговорил:

- У них берлога тут близко. Целое семейство в ней живет - медведь, медведица и двое медвежат.

Нильс так и открыл рот.

«Вот оно что! Они нашли моих медведей! Надо скорее предупредить медведей! Надо им все рассказать!»

На четвереньках, стараясь не высовываться из травы, Нильс отполз от ели, а потом бросился бежать назад, к берлоге.

Теперь он не думал ни о кунице, ни о волках. Он думал только о том, как бы поскорее добраться до

медвежьей берлоги. И бежал, бежал со всех ног.

У входа в берлогу он остановился и перевел дух. Потом наклонился. Заглянул в яму. Тихо. Темно.

Тут Нильс вспомнил про сердитого хозяина берлоги. Ведь если бы не медведица, он непременно съел бы Нильса. Ох, до чего же не хочется самому лезть в медвежью пасть!

На одну короткую минуту Нильс помедлил. Убежать? А что будет с веселыми медвежатами Мурре и Брумме? Неужели он позволит, чтобы охотники их убили? И их мурлилу, и даже их отца! Узнала бы Акка Кебнекайсе, что Нильс мог спасти медвежье семейство и струсил, очень бы рассердилась, разговаривать бы с ним не стала. Да и что сделает ему медведь? Сразу не проглотил, так теперь-то подавно и когтем не тронет.

И Нильс решительно стал спускаться в медвежью берлогу.

Медвежата спали, сбившись в клубок. Даже не разберешь, где Мурре, а где Брумме. Вот медведица. Храпит вовсю. А вот и хозяин берлоги.

Нильс подошел к самому его уху и крикнул:

- Проснись, медведь! Вставай! Медведь глухо зарычал и вскочил.

- Что? Кто?.. Кто смеет меня будить? А, это ты? Я же говорил, что тебя надо просто-напросто проглотить! И медведь широко раскрыл свою красную пасть. Но Нильс даже не отступил.

- Не спешите так, господин медведь, - храбро заговорил он. - Конечно, проглотить меня вам ничего не стоит. Только я вам не советую. У меня для вас важные новости.

Медведь присел на задние лапы.

- Ну, выкладывай, - проворчал он.

- В лесу охотники засели, - сказал Нильс. - Я слышал, они про медвежью берлогу говорили. Вас, наверное, подстерегают.

- Так, - сказал медведь. - Хорошо, что я тебя не съел. Буди скорее Мурре и Брумме! А жену я сам разбужу. Она со сна еще злее, чем я.

Он с трудом растолкал медведицу и сразу начал командовать:

- Живо собирайся! Досиделись, пока охотники не пришли. Я же давно говорил, что уходить надо. И пещеру присмотрел хорошую подальше в горах. А ты все свое: «Жаль покидать обжитое местечко. Подождем еще. Пусть дети подрастут!» Вот и дождались! Уж не знаю, как теперь ноги унесем.

Нильс и опомниться не успел, как медведь схватил его зубами за рубашку и полез из ямы. Медведица с медвежатами карабкалась за ними.

Это было настоящее бегство!

Кто выдумал, что медведь - неповоротливый? Медведь косолапый - это правда. И ходит он переваливаясь из стороны в сторону - это тоже правда. А неповоротливым его никак не назовешь.

Медведи бежали так быстро, что у Нильса все перед глазами мелькало.

Даже Брумме и Мурре не могли угнаться за своими родителями.

- Мурлила! Мурлила! Мы хотим отдохнуть! Мы все пятки себе отбили!

Пришлось медвежьему семейству сделать передышку. Нильс обрадовался этому еще больше, чем медвежата.

Ему совсем не улыбалось, чтобы медведь затащил его в свою новую берлогу.

- Господин медведь, - сказал он как можно вежливее, - я думаю, что я вам больше не нужен. Не обижайтесь на меня, но я бы хотел вас покинуть. Во что бы то ни стало мне надо найти стаю Акки Кебнекайсе.

- Стаю Акки Кебнекайсе? - удивился медведь. - А зачем тебе стая Акки Кебнекайсе? Постой, постой, я что-то припоминаю. Уж не тот ли ты Нильс, который путешествует с гусями?

- Да, меня зовут Нильсом Хольгерсоном, и я лечу с дикими гусями в Лапландию. Но вчера вечером ветер сбросил меня прямо к вам в берлогу, - ответил Нильс.

- Что же ты раньше не сказал? - заревел медведь. - Слыхал я о тебе, слыхал. Все белки и зайчата, все жаворонки и зяблики о тебе твердят. По всему лесу о тебе молва идет. А я-то тебя чуть не проглотил. Но как же ты найдешь своих гусей? Я бы помог тебе, да сам видишь, надо отвести семейство на новую квартиру. Ну, погоди, сейчас что-нибудь придумаю.

Думал он долго. Потом подошел к дереву и стал его трясти изо всех сил. Толстое дерево так и закачалось под его лапами.

Вверху среди веток зашевелилось что-то черное.

- Карр! Карр! - раздался скрипучий голос. - Кто трясет дерево? Кто мешает мне спать?

- Ага, я так и знал, что кто-нибудь там да ночует. Вот тебе и проводник будет, - сказал Нильсу медведь и, подняв голову, закричал:

- Эй, ворон, спускайся пониже! Мне с тобой поговорить надо.

Ворон слетел на нижнюю ветку и уставился на Нильса. И Нильс во все глаза смотрел на ворона. Это

был Фумле-Друмле, атаман шайки с Разбойничьей горы.

С кем с кем, а с Фумле-Друмле Нильсу меньше всего хотелось повстречаться. Он еще хорошо помнил его твердый клюв и острые когти.

- Здор-рово, пр-риятель! - закаркал ворон. - Вот ты где бродишь! А вчера гуси весь вечер-р-р кр-ружили над лесом. Вер-рно, тебя искали.

Нильс обрадовался.

- А сейчас они где? - спросил он.

- Что я им, стор-р-рож? - сказал Фумле-Друмле. - Др-р-рыхнут где-нибудь на болоте. А мне на болоте нечего делать. У меня от сырости кости болят.

- Ладно, хватит болтать! - прикрикнул на ворона медведь. - Помоги Нильсу отыскать стаю. Не то - не будь я медведем - и тебе, и всему твоему вороньему роду плохо придется.

Фумле-Друмле слетел на землю.

- Можешь меня не пугать, - сказал он медведю. - Мы с Нильсом старые друзья-приятели. Ну, как, отправились в путь?

- А ты не потащишь меня к своей шайке? - с опаской спросил Нильс.

- Да я с ней давно рассорился, - ответил ворон. - С того самого дня, как ты гостил на Разбойничьей горе. Они ведь тогда все монетки растащили, мне ни одной не оставили.

- Хочешь, я тебе дам? - спросил Нильс. - Ту самую, что ты подарил.

- Дай, дай, дай! - закричал ворон и закружился над Нильсом.

Нильс вытащил из кармана свою серебряную монетку.

Эту монетку он хотел отдать Деревянному, но Бронзовый ему помешал.

Эта монетка могла бы спасти подводный город, если бы Нильс ее не уронил.

Так пусть она теперь порадует хоть Фумле-Друмле!

А Фумле-Друмле и верно обрадовался.

Он выхватил монетку из рук Нильса и, шумно хлопая крыльями, исчез в густых ветках дерева.

«Удрал», - подумал Нильс.

Но Фумле-Друмле уже стоял перед ним. Монетки в клюве не было. Спрятал, должно быть, в дупле.

- В дор-р-огу! В дор-р-р-огу! - закаркал Фумле-Друмле. Нильс попрощался с медведями и подошел к ворону.

- Только не вздумай нести меня в клюве! Я привык верхом.

- Вер-р-рхом так вер-р-рхом, - каркнул ворон. Нильс уселся на шею Фумле-Друмле, и они полетели.

Дикие гуси в самом деле кружили весь вечер над лесом. Они высматривали и звали своего маленького друга, но Нильс не откликался. Только когда совсем стемнело, Акка Кебнекайсе со всей стаей опустилась на землю.

Заночевать гуси решили на краю болота за лесом.

Сколько возни всегда бывало, пока гуси улягутся. И поесть надо, и поговорить хочется.

А сегодня даже самые лучшие водоросли застревали в горле. И не до разговоров было. У всех одно на уме - где-то наш Нильс? Какая беда с ним стряслась?

Акка Кебнекайсе и Мартин заснули позже всех. Старая гусыня подсела к Мартину и, тихонько похлопав его крылом по крылу, сказала:

- Он многому научился за это время. Ничего дурною с ним не должно случиться. Спи, завтра опять полетим на поиски.

Но искать Нильса не пришлось.

Как только солнце разбудило гусей и они открыли глаза, поднялся такой радостный гогот, что все лягушки в болоте переполошились.

Да и как было гусям не радоваться! Нильс - целый и невредимый - лежал на своем месте, рядом с Мартином, и спал как ни в чем не бывало.

Глава 12. В плену

Путь близился к концу. В последний раз ночевали гуси как бездомные бродяги. Завтра они уже не будут спать где придется, они построят себе крепкие теплые гнезда и заживут по-семейному.

Первой в стае всегда просыпалась Акка Кебнекайсе. Но в этот день первым проснулся Мартин.

Он постучал клювом по своему крылу, под которым, свернувшись калачиком, спал Нильс, и крикнул:

- Эй ты, лежебока! Вставай!

Нильс вынырнул из-под крыла Мартина и вместе с ним обошел всех гусей.

Мартин легонько подталкивал по очереди каждого гуся, а Нильс кричал:

- Просыпайся! Просыпайся! Пора лететь. В Лапландии выспишься.

Очень уж и Мартину и Нильсу не терпелось поскорее увидеть эту самую Лапландию.

Через полчаса вся стая двинулась в путь.

То и дело гусей догоняли другие птичьи стаи. Все окликали гусей, приветствовали, приглашали к себе на новоселье.

- Как здоровье почтенной Акки Кебнекайсе? - кричали утки.

- Где вы остановитесь? Мы остановимся у Зеленого мыса! - кричали кулики.

- Покажите нам мальчика, который спас медвежье семейство! - щебетали чижи.

- Он летит на белом гусе! - ответила Акка Кебнекайсе. И Мартин на лету гордо выгибал шею, - ведь на него и на Нильса сейчас все смотрели.

- Маленький Нильс! Где ты? Где ты? - тараторили ласточки. - Белка Сирле просила передать тебе привет!

- Я здесь! Вот я! - кричал в ответ Нильс и махал рукой ласточкам.

Ему было очень приятно, что все о нем спрашивают. Он развеселился и даже запел песню:

- Гусиная страна,

Ты издали видна!

Привет тебе, Лапландия,

Гусиная страна!

Несет меня в Лапландию

Домашний белый гусь,

И скоро я в Лапландии

На землю опущусь!

Лаплан-Лаплан-Лапландия,

Ты издали видна!

Да здравствует Лапландия,

Гусиная страна!

Он пел во все горло, раскачиваясь из стороны в сторону, и болтал ногами. И вдруг один башмачок соскочил у него с ноги.

- Мартин, Мартин, стой! - закричал Нильс. - У меня башмачок слетел!

- Вот уж это совсем не дело! - заворчал Мартин. - Теперь пока спустимся да пока разыщем твой башмачок, сколько времени даром пройдет! Ну да что с тобой поделаешь!.. Акка Кебнекайсе! Акка Кебнекайсе! - крикнул он.

- Что случилось? - спросила гусыня.

- Мы потеряли башмачок, - сказал Мартин.

- Башмачок нужно найти, - сказал Акка Кебнекайсе. - Только мы полетим вперед, а уж вы нас догоняйте. Запомните хорошенько: лететь надо прямо на север, никуда не сворачивая. Мы всегда останавливаемся у подножия Серых скал, возле Круглого озера.

- Да мы вас живо догоним! Но все-таки вы не очень торопитесь, - сказал Мартин.

Потом он обернулся к Нильсу и скомандовал:

- Ну, теперь держись крепче! И они полетели вниз.

Башмачок они нашли сразу. Он лежал на лесной тропинке, в пяти шагах от того места, где Мартин спустился, и как будто ждал своего хозяина. Но не успел Нильс спрыгнуть с Мартина, как в лесу послышались человеческие голоса и на тропинку выбежали мальчик и девочка.

- Гляди-ка, Матс! Что это такое? - закричала девочка. Она нагнулась и подняла башмачок Нильса.

- Вот так штука! Самый настоящий башмачок, совсем как у нас с тобой. Только нам он даже на нос не налезет.

Матс повертел башмачок в руках и вдруг громко рассмеялся.

- Послушай-ка, Ооса! А что, если этот башмачок нашему котенку примерить? Может, ему подойдет? Ооса захлопала в ладоши.

- Ну, конечно, подойдет! А потом мы еще три таких сделаем. И будет у нас кот в сапогах.

Ооса побежала по тропинке. За Оосой побежал Матс, а за Матсом Мартин с Нильсом.

Тропинка вела прямо к домику лесничего. На крыльце, свернувшись клубком, дремал котенок.

Ооса уселась на корточки и посадила котенка к себе на колени, а мальчик стал засовывать его лапу в башмачок. Но котенок не хотел обуваться: он царапался, пищал и так отчаянно отмахивался всеми четырьмя лапами и даже хвостом, что в конце концов выбил башмачок из рук Матса.

Тут как раз подоспел Мартин. Он подцепил башмачок клювом и пустился наутек.

Но было уже поздно.

В два прыжка Матс подскочил к Мартину и схватил его за крыло.

- Мама, мама, - закричал он, - наша Марта вернулась!

- Да я не Марта! Пустите меня, я Мартин! - кричал несчастный пленник, отбиваясь и крыльями и клювом. Все напрасно - никто его не понимал.

- Нет, шалишь, теперь тебе не уйти, - приговаривал Матс и, точно клещами, сжимал его крыло. - Хватит, нагулялась. Мама! Да мама, иди же скорее! - снова закричал он.

На его крик из дому вышла краснощекая женщина.

Увидев Мартина, она очень обрадовалась.

- Я так и знала, что Марта вернется, - говорила она, подбегая к гусю. - Что ей одной в лесу делать?.. Ой, да ведь это не Марта - это чей-то чужой гусак! - вскрикнула женщина. - Откуда он взялся? Тут и деревни поблизости нет. Ну, да все равно, раз Марта убежала, пусть хоть этот у нас останется.

Она хотела было взять Мартина и отнести в птичник, но не тут-то было! Мартин рвался у нее из рук, бил ее крыльями, клевал и щипал до крови.

- Вот дикарь! - сказала хозяйка. - Нет, такого в птичник пускать нельзя. Он у меня всех кур покалечит. Что же с ним делать? Зарезать, что ли?

Она быстро скинула передник и набросила на Мартина. Как ни бился Мартин, как ни рвался, ничего не помогало - он только еще больше запутывался в переднике.

Так его, спеленатого, и понесла хозяйка в дом.

Нильс в это время стоял, притаившись за деревом. Он все видел, все слышал и от горя и досады готов был заплакать.

Никогда еще он не жалел так горько, что гном заколдовал его. Будь он настоящим человеком, пусть бы попробовал кто-нибудь тронуть Мартина!

А теперь, прямо у него на глазах, Мартина, его лучшего друга, потащили в кухню, чтобы зарезать и зажарить на обед. Неужели же Нильс так и будет стоять сложа руки и смотреть?

Нет, он спасет Мартина! Спасет во что бы то ни стало!

Нильс решительно двинулся к дому.

По дороге он все-таки поднял и надел свой башмачок, валявшийся в траве.

Самое трудное было попасть в дом. Крыльцо было высокое, целых семь ступенек!

Точно акробат, подтягивался Нильс на руках со ступеньки на ступеньку, пока не добрался до верха.

Дверь, на его счастье, была открыта, и Нильс незаметно проскользнул на кухню.

У окна на большом столе лежал Мартин. Лапы и крылья у него были связаны так крепко, что он не мог шевельнуться.

Возле очага возилась женщина. Засучив рукава, она терла мочалкой большой чугунок. Точно такой чугунок был и у матери Нильса - она всегда жарила в нем кур и гусей.

Вымыв чугунок, женщина поставила его сушиться, а сама принялась разводить огонь в очаге.

- Опять хворосту не хватит! - проворчала она и, подойдя к окошку, громко крикнула:

- Матс! Ооса! Никто не отозвался.

- Вот бездельники! Целый день бегают без толку, не могут даже хворосту набрать! - И, хлопнув дверью, она вышла во двор.

А Нильсу только того и надо было.

- Мартин, ты жив? - спросил он, подбегая к столу.

- Пока что жив, - уныло ответил Мартин.

- Ну, потерпи еще минуточку, сейчас я тебя освобожу. Нильс обхватил руками и ногами ножку стола и быстро полез вверх.

- Скорее, Нильс, а то она сейчас вернется, - торопил его Мартин.

Но Нильса не надо было торопить. Вскочив на стол, он выхватил из кармана свой ножичек и, как пилой, стал перепиливать веревки.

Ножичек так и мелькал у него в руке. Взад-вперед! Взад-вперед! Взад-вперед!

Вот уже крылья на свободе. Мартин осторожно пошевелил ими.

- Кажется, целы, не поломаны, - сказал он. А Нильс уже пилил веревки на лапах. Веревки были новые, жесткие, а ножичек совсем затупился.

- Скорей, скорей, она идет! - крикнул вдруг Мартин.

- Ой, не успеть! - прошептал Нильс.

Ножичек его стал горячим, пальцы онемели и распухли, но он все пилил и пилил. Вот веревка уже расползается под ножом. Еще минута - и Мартин спасен.

Но тут скрипнула дверь, и в комнату вошла хозяйка с огромной охапкой хворосту.

- Натягивай веревку! - успел крикнуть Нильс. Мартин изо всех сил дернул лапами, и веревка лопнула.

- Ах разбойник! Да как же это он ухитрился? - воскликнула хозяйка.

Она швырнула хворост на пол и подскочила к столу. Но Мартин вывернулся прямо у нее из-под рук.

И началась погоня.

Мартин - к двери, а хозяйка его ухватом от двери. Мартин - на шкаф, а хозяйка его со шкафа метлой. Мартин - на посудную полку, а хозяйка как прихлопнет его решетом - одни только лапы на свободе остались.

- Фу, совсем загонял! - сказала хозяйка и рукавом отерла пот со лба.

Потом она сгребла Мартина за лапы и, опрокинув вниз головой, опять потащила к столу.

Одной рукой она крепко придавила гуся, а другой скручивала ему лапы веревкой.

И вдруг что-то острое вонзилось ей в палец. Хозяйка вскрикнула и отдернула руку.

- Ой, что это? - прошептала она. Из-за большой деревянной солонки на столе выглядывал крошечный человечек и грозил ей ножичком, - Ой, что это? - опять прошептала она.

Пока хозяйка охала и ахала, Мартин не терял времени даром. Он вскочил, отряхнулся и, схватив Нильса за шиворот, вылетел в окно.

- Ну и дела! - сказала хозяйка, когда они скрылись за верхушками деревьев.

Она тяжело вздохнула и стала подбирать хворост, разбросанный по полу.

Глава 13. Гусиная страна

Мартин с Нильсом летели прямо на север, как им велела Акка Кебнекайсе. Хотя они и одержали победу в сражении с хозяйкой, но победа эта досталась им нелегко. Все-таки хозяйка здорово

потрепала Мартина. Крылья у него были помяты, на одну лапу он хромал, бок, по которому проехалась метла, сильно болел.

Мартин летел медленно, неровно, совсем как в первый день их путешествия

- то будто нырнет, то взметнется вверх, то завалится на правый бок, то на левый. Нильс едва держался у него на спине. Его так и бросало из стороны в сторону, словно они опять попали в бурю.

- Знаешь что, Мартин, - сказал Нильс, - надо бы тебе передохнуть. Спускайся вниз! Вон, кстати, и полянка хорошая. Пощиплешь свежей травки, наберешься сил, а там и снова в путь.

Долго уговаривать Мартина не пришлось. Ему и самому приглянулась эта полянка. Да и торопиться теперь было нечего - стаю им все равно не догнать, а доберутся они до Лапландии на час раньше или на час позже - это уж не важно.

И они опустились на полянку.

Каждый занялся своим делом: Мартин щипал свежую молодую травку, а Нильс разыскивал старые орехи.

Он медленно брел по опушке леса от дерева к дереву, обшаривая каждый клочок земли, как вдруг услышал какой-то шорох и потрескивание.

Рядом в кустарнике кто-то прятался.

Нильс остановился.

Шорох затих.

Нильс стоял не дыша и не двигаясь.

И вот наконец один куст зашевелился. Среди веток мелькнули белые перья. Кто-то громко загоготал.

- Мартин! Что ты тут делаешь? Зачем ты сюда залез? - удивился Нильс.

Но в ответ ему раздалось только шипенье, и из куста чуть-чуть высунулась чья-то чужая гусиная голова.

- Да это вовсе не Мартин! - воскликнул Нильс. - Кто же это может быть? Уж не та ли гусыня, из-за которой чуть не зарезали Мартина?

- Ах, вот как, они хотели меня зарезать?.. Хорошо, что я убежала, - проговорил гусиный голос, и белая голова снова высунулась из куста.

- Значит, вы Марта? - спросил Нильс. - Очень рад познакомиться. - Нильс поклонился гусыне. - Мы только что от ваших хозяев. Едва ноги унесли.

- А сам-то ты кто? - недоверчиво спросила гусыня. - И на человека не похож, и на гуся не похож. Постой-ка, постой! Уж не тот ли ты Нильс, о котором тут в лесу такие чудеса рассказывают!

- Так и вы слышали обо мне? - обрадовался Нильс. - Выходит, мы с вами знакомы. А Мартина вы еще не видели? Он здесь, на полянке. Пойдемте к нему. Он, наверное, очень вам обрадуется. Знаете, он тоже домашний гусь и тоже убежал из дому. Только моя мама ни за что бы его не зарезала.

Мартин и вправду очень обрадовался. Он даже забыл о своих ранах и, увидев гусыню, сразу стал прихорашиваться: пригладил клювом перышки, расправил крылья, выпятил грудь.

- Очень, очень рад вас видеть, - сказал Мартин кланяясь. - Вы прекрасно сделали, что убежали от ваших хозяев. Это очень грубые люди. Но все-таки вам, наверное, страшно жить в лесу одной? В лесу так много врагов, вас всякий может обидеть.

- Ах, я и сама не знаю, что мне делать, - жалобно заговорила гусыня. - У меня нет ни минутки покоя. Нынешней ночью куница чуть не оборвала мне крыло. А вчера муравьи до крови искусали. Но все равно я ни за что не вернусь домой! Ни за что! Хозяйский сынок только и делает, что дразнит меня. А хозяйская дочка никогда вовремя не накормит и не напоит. - И гусыня горько заплакала.

Нильсу стало не по себе: он вспомнил, что и Мартину когда-то приходилось от него несладко.

Может, и Мартин вспомнил об этом, но из деликатности не подал виду. А Марте он сказал:

- Не надо плакать! Мы с Нильсом сейчас что-нибудь придумаем.

- Я уже придумал! - крикнул Нильс. - Она полетит с нами.

- Ну да, конечно же, она полетит с нами, - обрадовался Мартин. Ему очень понравилось предложение Нильса. - Правда, Марта, вы полетите с нами?

- Ах, это было бы очень хорошо, - сказала Марта, - но я ведь почти не умею летать. Нас, домашних гусей, никто этому не учит.

- Ничего, вы сами научитесь, - сказал Мартин. - Поверьте мне, это не так уж трудно. Надо только твердо помнить, что летать высоко легче, чем летать низко, а летать быстро легче, чем летать медленно. Вот и вся наука. Я-то теперь хорошо это знаю! Ну, а если по правилам не выйдет, можно и без правил - потихонечку, полегонечку, над самым леском. Чуть что, сразу опустимся па землю и отдохнем.

- Что ж, если вы так любезны, я с удовольствием разделю вашу компанию, - сказала гусыня. - Должна вам признаться, что, пока я жила тут одна, я немного научилась летать. Вот посмотрите.

И Марта побежала по лужайке, взмахивая на ходу крыльями. Потом вдруг подпрыгнула и полетела.

- Прекрасно! Прекрасно! Вы отлично летаете! - воскликнул Мартин. - Нильс, садись скорее!

Нильс вскочил ему на спину, и они тронулись в путь.

Марта оказалась очень способной ученицей. Она все время летела вровень с Мартином, ничуточки от него не отставая.

Зато Мартин никогда еще не летал так медленно. Он еле шевелил крыльями и то и дело устраивал привал.

Нильс даже испугался. Он наклонился к самому уху гуся и зашептал:

- Что с тобой, Мартин? Уж не заболел ли ты?

- Тише, тише, - тоже шепотом ответил Нильсу Мартин и покосился на Марту. - Как ты не понимаешь! Ведь она в первый раз летит. Забыл, каково мне приходилось поначалу-то!

Так они и летели в пол-лета. Хорошо еще, что никто их не видел. Все птичьи стаи давно пролетели мимо.

Каждый раз, когда Нильс смотрел вниз, ему казалось, что вся земля путешествует вместе с ним.

Медленно тянулись поля и луга.

Бежали реки - то спокойно разливаясь по долинам, то шумно перепрыгивая через каменистые пороги.

Деревья, упираясь корнями в землю, взбирались по горам до самых вершин, а потом сбегали по склонам - где врассыпную, где густой толпой.

А солнце оглядывало всю землю и всех подбадривало:

- Вперед! Вперед! Веселее!

Но чем дальше Нильс летел на север, тем меньше становилось у него спутников. Первыми попрощались с Нильсом вишневые и яблоневые деревца. Они кивали ему вслед, наклоняя головы в пышных белоснежных шапках, как будто хотели сказать: «Дальше нам нельзя! Ты думаешь, это снег на наших ветках? Нет, это цветы. Мы боимся, что их прихватит утренним морозом и они облетят раньше времени. Тогда не будет осенью ни вишен, ни яблок. Нет, нет, дальше нам нельзя!»

Потом отстали пашни. С ними остановились на месте и села. Ведь в селах живут крестьяне. Куда же им уйти от полей, на которых они взращивают хлеб!

Зеленые луга, где паслись коровы и лошади, нехотя свернули в сторону, уступая дорогу топким мшистым болотам.

А куда подевались леса? Еще недавно Нильс летел над такими густыми чащами, что за верхушками деревьев и земли не было видно.

Но сейчас деревья будто рассорились. Растут вразброд, каждое само по себе. Буков давно и в помине нет.

Вот и дуб остановился, точно задумался, - идти ли дальше.

- Шагай, шагай! - крикнул ему сверху Нильс. - Чего ты боишься?

Дуб качнулся вперед, опять задумался, да так и застыл на месте.

- Ну и стой себе, если ты такой упрямый! - рассердился Нильс. - Вон березки и сосны храбрее тебя!

Но березы и сосны тоже испугались севера. Они скрючились и пригнулись к самой земле, будто хотели спрятаться от холода.

А солнце катилось по небу и не уставало светить.

- Не понимаю, - сказал Мартин, - летим, летим, а вечер все никак не наступит. До чего же спать хочется!

- И мне спать хочется! - сказала Марта. - Глаза слипаются.

- Да и я бы не прочь вздремнуть, - сказал Нильс. - Смотри-смотри, Мартин, вон аисты на болоте спят. Тут, в Лапландии, все по-другому. Может, здесь вместо луны всю ночь солнце светит? Давай и мы привал устроим.

Так они и сделали.

На следующий день Нильс, Мартин и Марта увидели Серые скалы, возвышавшиеся над Круглым озером.

- Ура! - закричал Нильс. - Прилетели! Бросай якорь, Мартин!

Они опустились на берег, поросший густым камышом.

- Ну что, Мартин? Рад? - говорил Нильс. - Нравится тебе? Смотри, тут и трава не простая, а лапландская, и камыш, наверное, лапландский, и вода в озере лапландская!

- Да, да, все прямо замечательно, - говорил Мартин, а сам даже не глядел ни на что.

По правде сказать, его сейчас совсем не интересовало, лапландская тут трава или какая-нибудь другая.

Мартин был чем-то озабочен.

- Послушай, Нильс, - тихонько сказал он, - как же нам быть с Мартой? Акка Кебнекайсе, конечно, хорошая птица, но очень уж строгая. Ведь она может Марту и не принять в стаю.

- Принять-то примет. - сказал Нильс. - Только знаешь что, давай сделаем так: Марту пока здесь оставим и явимся одни. Выберем подходящую минуту и во всем признаемся Акке. А уж потом за Мартой слетаем.

Они спрятали Марту в камышах, натаскали ей про запас водорослей, а сами пошли искать свою стаю.

Медленно пробирались они по берегу, заглядывая за каждый кустик молодого ивняка, за каждую кочку.

Всюду кипела работа - переселенцы устраивались на новых квартирах. Кто тащил в клюве веточку, кто охапку травы, кто клочок мха. У некоторых гнезда были уже готовы, и соседи с завистью поглядывали на счастливых хозяев, которые отдыхали в новых домах.

Но все это были чужие гуси. Никого из своих Нильс и Мартин не находили.

- Не знаете ли вы, где остановилась Акка Кебнекайсе? - спрашивали они каждого встречного.

- Как не знать! Она к самым скалам полетела. Устроилась под старым орлиным гнездом, - отвечали им.

Наконец они увидели высокую скалу и над ней гнездо - точно огромная корзина, оно прилепилось к каменному склону.

- Ну, кажется, пришли, - сказал Нильс.

И верно, навстречу им уже бежали и летели друзья. Гуси обступили Мартина и Нильса тесным кольцом и радостно гоготали:

- Наконец-то! Прилетели!

- Где это вы пропадали?

- Вы что, летать разучились? - кричали им со всех сторон.

- Акка! Акка Кебнекайсе! Встречай гостей! Акка не торопясь подошла к ним.

- Нашли башмачок? - спросила она.

- Башмачок-то нашли, - весело сказал Нильс и притопнул каблучком. - Пока искали, чуть головы не

потеряли. Зато вместе с башмачком мы нашли Мартину невесту.

- Вот это хорошо, - кивнула Акка. - Я и сама уж подумала, что надо его женить, а то ему одному скучно будет. Он ведь гусь молодой. Ну, где же ваша невеста?

- А она тут, недалеко. Я мигом слетаю за ней, - обрадовался Мартин и полетел за Мартой.

Через несколько дней у подножия Серых скал вырос целый гусиный город.

Мартин с Мартой тоже обзавелись собственным домом. Первый раз в жизни пришлось им жить своим хозяйством. Сперва это было не очень-то легко. Ведь что там ни говори, а домашние гуси избалованный народ. Привыкли жить, ни о чем не думая, - дом для них всегда готов, обед каждый день в корыте подают. Только и дела - ешь да гуляй! А тут и жилье надо самим строить и о пропитании самим заботиться.

Но все-таки домашние гуси - это гуси, и Мартин с Мартой отлично зажили в новом доме.

Нильсу тоже поначалу пришлось трудно. Гуси, конечно, позаботились о нем всей стаей смастерили для него теплое, красивое гнездо. Но Нильс не захотел в нем жить - как-никак он человек, а не птица, и ему нужна крыша над головой.

Нильс решил построить себе настоящий дом.

Прежде всего на ровном месте он начертил четырехугольник - вот начало дома и заложено. После этого Нильс стал вбивать по углам длинные колышки. Он садился на клюв Мартина, и Мартин, вытянув шею, поднимал его как можно выше. Нильс устанавливал колышек в самый угол и камнем вколачивал в землю.

Теперь оставалось выстроить стены. Мартину и тут нашлась работа. Он подносил в клюве палочки-бревнышки, укладывал их друг на друга, а Нильс связывал их травой. Потом ножичком вырезал в стене дверь и окошко и взялся за самое главное - за крышу.

Крышу он сплел из тоненьких гибких веточек, как в деревне плетут корзины. Она и получилась, как корзина: вся просвечивала.

- Ничего, светлее будет, - утешал себя Нильс.

Когда дом был готов, Нильс пригласил к себе в гости Акку Кебнекайсе. Внутрь она, конечно, войти не могла - через дверь пролезала только ее голова. Но зато она хорошенько осмотрела все снаружи.

- Дом-то хорош, - сказала Акка, - а вот крыша ненадежная: и от солнца под такой крышей не спрячешься, и от дождя не укроешься. Ну, да этому горю помочь можно. Сейчас мастеров тебе пришлю.

И она куда-то полетела.

Вернулась она с целой стаей ласточек. Ласточки закружились, захлопотали над домом: они улетали, прилетали и без устали стучали клювами по крыше и стенам. Не прошло и часа, как дом был со всех сторон облеплен толстым слоем глины.

- Лучше всяких штукатуров работают! - весело закричал Нильс. - Молодцы, ласточки!

Так понемногу все и устроились.

А скоро появились новые заботы: в каждом доме запищали птенцы.

Только в гнезде у Акки Кебнекайсе было по-прежнему тихо. Но хотя сама она и не вывела ни одного птенца, хлопот у нее было хоть отбавляй. С утра до вечера она летала от гнезда к гнезду и

показывала неопытным родителям, как надо кормить птенцов, как учить их ходить, плавать и нырять.

У Мартина и Марты было пятеро длинноногих гусят. Родители долго думали, как бы назвать своих первенцев, да все не могли выбрать подходящих имен. Все имена казались недостойными их красавцев.

То имя было слишком короткое, то слишком длинное, то слишком простое, то слишком мудреное, то нравилось Мартину, но не нравилось Марте, то нравилось Марте, но не нравилось Мартину.

Так, наверное, они и проспорили бы все лето, если б в дело не вмешался Нильс. Он сразу придумал имена всем пяти гусятам.

Имена были не длинные, не короткие и очень красивые. Вот какие: Юкси, Какси, Кольме, Нелье, Вийси. По-русски это значит: Первый, Второй, Третий, Четвертый, Пятый. И хотя все гусята увидели свет в один час, Юкси то и дело напоминал своим братьям, что он первый вылупился из яйца, и требовал, чтобы все его слушались.

Но братья и сестры не хотели его слушаться, и в гнезде Мартина не прекращались споры и раздоры.

«Весь в отца, - думал Нильс, глядя на Юкси. - Тот тоже вечно скандалил на птичьем дворе, никому проходу не давал. А зато теперь какой хороший гусь.»

Раз десять в день Мартин и Марта призывали Нильса на семейный суд, и он разбирал все споры, наказывал виновных, утешал обиженных.

Нильс был строгим судьей, и все-таки гусята очень его любили. Да и немудрено: он гулял с ними, учил их прыгать через палочку, водил с ними хороводы. Как же было его не любить!

Глава 14. Приемыш

Был теплый ясный день. К полудню солнце стало припекать, а в Лапландии даже летом это бывает нечасто.

В тот день Мартин и Марта решили дать своим гусятам первый урок плавания.

На озере они боялись учить их - как бы не случилось какой беды! Да и сами гусята, даже храбрый Юкси, ни за что не хотели лезть в холодную озерную воду.

К счастью, накануне прошел сильный дождь, и лужи еще не высохли. А в лужах вода и теплая и неглубокая. И вот на семейном совете было решено поучить гусят плавать сначала в луже. Их выстроили парами, а Юкси, как самый старший, шел впереди.

Около большой лужи все остановились. Марта вошла в воду, а Мартин с берега подталкивал к ней гусят.

- Смелей! Смелей! - покрикивал он на птенцов. - Смотрите на свою мать и подражайте ей во всем.

Но гусята топтались у самого края лужи, а дальше не шли.

- Вы опозорите всю нашу семью! - кричала па них Марта. - Сейчас же идите в воду!

И она в сердцах ударила крыльями по луже.

Гусята по-прежнему топтались на месте.

Тогда Мартин подхватил Юкси клювом и поставил его прямо посреди лужи. Юкси сразу по самую макушку ушел в воду. Он запищал, забарахтался, отчаянно забил крылышками, заработал лапками и.., поплыл.

Через минуту он уже отлично держался на воде и с гордым видом посматривал на своих нерешительных братьев и сестер.

Это было так обидно, что братья и сестры сразу же полезли в воду и заработали лапками ничуть не хуже Юкси. Сначала они старались держаться поближе к берегу, а потом осмелели и тоже поплыли на самую середину лужи.

Вслед за гусями и Нильс решил было выкупаться. Но в это время какая-то широкая тень накрыла лужу. Нильс поднял голову. Прямо над ними, распластав огромные крылья, парил орел.

- Скорей на берег! Спасайте птенцов! - закричал Нильс Мартину и Марте, а сам помчался искать Акку.

- Прячьтесь! - кричал он по дороге. - Спасайтесь! Берегитесь!

Встревоженные гуси выглядывали из гнезд, но, увидев в небе орла, только отмахивались от Нильса.

- Да что вы, ослепли все, что ли? - надрывался Нильс. - Где Акка Кебнекайсе?

- Я тут. Что ты кричишь, Нильс? - услышал он спокойный голос Акки, и голова ее высунулась из камыша. - Чего ты пугаешь гусей?

- Да разве вы не видите? Орел!

- Ну, конечно, вижу. Вот он уже спускается.

Нильс, вытаращив глаза, смотрел на Акку. Он ничего не понимал.

Орел приближается к стае, и все преспокойно сидят, будто это не орел, а ласточка какая-нибудь!

Чуть не сбив Нильса с ног широкими сильными крыльями, орел сел у самого гнезда Акки Кебнекайсе.

- Привет друзьям! - весело сказал он и щелкнул своим страшным клювом.

Гуси высыпали из гнезд и приветливо закивали орлу. А старая Акка Кебнекайсе вышла ему навстречу и сказала:

- Здравствуй, здравствуй, Горго. Ну, как живешь? Рассказывай про свои подвиги!

- Да уж лучше мне о своих подвигах не рассказывать, - ответил Горго. - Ты меня не очень-то за них похвалишь!

Нильс стоял в стороне, смотрел, слушал и не верил ни своим глазам, ни своим ушам.

«Что за чудеса! - думал он. - Кажется, этот Горго даже побаивается Акки. Будто Акка - орел, а он - обыкновенный гусь».

И Нильс подошел поближе, чтобы получше разглядеть этого удивительного орла.

Горго тоже уставился на Нильса.

- А это что за зверь? - спросил он Акку. - Не человечьей ли он породы?

- Это Нильс, - сказала Акка. - Он действительно человечьей породы, но все-таки наш лучший друг.

- Друзья Акки - мои друзья, - торжественно сказал орел Горго и слегка наклонил голову.

Потом он снова повернулся к старой гусыне.

- Надеюсь, вас тут без меня никто не обижает? - спросил Горго. - Вы только дайте знак, и я со всяким расправлюсь!

- Ну, ну, не зазнавайся, - сказала Акка и легонько стукнула орла клювом по голове.

- А что, разве не так? Разве смеет кто-нибудь из птичьего народа перечить мне? Что-то я таких не знаю. Пожалуй, только ты! - И орел ласково похлопал своим огромным крылом по крылу гусыни. - А теперь мне пора, - сказал он, бросив орлиный взгляд на солнце. - Мои птенцы до хрипоты накричатся, если я запоздаю с обедом. Они ведь все в меня!

- Ну, спасибо, что навестил, - сказала Акка. - Я тебе всегда рада.

- До скорого свидания! - крикнул орел.

Он взмахнул крыльями, и ветер зашумел над гусиной толпой.

Нильс долго стоял, задрав голову, и глядел на исчезавшего в небе орла.

Вдруг из густых камышей раздался робкий голос Мартина.

- Что, улетел? - шепотом спросил он, вылезая на берег.

- Улетел, улетел, не бойся, его и не видно уже! - сказал Нильс.

Мартин повернулся назад и закричал:

- Марта, дети, вылезайте! Он улетел! Из густых зарослей выглянула встревоженная Марта. Марта осмотрелась кругом, потом поглядела на небо и только тогда вышла из камышей. Крылья ее были широко растопырены, и под ними жались перепуганные гусята.

- Неужели это был настоящий орел? - спросила Марта.

- Самый настоящий, - сказал Нильс. - И страшный какой. Кончиком клюва заденет - так насмерть зашибет. А поговоришь с ним немножко - даже и не скажешь, что это орел. С нашей Аккой, как с родной матерью, разговаривает.

- А как же ему иначе со мной разговаривать? - сказала Акка. - Я ему вроде матери и прихожусь.

Тут уж Нильс совсем разинул рот от удивления.

- Ну да, Горго - мой приемный сын, - сказала Акка. - Идите-ка поближе, я вам сейчас все расскажу. И Акка рассказала им удивительную историю.

Несколько лет тому назад старое пустое гнездо на Серой скале не было пустым. В нем жили орел с орлицей.

Все гуси и утки, прилетавшие на лето в Лапландию, устраивались подальше от этой страшной скалы. Только Акка Кебнекайсе каждый год приводила сюда свою стаю.

Акка не зря выбрала это место. Орлы были опасные соседи, но и надежные сторожа. Ни один

хищник не смел приблизиться к Серым скалам с тех пор, как там поселились орлы. Стая Акки Кебнекайсе могла не бояться ни ястребов, ни коршунов, ни кречетов, зато ей приходилось остерегаться самих сторожей.

Как только орлы просыпались, они вылетали на охоту. Но еще раньше, чем просыпались орлы, просыпалась Акка. Спрятавшись в камышах, она смотрела, куда направят орлы свой полет.

Если орлы скрывались за вершинами скал, стая могла спокойно плескаться в озере и ловить водяных пауков. Если же орлы кружились над долиной, все отсиживались в своих гнездах.

В полдень Акка снова выходила на разведку - в этот час орлы возвращались с охоты. Даже издали по их полету Акка угадывала, удачный или неудачный был у них день.

- Берегитесь! - кричала она своей стае, когда орлы возвращались с пустыми когтями.

- Опасность миновала! - кричала она, видя, что орлы тащат в когтях крупную добычу.

Но вот однажды орлы, вылетев рано поутру, в свой обычный час не вернулись в гнездо.

Акка долго сидела в своем убежище, высматривая в небе орлов, но так и не дождалась их возвращения.

На следующее утро Акка вышла на разведку еще раньше, чем всегда. Уже солнце поднялось высоко в небе, но орлы не показывались.

«Верно, они вчера так и не вернулись в гнездо», - подумала Акка.

Она не видела их и в полдень на скалистой площадке, где орлы всегда делили принесенную добычу.

На третий день все было по-прежнему. Орлы не вылетали из гнезда и не возвращались в него.

Тогда Акка поняла, что какая-то беда стряслась с орлами, и сама полетела к скале.

Еще издали она услышала злой и жалобный крик, доносившийся из орлиного гнезда.

В гнезде, посреди обглоданных костей, старая Акка увидела неуклюжего, безобразного птенца. Он был покрыт редким пухом, на маленьких беспомощных крыльях торчком стояли прямые жесткие перышки, а острый, загнутый книзу клюв, был совсем уже как у взрослого орла.

- Я есть хочу, есть хочу! - кричал он и широко разевал клюв.

Оглядевшись кругом, не подстерегают ли ее где-нибудь за уступом орлы, Акка села на край гнезда.

- Наконец-то! Хоть кто-то явился! - закричал птенец, увидев Акку. - Что ты принесла? Давай скорей, я есть хочу! Акка очень рассердилась.

- Я еще к тебе в няньки не нанималась! - прикрикнула она на птенца. - Где твои отец с матерью?

- Откуда я знаю! - запищал птенец. - Они уже два дня не возвращаются. Ну, чего ты сидишь тут? Ты что, не слышишь? Я есть хочу! Есть! Есть! Дай мне скорее есть!

Акке стало жалко птенца. Все-таки сирота - ни отца, ни матери. И она отправилась искать ему корм.

Она выловила в озере большую форель и принесла ее птенцу. Увидев, что гусыня что-то тащит, орленок вытянул шею, и Акка бросила ему свою добычу прямо в раскрытый клюв.

Но орленок сразу выплюнул рыбу.

- Уж не думаешь ли ты, что я буду есть такую гадость? Сейчас же принеси мне куропатку или зайца, слышишь? - зашипел он и защелкал клювом, точно хотел растерзать Акку на части.

Акка строго посмотрела на него, клюнула его раз, другой и, когда орленок притих, сказала:

- Запомни хорошенько: возиться с тобой никто не будет. Твои отец и мать, наверное, погибли, и, если ты не хочешь умереть с голоду, ты должен есть то, что тебе дают.

Потом она разыскала на дне гнезда форель, которую выплюнул орленок, и опять положила ее перед ним.

- Ешь! - приказала она.

Орленок злобно посмотрел на Акку, но рыбу съел. С этого дня поутру, в полдень и вечером Акка летала к орлиному гнезду и кормила своего питомца. Она носила ему рыбу, лягушек, червяков, и орленок покорно все ел. Так дело и шло до тех пор, пока Акка не начала линять. Последний раз она с трудом добралась до орлиного гнезда, теряя по дороге перья.

- Слушай, - сказала она орленку, - больше я к тебе прилетать не могу. Перенести тебя вниз на своей спине я тоже не могу. Ты должен сам спуститься в долину, иначе ты умрешь с голоду. Не скрою - этот первый полет может стоить тебе жизни. До земли далеко, а ты еще не умеешь летать.

Но орленок был не робкого десятка. Он вскарабкался на край гнезда, посмотрел вниз - так ли далеко до этой самой земли - и смело прыгнул.

Акка с тревогой следила за ним. Своих детей у нее давно уже не было, и этот чужой птенец стал ей дорог, словно родной сын.

К счастью, все обошлось благополучно. Сначала орленок несколько раз перевернулся в воздухе, но ветер помог ему - раскрыл его крылья, и орленок, целый и невредимый, сел на землю.

Все лето орленок прожил в долине вместе с гусятами и очень с ними подружился. Он думал, что он тоже гусенок, и ни в чем не хотел отставать от своих товарищей. Гусята шли на озеро - и он с ними. Гусята в воду - и он в воду. Но гусята, бойко работая лапами, легко и быстро доплывали до середины озера. А орленок, как ни старался, как ни бил когтями по воде, сразу захлебывался и тут же, у самого берега, шел ко дну.

Не раз Акка вытаскивала своего питомца из озера полузадохшегося и долго трясла его, пока он снова не начинал дышать.

- Почему я не могу плавать, как другие? - спрашивал орленок.

- Пока ты лежал в своем гнезде, у тебя выросли слитком длинные когти, - отвечала ему Акка. - Но не горюй, из тебя все-таки выйдет хорошая птица.

Зато, когда для гусят пришло время учиться летать, никто из них не мог угнаться за Горго. Горго летал выше всех, быстрее всех, дальше всех.

Скоро даже просторная долина стала для него слишком тесной, и он пропадал целыми днями где-то за озером и за горами. Каждый раз он возвращался злой и озабоченный.

- Почему куропатки и козлята убегают и прячутся, когда моя тень падает на землю? - спрашивал он Акку.

- Пока ты лежал в своем гнезде, у тебя выросли слишком большие крылья,

- отвечала Акка. - Но не горюй, из тебя все-таки выйдет хорошая птица.

- А почему я ем рыбу и лягушек, а другие гусята щиплют траву и клюют жуков? - спрашивал он

Акку.

- Потому что я не могла приносить тебе другого корма, пока ты жил на своей скале, - отвечала ему Акка. - Но не горюй, из тебя все-таки выйдет хорошая птица.

Осенью, когда гуси двинулись в далекий путь на юг, Горго полетел с ними. Но он никак не мог научиться держать строй во время полета. То и дело он улетал далеко вперед, потом снова возвращался и кружился над стаей.

Другие птицы, увидев орла среди диких гусей, поднимали тревожный крик и круто сворачивали в сторону.

- Почему они боятся меня? - спрашивал Горго. - Разве я не такой же гусь, как вы?

Однажды они пролетали над крестьянским двором, на котором куры и петухи мирно рылись в мусорной куче.

- Орел! Орел! - закукарекал петух. И тотчас же все куры бросились врассыпную. На этот раз Горго не стерпел.

«Дурачье! - подумал он. - Они не умеют даже отличить дикого гуся от орла. Ну ладно же, я проучу их!» И, сложив крылья, он камнем упал на землю.

- Я покажу тебе, какой я орел! - кричал он, разбрасывая сено, под которым спрятался петух. - Ты запомнишь, какой я орел! - кричал он и бил петуха клювом.

Вечером на привале, когда все гуси уже заснули, Акка долго сидела в раздумье.

Она понимала, что пришло время расстаться с орлом. Она сама вскормила его, воспитала, и ей было жалко отпускать его. Но ничего не поделаешь, он должен знать, что он орел, и должен жить, как подобает орлам.

Акка встала и пошла разыскивать своего питомца, мирно спавшего среди гусей.

В ту же ночь перед рассветом Горго покинул стаю.

Но каждый год, когда гуси возвращались в Лапландию, Горго прилетал в долину у Серых скал.

Это был могучий и смелый орел. Даже родичи побаивались его и никогда не вступали с ним в спор. Лесные птицы пугали его именем непослушных птенцов. Горные козлы трепетали, как трусливые зайчата, завидев его тень. Он никого не щадил, он бил свою добычу без промаха. Но за всю свою жизнь он ни разу не охотился у Серых скал и не тронул даже кончиком когтей ни одного дикого гуся.

Глава 15. Тайна сов

Дни протекали за днями мирно и тихо. Каждый день был похож на другой как две капли воды.

На озере возле Серых скал вырос настоящий птичий город. Со всех сторон его защищали от чужих глаз горы. Никакой зверь сюда не заглядывал, а про людей и говорить нечего. Да и откуда здесь взяться людям? Что им тут делать среди болот и камней?

- Неужели же во всей Лапландии нет ни одного человека? - говорил Нильс Мартину.

- Нет, и хорошо, что нет, - отвечал Мартин. - Ты уж меня прости, а нам, гусям, неплохо отдохнуть от людей.

Но Нильс был с ним не согласен. По правде сказать, ему иногда хотелось отдохнуть от гусей, как он их ни любил.

- А вон там, за горами, - не унимался Нильс, - неужели тоже только птицы живут?

Старая Акка услышала этот разговор и подошла к Нильсу.

- Хочешь сам увидеть, что там за горами? - сказала Акка, - Я и то уж думала - ну что ты, как нянька, сидишь целыми днями с гусятами? Хочешь, полетим завтра? Надо тебе посмотреть нашу Лапландию.

На другой день Нильс проснулся раньше раннего. Даже Акка еще спала. А уж она-то поднималась первая во всей стае. Нильс не решился разбудить гусыню. Он принялся расхаживать взад-вперед около спящей Акки. Ходит как будто тихо, а нет-нет и наступит, словно невзначай, на сучок. Ну, гусыня и проснулась.

- Что, не терпится тебе? - сказала она. - Я и сама рада размять крылья.

И все-таки Акка сначала обошла для порядка все гнезда, убедилась, что ничего худого ни с кем за ночь не случилось, и только тогда решилась покинуть свою стаю.

Гряда за грядой перед Нильсом открывались горы. Горы как будто выталкивали друг друга, каждая хотела подняться повыше, поближе к солнцу и звездам.

На самых высоких вершинах лежал снег. Снег был белый-белый, он блестел и искрился на солнце, а в ущельях, куда солнечные лучи не могли заглянуть, снег казался голубым, как небо.

Глядя на эти вершины, Нильс вспомнил сказку про одноглазого тролля. Вот какая была эта сказка.

Жил когда-то в лесу одноглазый тролль.

Задумал он построить себе дом - такой же, как у людей.

И построил. Дом вышел отличный. От стены до стены - верста, от пола до потолка - три версты. Одно только плохо - печки в доме нет. Верно, тролль не разглядел своим одним глазом, что люди у себя в домах складывают печи.

Зима по лесу гуляет. А тролль сидит в своем доме и дрожит от холода.

- Никуда этот дом не годится! - рассердился тролль, - Надо новый строить. Только теперь я буду умнее. Построю дом поближе к солнцу - пусть оно меня греет.

И тролль принялся за работу. Он собирал повсюду камни и громоздил их друг на друга.

Скоро гора из камней поднялась чуть не до самых туч.

- Вот теперь, пожалуй, хватит! - сказал тролль. - Теперь я построю себе дом на вершине этой горы. Буду жить у самого солнца под боком. Уж рядом с солнцем не замерзну!

И тролль полез на гору.

Только что такое?! Чем выше он лезет, тем холоднее становится.

Добрался до вершины.

«Ну, - думает, - отсюда до солнца рукой подать!»

А у самого от холода зуб на зуб не попадает.

Тролль этот был упрямый: если уж ему в голову что западет - ничем не выбьешь. Решил на горе построить дом - и построил.

Солнце как будто близко, а холод все равно до костей пробирает.

Так этот глупый тролль и замерз.

«И почему это? - думал Нильс, поеживаясь от холодного воздуха. - Наверху ведь в самом деле ближе к солнцу, а холоднее?»

В это время Акка, словно подслушав его мысли, начала спускаться вниз.

Горы под ними расступились, и теперь они летели над долиной Долину разрезала узенькая ленточка реки.

А что это за странные холмики на берегу? Круглые, остроконечные. И дым из них поднимается!

Дым! Значит, здесь живут люди! Ну, конечно, в Лапландии живут лопари. И холмы - это вовсе не холмы, а дома, Их делают так: вбивают в землю несколько жердей, а потом обтягивают оленьими шкурами. И называются такие дома чумами.

Нильс знал об этом по рассказам школьного учителя. А теперь он все видит собственными глазами!

Вот между чумами бродят какие-то животные. На головах у них торчат рога. Да это же олени! Целое стадо лапландских домашних оленей!

У крайнего чума горел костер. Девочка-лопарка что-то пекла на раскаленных камнях.

На девочке были надеты меховые штаны и длинная рубаха, тоже меховая. Нильс догадался, что это не мальчик, а девочка, только потому, что две длинные черные косички все время падали вперед, когда она наклонялась. А девочка их все отбрасывала на спину, чтобы они не попали в огонь.

Вдруг Акка Кебнекайсе повела головой направо, налево и, когда убедилась, что рядом с девочкой никого нет, опустилась совсем низко. Нильс даже почувствовал жар от костра и запах горячего теста. Акка сделала над девочкой один круг, другой.

Девочка подняла голову и с удивлением посмотрела на гусыню. Должно быть, она подумала: «Что за странная птица! Кажется, ей что-то от меня надо». А гусыня взлетела повыше и опять закружилась над маленькой лопаркой.

Тогда девочка засмеялась, схватила с камня горячую лепешку и протянула ее птице. Акка подцепила лепешку клювом и быстро улетела прочь.

Нильс еле успел крикнуть девочке: «Спасибо!» Он ведь сразу догадался, для кого это Акка Кебнекайсе выпрашивала угощение.

В небольшой ложбине старая гусыня и Нильс отлично позавтракали. Акка щипала редкую траву, пробивавшуюся из-под камней, а Нильс ел лепешку. Настоящую лепешку из настоящей муки, свежую, еще горячую! Ему казалось, что ничего вкуснее не бывает на свете. И он старался как можно дольше растянуть ото удовольствие.

На Круглое озеро возле Серых скал они вернулись только под вечер.

Лето подходило к концу. Гусята подрастали и радовали родительские сердца. Если и бывали когда-нибудь ссоры в стае Акки Кебнекайсе, то, пожалуй, только из-за того, чьи дети лучше.

Особенно гордились своим потомством Мартин и Марта.

Нильс тоже находил, что их дети самые красивые. Белые, как снег на горах, без единого пятнышка, и только клювы и лапы красные, как брусника.

Крылья у гусят уже немного окрепли, и Мартин каждое утро учил гусят летать. Сначала гусята чуть-чуть поднимались над землей - взмахнут разок-другой крылышками и опять опустятся на

траву. Потом они начали взлетать все выше и выше и держались в воздухе все дольше и дольше.

Училась летать и Марта. Она принималась за уроки вечером, когда гусята уже спали - нельзя же было показывать детям, что она, мать большого семейства, тоже едва умеет летать.

Мартин заставлял Марту круто поворачиваться на лету, взмахивать крыльями вровень с его крыльями, подниматься в воздух не с разбегу, а прямо с места. Словом, учил ее всему, чему сам научился у диких гусей за долгий путь от Вестменхега до Лапландии. И Марта старалась изо всех сил. Ведь близилось то время, когда стая Акки Кебнекайсе должна будет покинуть Лапландию и пуститься в обратную дорогу.

А то, что это время не за горами, было видно по всему. Как-то раз Мартин пришел к Нильсу. Он просунул голову в дверь его домика и заговорил.

- Не понимаю, - сказал он, - до каких это пор Акка Кебнекайсе собирается держать нас в Лапландии? Зима на носу, а она и думать ни о чем не думает. Скорей бы домой! Гусят бы всем показать - и родичам, и курам, и коровам. Марту бы со всеми познакомить! Уж она-то всему птичнику по душе придется! Еще бы, ведь такая красавица!

Нильс тоже подумал: «Верно говорит Мартин. Пора бы нам домой! Как отец с матерью обрадуются, когда я вместо одного гуся целый выводок приведу. Они, конечно, решили, что мы давно погибли - и я и Мартин. И вдруг - нате вам! - открывается дверь, и входят друг за дружкой: сперва Юкси, за Юкси - Какси, за Какси - Кольме, за Кольме - Нелье, за Нелье - Вийси, за Вийси - Мартин с Мартой, а за ними я. „Здравствуйте, дорогие родители! Принимайте гостей!..“ Что тут начнется! Отец с матерью даже заплачут от радости. Все соседи сбегутся, все мальчишки! „Где же ты пропадал целое лето?“ - спросят. А я скажу: „На гусе в Лапландию летал.“

Но тут Нильс вспомнил, что он теперь совсем не похож на прежнего Нильса. Мать и отец, может, и не узнают его.

Соседские мальчишки засмеют, задразнят, станут за ним с сачком гоняться, как он сам гонялся за гномом.

«Нет, лучше уж не возвращаться, пока не сделаюсь настоящим человеком, - подумал Нильс. - Только когда это еще будет! И что это за тайна, о которой говорили совы?»

Но Мартину он сказал:

- А не будет ли нам дома скучно? Каждый день одно и то же. Дом да двор, двор да дом! Знаешь что, отправимся-ка мы лучше с дикими гусями за море.

- Что ты! Что ты! - испугался Мартин.

Ведь он все-таки был домашним гусем. Теперь, когда Мартин доказал стае Акки Кебнекайсе, что он ничуть не хуже диких гусей, ему хотелось только одного - спокойной жизни в родном птичнике. Хватит с него всяких приключений! Он сыт ими по горло!

- Что ты! Что ты! - повторил Мартин. - А я думал, тебе тоже хочется домой. Нильс не выдержал.

- Конечно, хочется! - крикнул он. - Да что об этом толковать! Тебе-то хорошо. Вон ты какой большой стал, мне на тебя сейчас даже влезать трудно. А я ничуточки не вырос. Ну, посуди сам: как я такой отцу и матери на глаза покажусь? Возвращайся один домой, а я останусь с гусями. Акка меня теперь не прогонит.

- Ну, нет, я без тебя домой не вернусь, - сказал Мартин. - Это уж последнее дело - бросать товарища в беде. - Мартин задумался на минутку. - Слушай-ка, Нильс, ты бы поговорил с Аккой. Наверное, она поможет тебе, что-нибудь придумает. Она ведь все на свете умеет. Вот даже орла и

то приручила.

- Правда! - обрадовался Нильс. - Пойду-ка я посоветуюсь с Аккой.

На следующий день Нильс пошел к гнезду старой гусыни.

- Здравствуй, Акка, - сказал он. - Мне надо поговорить с тобой.

- Говори, - сказала она, - я тебя слушаю. Нильс помолчал.

- Понимаешь, Акка, - сказал он наконец, - я ведь не всегда был таким. Я был настоящим мальчиком, а гном взял и заколдовал меня.

Акка Кебнекайсе совсем не удивилась.

- Да, я об этом догадывалась, - сказала она. - Что же теперь делать?

- Вот я и хотел спросить тебя - что же теперь мне делать? Ты самая умная из всех птиц, ты, верно, знаешь, как мне снова стать человеком. А если ты не знаешь, спроси, пожалуйста, у сов, тебе-то они скажут.

- А почему ты думаешь, что совы знают? - спросила Акка.

- Я слышал, как они шептались и говорили, что это страшная тайна. Еще когда мы были в Глиммингенском замке, слышал. Только потом они заговорили так тихо, что я ни слова не разобрал. Может, ты тоже знаешь эту тайну?

- Нет, я не знаю этой тайны, - сказала Акка. - Спросить у сов? Так ведь они мне не расскажут. Я с ними не очень-то дружна, с этими кумушками. Но постой! Дай мне три дня сроку, может быть, я тебе помогу.

Три дня Нильс не спал, не ел, не пил и все ждал, когда наконец Акка позовет его и он узнает, как освободиться от колдовских чар.

«Если Акка сама взялась за это, так уж дело верное, - думал Нильс. - Она зря обещать не будет!»

Он видел, как на следующий день после их разговора Акка улетела куда-то и вернулась только поздно вечером.

Никто из стаи не знал, куда и зачем она летала - она никому не сказала об этом, и никто не смел ее спросить.

И Нильс не спрашивал ее ни о чем. Правда, он старался почаще попадаться ей на глаза и придумывал разные поводы, чтобы лишний раз пройти мимо ее гнезда, но Акка как будто не замечала его. А если и заговаривала с ним, то все о каких-нибудь пустяках.

«Может, не вышло у нее ничего, - думал Нильс, - потому она и молчит? Так уж лучше бы сразу сказала, начистоту».

На второй день все было по-прежнему. Акка точно забыла про Нильса.

Никогда еще дни не тянулись для Нильса так медленно. Чтобы как-нибудь убить время, Нильс решил починить крышу на своем домике, но, чуть только принялся строгать прутики, сразу порезал себе палец. Попробовал покрепче привязать пуговицу, болтавшуюся на ниточке, а вместо того оторвал ее совсем. Пошел собирать свежую траву себе для подстилки, да на обратном пути столько раз падал, что всю траву растерял.

За какое бы дело он ни брался, ничего у него не клеилось, все валилось из рук. А тут еще гусята пристают, бегают за ним по пятам.

Нильс спрятался было от них в своем домике, но гусята и здесь нашли его. Они поминутно прибегали к нему и, просунув головы в дверь, звали то на озеро, то на болото за ягодами.

- Не хочу, идите сами, - говорил Нильс.

Так он и сидел один в своем домике.

Прошел день, прошла ночь и еще день прошел.

Акка его не звала.

На третий день к вечеру Нильс совсем загрустил. Вот уже все сроки миновали, а старая Акка даже не вспомнила о нем. И, уткнувшись лицом в свою травяную подушку, Нильс горько заплакал. Он громко всхлипывал, тяжело вздыхал, и от этого ему становилось так жалко себя, что слезы в три ручья лились у него из глаз. Подушка его давно промокла, лицо распухло, глаза болели, а он все плакал и плакал, пока не заснул.

И вдруг кто-то загоготал над самым его ухом, затеребил его, затормошил, затряс. Нильс вскочил на ноги, Мартин, просунув голову в домик Нильса, громко кричал:

- Скорей! Иди скорей! Тебя Акка зовет.

Акка сидела в своем гнезде, а рядом с ней на кочке сидел орел.

«Он-то здесь зачем?» - удивился Нильс и растерянно посмотрел на Акку.

- Иди, иди, - сказала Акка. - Мы тебя как раз ждем. Потом она повернулась к орлу и чуть-чуть наклонила голову.

- Теперь рассказывай, Горго.

- Все в порядке. Был я в Глиммингенском замке, познакомился с вашими совами, - весело заговорил орел.

«Ага! Так, значит, Акка посылала его к совам!» - подумал Нильс и насторожился.

- Ну и далеко живут ваши приятельницы! Я уж думал, не поспею к сроку вернуться. Даже домой не залетал - прямо сюда со свежими новостями. Да и с совушками этими было немало возни. Прилетел, а они, видите ли, спят. Все у них шиворот-навыворот, все не как у птиц. Другие ночью мирно спят, а эти за день-то выспятся хорошенько, а ночью по лесу рыщут. Сразу видно - воровская порода.

- Но ты их все-таки разбудил? - робко спросил Нильс.

- А как же! Стану я с ними церемониться! Я как погладил клювом одну, так и другая сова проснулась. Хлопают обе глазищами, охают, ахают, ухают. Сослепу да спросонок ничего понять не могут. Они и так не больно-то понятливы, а тут, видно, последний ум у них отшибло. «Безобразие! - кричат.

- Кто смеет тревожить наш сон?» Ну, я им показал, кто смеет. Они теперь надолго запомнят.

- Зачем же ты с ними так! - с укором сказал Нильс. - Они, наверное, рассердились, теперь у них ничего не выведать.

- Как это не выведать? - возмутился Горго. - Да я уже все выведал.

- Ну что? Что они сказали? - еле выговорил Нильс.

- Ты меня не перебивай, - сказал Горго, - а слушай. Я их спрашиваю: «Вы чего между собой сплетничаете, о чужих тайнах болтаете?» Они туда, сюда. «Что ты! - бормочут. - Мы знать ничего

не знаем, какие такие тайны». Я опять потряс их немножко. «А, - говорят, - знаем, вспомнили. Наклонись, пожалуйста, поближе. Мы эту тайну можем сообщить только шепотом и только на ухо». И зашипели мне в оба уха, как змеи. Ну, я не сова, я шептаться не буду. Я тебе прямо скажу.

- Говори же, говори! - помертвевшим голосом прошептал Нильс.

- Трудно тебе стать человеком, - сказал Горго. - Этот гном такое придумал, что и не приснится.

- Да не томи его, - вмешалась Акка. - Говори скорее.

- Так вот: не быть тебе, Нильс, человеком, пока кто-нибудь по доброй воле не захочет стать таким же маленьким, как ты.

- Да кто же захочет стать таким, как я! - в отчаянии воскликнул Нильс.

- Подожди, это еще не все. Если найдется такой, ты должен сразу же сказать заклинание. И ни слова не перепутать. Я это заклинание сто раз повторил, пока запомнил. А теперь ты запоминай.

И Горго стал говорить медленно и торжественно:

- Стань передо мной, Как мышь перед горой, Как снежинка перед тучей, Как ступенька перед кручей, Как звезда перед луной. Бурум-шурум, шалты-балты. Кто ты? Кто я? Был - я, стал - ты.

- Как, как ты сказал? - переспросил Нильс. - Шурум-шалты? Бурум-балты? Я - был, стал - ты?

- Ну вот все и перепутал! Это же заклинание! Тут каждое слово должно быть на месте. Подумай только: захочет кто-нибудь стать таким, как ты, а ты своим «бурум-балты» все дело испортишь. Слушай сначала. И Горго начал сначала.

А Нильс смотрел ему прямо в клюв и повторял слово за словом:

Бурум-шурум, Шалты-балты. Кто ты? Кто я? Был - я, стал - ты.

Глава 16. Удачник и неудачник

После первых же ночных заморозков Акка Кебнекайсе велела всем готовиться к отлету.

Теперь стая была почти втрое больше, чем весной.

Двадцать два гусенка должны были совершить свой первый перелет.

Накануне дня, назначенного для отправки в дальний путь, Акка устроила гусятам экзамен. Сперва каждый в отдельности показывал свое искусство, потом все вместе. Это было очень трудно: надо разом взлететь и в строгом порядке построиться треугольником.

Десять раз Акка заставляла гусят подняться и спуститься, пока они не научились держать расстояние, не налетать друг на друга и не отставать.

На следующий день на рассвете стая покинула Серые скалы. Впереди летела Акка Кебнекайсе, а за нею двумя ровными расходящимися линиями тянулась вся стая - восемнадцать гусей справа и восемнадцать гусей слева мерно взмахивали крыльями.

Нильс, как всегда, сидел верхом на Мартине. Время от времени он оборачивался назад, чтобы пересчитать гусят, - не отстал ли кто? Все ли на месте?

Гусята старались изо всех сил.

Они отчаянно били крыльями по воздуху и покрикивали друг на друга:

- Держись правее!

- Куда ты вылез?

- Ты мой хвост задеваешь!

Один только Юкси был всем недоволен. Не прошло и часа, как он жалобно запищал - Акка Кебнекайсе! Акка Кебнекайсе! У меня крылья устали!

- Ничего, отдохнешь ночью! - крикнула Акка. Но Юкси не унимался.

- Не хочу ночью, хочу сейчас! - пищал он.

- Молчи, молчи! - зашипел на него Мартин. - Ты же самый старший! Как тебе не стыдно!

Юкси стало стыдно, и он замолчал. Но через час он опять забыл, что он старший, и опять поднял писк:

- Акка Кебнекайсе! Акка Кебнекайсе! Я хочу есть!

- Подожди! - крикнула Акка. - Придет время, все будут есть и ты поешь.

- Не хочу ждать, хочу сейчас! - пищал Юкси.

- Не позорь родителей, - зашипели Мартин и Марта. - Вот дождешься, что Акка выгонит тебя из стаи. Что ты тогда будешь делать? Пропадешь ведь один.

Юкси и сам знал, что пропадет, и замолчал. Одна за другой уходили назад снежные горы.

- Смотрите и запоминайте! - говорила Акка гусятам. - Эта гора называется Сарьечокко, а рядом - Порсочокко. Вот тот водопад называется Зьофаль, а этот Ристо. А горное озеро под нами.

Но тут гусята взмолились.

- Акка! Акка! - закричали они. - У нас в голове не помещается столько названий. Они такие трудные.

- Ничего, - ответила Акка. - Чем больше вбивать в ваши головы, тем больше в них останется места!

- А как называется вон та гора, самая высокая? - спросил Нильс.

- Она называется: Ке-бне-кайсе! - торжественно произнесла старая гусыня.

«Ах, вот оно что! - подумал Нильс. - Верно, Акка родилась тут. Потому она и зовется - Акка Кебнекайсе. Ну, конечно же, такая замечательная гусыня, как наша Акка, и родиться должна была не где-нибудь, а у самой высокой горы!»

И Нильс с еще большим уважением посмотрел через головы гусей на предводительницу стаи.

Лопари тоже уходили на зиму подальше от суровых гор. Нильс видел, как они спускаются вниз целыми стойбищами, с оленьими стадами, с домашним скарбом. Даже дома с собой забирают.

Нильс смотрел во все глаза - может, где-нибудь в толпе кочевников идет девочка, которая угостила его лепешкой? Неужели он так и не попрощается с ней?

Но стая летела слишком высоко и слишком быстро. Где же тут разглядеть маленькую лопарку!

«Ну, если уж с ней нельзя попрощаться, так попрощаюсь со всей Лапландией», - подумал Нильс.

И он громко запел:

- Лаплан-Лаплан-Лапландия, Ты все еще видна! Прощай, прощай, Лапландия, Чудесная страна!

Принес меня в Лапландию Домашний белый гусь, И, может быть, в Лапландию Я снова возвращусь.

Вот и совсем ушли горы.

Снова, как весной, кланяются гусям березки - кивают головой, машут ветвями, что-то шепчут. Они дальше всех провожали стаю на север и теперь первые встречают ее.

Стая летела на юг тем же путем, каким весной летела на север.

«Тут я потерял башмачок, - вспоминал Нильс. - Как на меня Мартин сердился! А ведь не потеряй я башмачок, Мартин не нашел бы Марту!..»

«А где-то здесь мои медведи живут. Вот бы посмотреть на Мурре и Брумме, какие они теперь стали. Их мурлила, верно, и управиться не может со своими сыночками.»

«А здесь Бронзовый должен стоять. Да вон он и стоит! Совсем позеленел от злости. Жаль, Деревянного больше нет. Бедный добрый Розенбум!»

Нильс даже вздохнул, вспомнив своего деревянного друга.

«А где же мы теперь летим?»

Этого места Нильс никак не мог припомнить.

Тут было все, что только можно пожелать, как будто здесь была собрана красота всей страны. Леса принесли сюда свой зеленый наряд, реки протянули свои притоки, долины наградили зелеными лугами, низины расстелили ковры изо мха и папоротника, море украсило шхерами и фиордами, горные склоны поделились скалами и плоскогорьями, а поля одарили плодородными пашнями.

Здесь, в этом удивительном краю, где сошлись юг и север, запад и восток, стая Акки Кебнекайсе устроила привал.

Кто хотел - шлепал по болоту; кто хотел - плескался рядом в речке; кому нравилось - гулял по лесу. Все тут было под боком.

Нильс сидел на лесной опушке под корнями сосны и маленькой палочкой разгребал опавшую хвою.

Над головой у него с ветки на ветку перепрыгнула белка и бросила ему орешек.

Зайчонок проскакал мимо и положил у его ног морковку.

Из кустов выбежал еж и остановился перед Нильсом. Он ощетинился всеми своими иглами, и на кончике каждой иглы у него была насажена спелая брусничина.

«Вот сколько у меня друзей!» - подумал Нильс.

А помочь его беде никто не мог.

Вдруг Нильс услышал знакомый каркающий голос:

- Здр-р-равствуй! Здр-р-равствуй! Здр-р-равствуй! Нильс поднял голову. Да это Фумле-Друмле! Атаман вороньей шайки!

- Р-р-разыскал-таки тебя! - выкрикивал Фумле-Друмле, хлопая крыльями. - Кр-р-ружил по небу, кр-р-ружил и р-р-разыскал.

Наконец Фумле-Друмле сел около Нильса.

- Мы с тобой стар-р-рые др-р-рузья, - сказал Фумле-Друмле, - а др-р-рузья др-р-руг др-р-руга выр-р-ручают. Я уж постар-р-рался, р-р-разузнал, как тебе в человека пр-р-ревр-р-ратиться!..

Нильс ничего не ответил.

- Что ж ты не р-р-радуешься? - каркнул ворон. Нильс опять ничего не ответил. Потом вздохнул и

тихонько забормотал:

- Стань передо мной, Как мышь перед горой, Как снежинка перед тучей, Как ступенька перед кручей, Как звезда перед луной.

Бурум-шурум, Шалты-балты. Кто ты? Кто я? Был - я, стал - ты.

- Ты откуда это знаешь? - спросил Фумле-Друмле, и глаза у него засверкали от обиды, что не он первый открыл эту тайну Нильсу.

- Мне орел Горго сказал, - ответил Нильс. - Да что толку знать? Все равно мне некому спеть эту колдовскую песенку.

- Твой Гор-р-го дур-рень, - каркнул Фумле-Друмле. - А вот я тебе по-настоящему помогу. Я уже р-р-разыскал того, кто р-р-рад с тобой поменяться.

- Правда, Фумле-Друмле? Неужели правда? - воскликнул Нильс. - Кто же это? Кто?

- Не тор-р-ропись. Узнаешь, когда пр-р-ридет вр-р-ремя, - сказал Фумле-Друмле. - Забир-р-райся на меня. И Фумле-Друмле подставил Нильсу свое крыло. Нильс, как по мосткам, взбежал к Фумле-Друмле на спину, и они полетели.

- Мартин! Мартин! Акка! Подождите меня! Я вернусь! - успел крикнуть Нильс.

Все гуси с удивлением смотрели ему вслед, но Нильс был уже далеко.

Скоро он увидел островерхие крутые крыши старинного города Упсала.

Фумле-Друмле покружил над домами и наконец сел на крышу, которая ему почему-то приглянулась. Ветер перекатывал по черепицам обрывок бумаги. Через окошко маленькой мансарды была видна комнатка.

У стола сидел юноша и, не отрывая глаз, смотрел, как ветер треплет бумажный листок.

- Опять этот ворон! - сказал юноша, когда Фумле-Друмле опустился на крышу. - Ну что ему от меня надо? Какую еще беду мне накаркает?

«Верно, одна беда с ним уже случилась», - подумал Нильс.

И Нильс угадал.

Беда началась вот с чего.

Жили в городе Упсала два студента.

Одному во всем везло. Так крепко сдружилась с ним удача, что никогда его не оставляла, - что бы он ни задумал, за какое бы дело ни взялся. Вот и был он всегда весел, всегда доволен, со всеми приветлив. За то и его все любили. Экзаменаторы не скупились для него на пятерки, товарищи души в нем не чаяли, и жилось ему на свете легче легкого.

Его так и называли - Удачник. Да к нему никакое другое имя и не подходило! Он даже сам позабыл, как его звали отец с матерью.

А другой студент был нелюдимый, незаметный, беда за ним так и ходила следом, ни на шаг его не отпускала. От людей он прятался, да и с ним никто не дружил. Товарищи даже имени его не знали, а просто называли его Неудачник. Да и какое другое имя можно было ему дать!

И вот однажды, когда Удачник, весело напевая, собрался идти сдавать последний экзамен, дверь отворилась, и вошел Неудачник. В руках у него был какой-то объемистый сверток.

- Я пришел к тебе с просьбой, - робко сказал он Удачнику. - Целых пять лет я трудился над одним

сочинением и вот теперь кончил его. Я и сам не знаю, что у меня получилось. Но твоему слову поверю.

Удачник сказал:

- Давай, я прочту.

И подумал про себя: «Вот как все меня любят. Даже этот нелюдим пришел ко мне».

А Неудачник протянул ему сверток и сказал:

- Мне очень стыдно давать тебе такую мазню, но у меня нет денег, чтобы нанять переписчика. Да, по правде сказать, я боюсь отдать кому-нибудь мое сочинение. Ведь если его потеряют - вся моя работа пропала.

- Ты можешь не тревожиться, - сказал Удачник, - у меня не пропадет ни один листок.

Неудачник ушел. А Удачник выглянул в окно, чтобы посмотреть на башенные часы. До экзамена времени оставалось еще много, знал он все назубок, делать пока нечего, и он решил посмотреть, что за сочинение принес ему Неудачник.

Он развязал сверток. Перед ним лежала груда листков, исписанных вдоль и поперек.

На первой странице крупными буквами было выведено:

«История города Упсала».

«И про что ото он мог столько написать?» - подумал Удачник.

Он прочел одну страницу, вторую, третью и забыл обо всем на свете, сидя над этими истрепанными листками.

Каждый день проходил он мимо городского собора и ничего не знает о нем.

А теперь этот собор словно ожил. Ожили короли, погребенные под его каменными плитами. Ожили люди, которые его построили, хоть и прошло с тех пор немало веков.

Без этого собора нельзя было даже представить себе города. Да разве могло что-нибудь случиться с этой каменной громадой? А ведь когда-то собор был разрушен пожаром. Удачнику почудилось, что со страницы рукописи, над которой он склонился, несется тревожный набат и встает огненное зарево.

И библиотеку, в которую Удачник ходил чуть не каждый день, он увидел как будто первый раз в жизни. Из каких только стран сюда не попадали книги, в переплетах из кожи и резного дерева, с застежками и без застежек!

Каждый год, в феврале, он бродил по ярмарке и покупал в лавках всякие безделицы. А ведь ярмарка эта могла бы уже в трехсотый раз отпраздновать свой день рождения. И Удачнику, пока он переворачивал страницы, казалось, что он сам поет и пляшет вместе с веселой толпой в старинных одеждах на самой первой ярмарке, которая шумела здесь ровно триста лет тому назад.

Только бой башенных часов заставил его вспомнить, что ему пора собираться на экзамен.

Удачник вскочил, бросился в чуланчик, где висел его самый лучший костюм, потом в прихожую - там стояли его новые ботинки, снова вбежал в комнату за своей студенческой шапкой.., и вдруг остановился на пороге как вкопанный.

Пока он суетился и бегал взад-вперед, ветер распахнул окно, перепутал, переметал все листки рукописи и понес их над крышей.

Забыв про свой парадный костюм, Удачник бросился догонять ветер. Хорошо еще, что его комната была на самом чердаке! Он перемахнул через подоконник и был уже на крыше.

А ветер словно смеялся над бедным Удачником: то подбросит листки, то закружит, а то вдруг дунет, да так, что белая бумажная стая разлетится во все стороны.

Удачник прямо из сил выбился, а поймал только два или три обрывка.

Чуть не плача, вернулся он в свою комнату, И вдруг прямо против его окна на крышу уселся ворон - огромный, черный, глаза злые, хитрые. Сел и закаркал.

У неудачливого Удачника совсем упало сердце.

Ведь ворон каркает не к добру. Одна беда уже свалилась на него. А за первой и вторая нагрянет.

Так и случилось.

Он чуть не опоздал на экзамен. На все вопросы отвечал невпопад, и кончилось дело тем, что он получил двойку.

Медленно брел несчастный Удачник домой.

А Неудачник уже поджидал его у ворот.

- Ты еще не прочел? - спросил он с тревогой.

- Мне не до тебя было, я готовился к экзамену. Не все ведь такие бездельники, как ты, - сказал Удачник.

Он нарочно говорил так грубо, чтобы поскорее избавиться от товарища. Как он скажет ему, что случилась такая беда, какой даже этот Неудачник никогда не знал?

А Неудачник подумал: «Наверное, мое сочинение никуда не годится, вот он со мной и не хочет разговаривать. Нет, ни в чем, видно, нет мне удачи!»

На другой день, чуть только злосчастный Удачник вышел из дому, ему повстречался Неудачник.

- Ты что подстерегаешь меня? - сердито сказал Удачник. - Когда прочитаю, сам к тебе приду, а ходить за мной следом - нечего.

- Нет, нет, я не тороплю тебя. Я только вот что хотел сказать, - робко проговорил Неудачник, - если ты увидишь, что мое сочинение никуда не годится, ты можешь выбросить его или сжечь.

Удачник ничего не ответил и прошел мимо. А Неудачник теперь не сомневался, что вся его работа была пустой потерей времени.

«И говорить-то о ней - только время терять!» - со стыдом подумал Неудачник.

На третий день Удачник совсем не выходил из дому. Слова, сказанные Неудачником, не переставали звучать у него в ушах: «Если ты увидишь, что мое сочинение никуда не годится, ты можешь выбросить его или сжечь.» А если сказать, что я так и сделал?.. Никто ничего не узнает. И сам Неудачник не узнает.»

Весь день он ходил из угла в угол по своей комнате, и каждый раз, когда поднимал голову, он видел ворона, который неподвижно сидел против его окна.

- Ах, какой я несчастный, какой несчастный! - громко воскликнул Удачник. - Мухе и той живется лучше, чем мне! Вот если бы стать мухой! Или кузнечиком. Ком угодно, только бы избавиться от беды.

- Кар-р-р! Кар-р-р! - закричал вдруг ворон и, тяжело взмахивая крыльями, полетел прочь.

Прошел еще один день, а несчастный Удачник не мог ни на что решиться.

«Нет, лучше всего сказать правду, - думал он. - Но ведь этот Неудачник не поверит мне. Он непременно решит, что я только из жалости хвалю его сочинение, а что на самом деле - оно никуда не годится, и я сжег его. И что историю про ветер я просто выдумал. А если он даже поверит - так будет еще хуже. Ведь его труд, который мог бы прославить его, погиб навсегда. Так, может быть, лучше ему думать, что его сочинение только того и стоило, чтобы его сожгли? Но как же я скажу это?.. Ах, что же мне делать? Что делать?» - думал в отчаянии Удачник.

И мысли его бежали по тому же самому кругу. Обмануть - нельзя. Сказать правду - невозможно. Не поверит ему товарищ - плохо. Поверит - еще того хуже.

Он метался по комнате, как зверь в клетке, то садился, то вскакивал, то снова садился и ничего не видящими глазами глядел в окно.

Под вечер он услышал скрипучее карканье.

- Опять этот ворон! - с тоской сказал Удачник. - Ну что ему от меня надо! Какую еще беду он мне накаркает!

А ворон взлетел на самый подоконник, и со спины его - прямо на стол - соскочил маленький, точно игрушечный, человечек.

Удачник так удивился, что на минуту забыл о всех своих неудачах.

- Эй! Кто ты такой? Может, ты гном? Но ведь гномы бывают только в сказках!

- Если бы только в сказках! - тихо сказал Нильс, вздыхая. - Я ведь был человек как человек, вот такой, как ты, только мальчик. А настоящий гном заколдовал меня. С тех пор я так и живу - не то человек, не то непонятно что.

- Да где ж ты живешь? - спросил Удачник.

- А я с птицами живу. Меня гусиная стая к себе взяла.

- Какой ты счастливый, - воскликнул Удачник. - Ах, если б я мог стать таким, как ты! Если бы и меня унесли отсюда перелетные птицы!

Тут ворон, который до сих пор молчал, подтолкнул Нильса крылом и радостно каркнул:

- Говор-р-ри! Говор-р-ри! Скор-р-рей говор-р-ри! «Вот оно что! Вот зачем Фумле-Друмле принес меня сюда! - подумал Нильс. - Неужели я сейчас снова стану человеком!..»

Он открыл рот и, замирая от волнения, начал:

- Стань передо мной, Как мышь перед горой.

И вдруг замолчал. Как будто забыл все колдовские слова.

- Говор-р-ри! Говор-р-ри дальше! - закаркал Фумле-Друмле.

Но Нильс только отмахнулся от него.

А Удачник, который ни о чем и не подозревал, наклонился над Нильсом и сказал:

- Ну, говори же, говори дальше! Я никогда не слышал таких стишков!

- И хорошо, что не слышал, - сказал Нильс.

- Дур-р-рак! Дур-р-рак! - закаркал Фумле-Друмле.

- Помолчи! - прикрикнул на ворона Нильс. Потом снова повернулся к Удачнику и спросил:

- А ты почему хочешь стать таким, как я?

- Потому что я самый несчастный человек на свете! - воскликнул Удачник.

- Ты только послушай, что со мной случилось.

И он рассказал Нильсу, ничего не утаивая, о своей беде.

- Да, тут рад будешь на край света улететь, - согласился Нильс. - Но ведь Неудачнику-то от этого не станет легче!.. Послушай, я, кажется, смогу помочь твоему горю.

Он подбежал к ворону и стал что-то шептать ему на ухо.

- Дур-р-рак! Дур-р-рак! - закаркал в ответ ему Фумле-Друмле.

А Нильс все уговаривал и уговаривал ворона. Потом забрался к нему на спину, и они улетели - ворон и маленький человечек.

- Что это? - пробормотал Удачник, тряхнув головой. - Наверное, я спал и мне приснился сон?

Пока он раздумывал над этим, кто-то бросил в его окно несколько листков пропавшей рукописи.

И перед Удачником мелькнули черные вороньи крылья.

Весь вечер, до поздней ночи, собирал Нильс и Фумле-Друмле развеянные ветром листы и листок за листком приносили Удачнику. Они подбирали их на крышах и чердаках, па ветках деревьев и на дорожках сада, среди мусорной свалки и па колокольне собора. Куда только не заглядывали ворон и мальчик!

Одну страничку Нильс вытащил из собачьей будки. Фумле-Друмле вырвал какой-то исписанный листок прямо из рук торговца, когда тот свертывал из него кулек для орехов.

А счастливый Удачник расправлял, разглаживал каждую страницу и складывал их по порядку.

- Вот все и на месте! - сказал он наконец - Спасибо тебе, маленький человечек! И тебе спасибо, ворон! Я думал, ты мне беду накаркаешь, а ты мне вот какое счастье принес!

Он схватил рукопись и, несмотря па поздний час, побежал к Неудачнику. Пусть и счастливый Неудачник порадуется своей удаче!

Фумле-Друмле и Нильс остались одни на крыше.

- Ну что ж, надо возвращаться восвояси, - сказал ворон Нильсу. - Прозевал свое счастье, на себя и пеняй.

- Да ты не сердись, Фумле-Друмле, - сказал Нильс. - Очень уж мне стало жалко и Удачника и Неудачника.

Глава 17. Дома

И вот наконец Нильс увидел родную деревню.

- Гляди, гляди, - крикнул он Мартину, - вон улица наша! Вон наш дом! Попросим Акку спуститься.

Но Акку не надо было просить. Она ведь была умная гусыня и сама понимала, как хочется Нильсу увидеть родной дом.

Она высмотрела за деревней заглохший пруд и приказала стае спускаться.

Нильсу не терпелось сейчас же побежать домой. Но он боялся встретиться с кем-нибудь на улице и решил подождать до вечера.

Когда совсем уже стемнело, он отправился в деревню. Мартин со своим семейством тоже пошел за ним. Он хотел показать жене и детям птичник, в котором провел свою молодость.

- Мы только взглянем разок и вернемся, - сказал Нильс старой гусыне.

К счастью, они никого не встретили, пока шли через деревню.

Вот и знакомый двор. Они осторожно прошмыгнули через калитку.

Во дворе было тихо. Все куры и гуси давно уже спали. Только из дома доносились неясные голоса. Дверь в дом была приоткрыта, и оттуда узкой полосой пробивался свет.

Нильс заглянул в щелку.

В комнате все по-прежнему: у окна - стол, около печки - сундук и даже сачок на старом месте, между окном и шкафом.

Мать с отцом сидели за столом около лампы. Мать что-то вязала, а отец штопал рыбачью сеть. Под столом, свернувшись калачиком, лежал кот и тихонько мурлыкал.

- Где-то сейчас наш сыночек? - говорила мать, тяжело вздыхая. - Верно, голодает да холодает, скитаясь по дорогам. А может, больной лежит. Долго ли ребенку заболеть!..

Отец ничего не сказал. Он только нахмурился и еще ниже склонился над сетью.

- А может, его и на свете уже нет, - снова заговорила мать и украдкой вытерла глаза концом своего вязанья.

«Да я жив! Я здесь!» - чуть было не крикнул Нильс и сам отер рукавом слезы.

- Ну, уж ты придумаешь! - сердито сказал отец. - Подожди, вернется наш сыночек! Мы еще с ним порыбачим! Но мать только всхлипнула в ответ.

- Уж, какое там вернется! Если и жив, все равно домой не придет, - говорила она сквозь слезы. - Сколько раз тебе твердила: не наказывай ты его. Ведь мал он да глуп - что с него спросишь? А ты чуть что - сразу за ремень. Вот он и убежал.

- Ну да, а сама ты его мало бранила, что ли?

- Да я так уж, любя.

- А я что, не любя? Только вот одно я в толк не возьму - неужели он Мартина с собой увел? Собаку бы еще, это я понимаю. Собака - друг человека. А тут гусь какой-то! Гусь человеку не товарищ.

- Как это не товарищ? Еще, какой товарищ! - крикнул Нильс и скорей захлопнул ладонью рот.

- Кто это там пищит? - сказала мать, оглядываясь. - Мыши, что ли? Прямо беда с ними, все зерно в подполье перепортят. Эй ты, котище! Довольно тебе нежиться, ступай на охоту!

Кот зевнул, потянулся и лениво пошел к двери.

Он повел носом вправо, повел влево. Нет! Мышиным духом не пахнет.

А Нильс тем временем ни жив, ни мертв стоял за кадкой с водой. Он боялся шевельнуться, боялся дохнуть.

Что, если кот и вправду примет его за мышь?

И Нильс сразу представил себе, как кот бросается на него, хватает и тащит в зубах к матери.

У него даже пот на лбу выступил от страха и стыда.

Но кот, не обнаружив ничего подозрительного, угрожающе мяукнул в темноту и вернулся на свое место.

Нильс подождал с минутку, потом тихонько выбрался из своего убежища и медленно побрел по двору.

Около птичника стояло старое корыто, из которого мать всегда кормила кур и гусей. Гусята обступили корыто со всех сторон и жадно подбирали оставшиеся на дне зернышки, - Это зерно ячменное, - объяснял Мартин своим детям. - Такое зерно домашние гуси клюют каждый день, - Очень вкусное зерно, - сказал Юкси. - Давайте останемся и будем домашними гусями! Тут к ним подошел Нильс.

- Что ж, Мартин, мне пора идти, - грустно сказал он. - А ты, если хочешь, оставайся.

- Нет, - сказал Мартин, - я тебя не брошу. С тобой я бы остался, а так это не дело. Ну, полетели! - скомандовал он гусятам.

- Не хочу никуда лететь, - запищал Юкси. - Хочу здесь жить! Надоело мне все летать да летать.

- Раз отец велит тебе лететь, значит, надо лететь, - строго сказал Нильс.

- Да, тебе легко рассуждать, - опять запищал Юкси. - Сидишь себе на папиной шее и пальцем не шевельнешь. Попробовал бы сам полетать! Ах, если бы я сделался таким же маленьким, как ты! Меня бы тогда тоже все на спине носили. Вот было бы хорошо!

- Глупый! - сказал Нильс. - Неужели же ты, Юкси, и вправду хочешь быть маленьким?

- А что же тут такого? - ответил Юкси. - О маленьких все заботятся, маленьких ничего не заставляют делать. - Гусенок упрямо топнул лапой и запищал изо всех сил:

- Хочу быть маленьким! Хочу быть маленьким! Хочу быть таким, как Нильс!

- Вот наказание с этим Юкси! - сказал Мартин. - Недаром говорят - в семье не без урода. Проучить бы его, оставить бы навсегда маленьким!

- Ну и что ж, я бы не заплакал, - хорохорился Юкси. «Ах вот ты какой! - подумал Нильс. - Тогда тебя и жалеть нечего!»

И Нильс медленно и громко заговорил:

- Стань передо мной, Как мышь перед горой, Как снежинка перед тучей, Как ступенька перед кручей, Как звезда перед луной. Бурум-шурум, Шалты-балты. Кто ты? Кто я? Был - я, стал - ты.

И что же! Едва Нильс проговорил последнее слово, Юкси будто сжался в комочек. Он стал не больше воробья! Таким он был, когда только-только вылупился из яйца!

Юкси с удивлением озирался кругом. Он не понимал, что это с ним случилось.

А Мартин с Мартой загоготали, захлопали крыльями, забегали по двору.

«Наверное, они испугались за Юкси, - подумал Нильс. - А почему они сами тоже стали как будто меньше?»

- Мартин! Слушай, Мартин! - позвал Нильс своего друга. Но Мартин шарахнулся в сторону, а за ним - Марта и все гусята.

В это время хлопнула дверь, и из дому с фонарем в руках выбежала мать.

- Кто это там гусей выпустил? Эй, мальчик, ты что тут делаешь? - закричала она и подбежала к

Нильсу. Вдруг фонарь выпал у нее из рук.

- Нильс, сыночек мой! - воскликнула она. - Отец, отец, иди скорее! Наш Нильс вернулся.

На следующий день Нильс проснулся еще до рассвета. Он сел на кровати и огляделся. Где он? Вместо высокого неба - над ним низкий потолок. Вместо кустов - гладкие стены. Да ведь он дома! У себя дома!

Нильс чуть не закричал от радости.

И вдруг он вспомнил: «А как же Акка Кебнекайсе! Неужели она улетит со своей стаей, и я никогда ее больше не увижу?»

Нильс вскочил и выбежал во двор.

«Верно, и Мартин хочет попрощаться со стаей Акки Кебнекайсе», - подумал он и приоткрыл дверь птичника.

Мартин спал рядом с Мартой, окруженный гусятами.

- Мартин! Мартин! - позвал Нильс. - Проснись! Мартин открыл глаза, вытянул шею и зашипел.

- Мартин! Да что ты? Ведь это я, Нильс! Мартин недоверчиво покосился на него, но шипеть перестал - Мартин! Пойдем попрощаемся с Аккой! - сказал Нильс.

- Га-га-га! - ответил Мартин.

Но что он хотел сказать, Нильс не понял.

- Ну, не хочешь - не надо!

Нильс махнул рукой и один пошел к пруду.

Он еще не привык к тому, что у него такие большие руки и ноги. Поэтому он старательно обошел первый же камень, который попался ему на дороге - Да что это я! - спохватился Нильс и даже рассмеялся.

Он нарочно вернулся назад, перешагнул через камень, да еще поддал его носком башмака.

На краю деревни Нильс увидел, как из дому с ведрами в руках вышла какая-то женщина. Нильс прижался к забору. И опять рассмеялся. Ну чего ему прятаться? Ведь он теперь мальчик как мальчик.

И он смело пошел дальше.

Утро выдалось тихое, ясное. То и дело в небе раздавались веселые птичьи голоса. И каждый раз Нильс задирал голову - не его ли это стая летит?

Наконец он подошел к пруду.

В кустах испуганно зашевелились дикие гуси.

- Не бойтесь, это я, Нильс! - крикнул мальчик. Услышав чужой голос, гуси совсем переполошились и с шумом поднялись в воздух.

- Акка! Акка! Подожди! Не улетай! - кричал Нильс.

Гуси взметнулись еще выше, а потом построились ровным треугольником и закружились над головой Нильса.

«Значит, узнали меня! - обрадовался Нильс и замахал им рукой. - Прощаются со мной!»

А одна гусыня отделилась от стаи и полетела прямо к Нильсу. Это была Акка Кебнекайсе. Она села на землю у самых его ног и стала что-то ласково говорить:

- Га-га-га! Га-га-га! Га-га-га!

Нильс нагнулся к ней и тихонько погладил ее по жестким крыльям. Вот какая она теперь маленькая рядом с ним!

- Прощай, Акка! Спасибо тебе! - сказал Нильс.

И в ответ ему старая Акка раскрыла крылья, как будто хотела на прощание обнять Нильса.

Дикие гуси закричали над ним, и Нильсу показалось, что они зовут Акку, торопят ее в путь.

Нильс долго смотрел вслед своим недавним друзьям. Потом вздохнул и медленно побрел домой.

Так кончилось удивительное путешествие Нильса с дикими гусями.

Снова Нильс стал ходить в школу.

Теперь в дневнике у него поселились одни пятерки, а двойкам туда было не пробраться.

Гусята тоже учились, чему им полагается: как клевать зерно из деревянного корыта, как чистить перья, как здороваться с хозяйкой. Скоро они переросли Мартина с Мартой. Только Юкси остался на всю жизнь маленьким, словно он только что вылупился из яйца.

Иллюстрации: М.Пузыренко.